

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 2 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Конституционный
принцип равенства как
сложносоставной концепт:
проблемы адресата
и степени реализации

Природа правовых благ NFT
и их уголовно-правовая
охрана в контексте
метавселенной

Учение о понятии
и современные
юридические студии

К вопросу
о реформе системы
высшего образования

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 78
№ 2 (219)
февраль 2025

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 78
№ 2 (219)
февраль 2025

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 14.02.2025
Объем 17,90 усл. печ. л. (13,62 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 2 (219)
February 2025

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

14.02.2025
Volume: 17,90 conventional printer's sheets (13,62 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

Асадуллин М. Р. Правовой статус российских спортивных организаций, реализующих функцию самоорганизации 9

Фонотова О. В. Транснациональное коммерческое право и *lex mercatoria*: вместо или вместе? 19

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

Пресняков М. В. Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации 33

Масленникова С. В. Обращения граждан в российском законодательстве: традиции и современные вызовы для его совершенствования 42

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

Юйцуй Дин. Природа правовых благ NFT и их уголовно-правовая охрана в контексте метавселенной 56

Иванова А. А. Штраф как вид и мера наказания за безусловные преступления коррупционной направленности 66

Цыреторов А. И. Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве 81

ГЕНОМ / *GENOME*

Нечаева Е. К., Некотенева М. В., Кубышкин А. В. Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект 102

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

Анисов А. М., Малюкова О. В. Учение о понятии и современные юридические штудии 112

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации 130

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. К вопросу о реформе системы высшего образования 141

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Asadullin M. P.** The Legal Status of Russian Sports Organizations Implementing the Function of Self-Organization 9
- Fonotova O. V.** Transnational Commercial Law and Lex Mercatoria: In Place of Each Other or Along with Each Other? 19

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Presnyakov M. V.** The Constitutional Principle of Equality as a Complex Concept: Problems of the Addressee and the Degree of Implementation 33
- Maslennikova S. V.** Citizens' Appeals in Russian Legislation: Traditions and Modern Challenges for its Improvement 42

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

- Yucui Ding.** The Nature of NFT Legal Benefits and their Criminal Protection in the Context of the Metaverse 56
- Ivanova A. A.** A Fine as a Type and Measure of Punishment for Unconditional Crimes of Corruption 66
- Tsyretorov A. I.** Determining the Efficiency of Legal Impact on Real Processes and Actual Results in Criminal Proceedings 81

GENOME / GENOME

- Nechaeva E. K., Nekoteneva M. V., Kubyshkin A. V.** Development of Legal Regulation of Synthetic Biology: Integration and Legal Aspect 102

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

- Anisov A. M., Malyukova O. V.** The Doctrine of the Concept and Modern Legal Studies 112

IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

- Kabyshv S. V.** Conceptual Issues of Improving Legislation on Science and Scientific and Technological Development in the Russian Federation 130
- Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G.** On Reform of the Higher Education System 141

Правовой статус российских спортивных организаций, реализующих функцию самоорганизации

Резюме. Статья посвящена правовому статусу спортивных организаций, реализующих функцию правовой самоорганизации, и их организационно-правовым формам. Обращается внимание на то, что названные законодателем в своеобразном спортивном тезаурусе организации не являются организационно-правовыми формами, поэтому требуется оценка значимых понятий законодательства о спорте в соотношении с общей линией современного гражданского права. Исследование роли различных спортивных организаций в правовой самоорганизации позволило сделать ряд выводов: во-первых, неисчерпывающий перечень функций спортивных федераций свидетельствует об их центральном месте в системе органов правовой самоорганизации; во-вторых, спортивные лиги предназначены исключительно для проведения официальных спортивных соревнований; в-третьих, у спортивного клуба отсутствуют официальные полномочия осуществлять правовую самоорганизацию в спорте (клубы часто представляют своих спортсменов на соревнованиях, и их деятельность носит локальный характер); в-четвертых, спортивные агенты не участвуют в формировании базовых правил организации спорта. Проанализировав используемые на практике организационно-правовые формы спортивных организаций, автор пришел к выводу, что в контексте их возможности принимать участие в работе по правовой самоорганизации следует уточнить их номинацию, ясно определив правовую форму.

Ключевые слова: правовая самоорганизация; профессиональный спорт; спортивная федерация; спортивный клуб; спортивная лига; спортивный агент; закон о спорте; спортсмен; физическая культура; спортивный тезаурус; субъекты физического спорта

Для цитирования: Асадуллин М. Р. Правовой статус российских спортивных организаций, реализующих функцию самоорганизации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.009-018

The Legal Status of Russian Sports Organizations Implementing the Function of Self-Organization

Murad R. Asadullin
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. The paper elucidates the legal status of sports organizations that implement the function of legal self-organization, and their organizational and legal forms. The author draws the readers' attention to the fact that the organizations' names given according to the legislator's plan in terms originating from the sports area are not organizational and legal forms. Therefore, it is necessary to evaluate significant concepts of sports legislation in relation to the modern civil law. The study of the role of various sports organizations in legal self-organization made it possible to conclude that, firstly, the inexhaustible list of functions of sports federations testifies to their

central place in the system of legal self-organization bodies. Secondly, sports leagues are exclusively for official sports competitions; thirdly, the sports club does not have official authority to carry out legal self-organization in sports (clubs often represent their athletes in competitions and their activities are local in nature); fourthly, sports agents do not participate in the formation of basic rules for organizing sports. Having analyzed the organizational and legal forms of creating sports organizations used in practice, the author came to the conclusion that in the context of their ability to take part in work on legal self-organization, their nomination should be clarified, clearly defining the legal form.

Keywords: legal self-organization; professional sports; sports federation; a sports club; a sports league; sports agent; sports law; athlete; physical education; sports thesaurus; subjects of physical sports

Cite as: Asadullin MR. The Legal Status of Russian Sports Organizations Implementing the Function of Self-Organization. *Lex russica*. 2025;78(2):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.009-018

Введение

С каждым годом внимание к спорту повышается, поэтому центральной задачей государства является содействие развитию спортивной индустрии. В связи с этим следует ожидать, что в скором времени в научной среде будет проведена масштабная ревизия всего терминологического аппарата Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о спорте)¹, устранены смысловые неточности, а также изменена его структура. Кроме того, давно назрела необходимость сверки значимых категорий законодательства о спорте с общей линией современного гражданско-правового регулирования и уровнем развития цивилистической доктрины. Формально вопросам о субъектах в спорте в Российской Федерации посвящено существенное количество положений Федерального закона о спорте. Отчасти к ним относятся и статья 2, где кратко указаны отдельные понятия (по замыслу законодателя, это своеобразный «спортивный тезаурус»), и статья 5, поименованная «Субъекты физической культуры и спорта в Российской Федерации», а также ряд других статей данного Закона. Вместе с тем можно проследить явную логическую несогласованность множества терминов, несоответствие гражданско-правовому регулированию и приметную оторванность от ведущих линий развития спорта сегодня.

Основная часть

Для оценки статуса спортивных организаций обратимся к анализу текста Федерального закона о спорте. Надо отметить, что названные в ст. 2 Федерального закона о спорте организации вовсе не являются организационно-правовыми формами, поэтому вначале дадим краткое описание специфических наименований спортивных организаций по указанному Закону.

Значительное количество терминов, используемых в Федеральном законе о спорте, уместно опустить, поскольку они лишены правового смысла. Это касается и понятия «физкультурно-спортивные организации» (скорее собирательного), и других: «образовательные», «оборонные», «Российский спортивный студенческий союз», «федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие руководство развитием военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта» и т.д. Всё это имеет слабое отношение к спорту.

Отметим, что значительные полномочия закреплены за Российской Федерацией (ст. 6), субъектами РФ (ст. 8) и муниципальными образованиями (ст. 9 и 9.1). Это объясняется попыткой в Федеральном законе о спорте более конкретно описать вопросы государственного управления спортом, но несколько странно с учетом положений ст. 3 исследуемого Федерального закона, которые прямо ориентируют на «саморегулирование» в спорте, а также Олимпийской хартии².

Частично посвящена организациям спорта и глава 2 Федерального закона о спорте, но

¹ СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

² URL: <https://rsaski.ru/upload/medialibrary/2cf/2cf71b6709e47d563b24582390ee9c27.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

ее текст во многом компилятивен³, поскольку содержит краткие выписки из полномочий публичных образований (см. гл. 5 ГК РФ) или ихвольные интерпретации, что и может служить еще одним доказательством необходимости в кратчайший срок развести по самостоятельным линиям законодательное регулирование физической культуры и спорта⁴. У них неодинаковые задачи, способы реализации, формы существования и методы правового решения. Если занятия физкультурой лежат в области здоровья и нечасто получают правовое оформление, то практически все известные, обозначенные в публичном пространстве соревнования имеют правовые формы и проходят как процессы реализации тех или иных правоотношений (групп правоотношений). Наконец, не совпадают они и содержательно: если в спорте непременно имеется компонент состязательности, то при занятиях физической культурой его нет.

Спортивная федерация

Значительный правовой смысл имеется в положениях Федерального закона о спорте о закреплении полномочий федераций (местных и региональных (ст. 13) и общероссийских (ст. 14–16)). Само понятие «федерация», скорее всего, скопировано из Олимпийской хартии, но там термины «федерация» и «ассоциация» используются как равнозначные⁵.

По мнению Минспорта России, использование в наименовании спортивной федерации слов «союз» или «ассоциация» допустимо, поскольку не означает указания на организационно-правовую форму (Методические рекоменда-

ции и разъяснения относительно особенностей правового регулирования деятельности спортивных федераций)⁶. Трудно понять и логику п. 4.8 данного документа, где подтверждается возможность включения в состав федераций коммерческих организаций, хотя это противоречит ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁷. Явно требуется корректировка текстов указанных актов для обеспечения их согласованности. На наш взгляд, если уж сохранять дублирующее регулирование Федерального закона «Об общественных объединениях», то надо следовать линии, намеченной им, и включать в число членов федерации лишь граждан и другие общественные объединения. Правда, еще лучше прямо указать, что спортивные федерации имеют организационно-правовую форму общественных объединений.

В этих статьях, по сути, подтверждается, что именно федерации выступают лидерами по формированию правил спорта. Не повторяя текст закона, отметим, что общероссийские федерации для реализации функции правовой самоорганизации соответствующего вида спорта должны быть аккредитованы, а вид спорта должен войти во Всероссийский реестр видов спорта⁸. Такие федерации вправе принимать центральные для конкретного спорта решения (свод основных решений по самоорганизации): а) участвовать в формировании текста правил игр (спорта), представляя его Минспорта России для утверждения; б) организовывать и проводить соревнования или поручать это другим организациям; в) создавать общие для данного

³ В частности, почему бы, освобождая текст специального закона (Федерального закона о спорте), просто не сослаться на полномочия соответствующих органов в законах о них? Например, на Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об основах местного самоуправления» (СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822).

⁴ По мнению ряда исследователей, должен получить специальное регулирование и профессиональный спорт (см.: Васильевич В. П. Правовой режим профессиональной деятельности спортсмена: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. С. 17–18 ; Он же. Правовая природа профессиональной деятельности спортсмена // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101). С. 58–66).

⁵ Согласно ст. 25 Олимпийской хартии все международные федерации а) должны быть «признаны» МОК, б) быть «международными неправительственными», в) «руководить одним или несколькими видами спорта».

⁶ Письмо Минспорта России от 26.04.2018 № ПН-05-00/3127 «О направлении Методических рекомендаций и разъяснений относительно особенностей правового регулирования деятельности спортивных федераций» // URL: https://rulings.ru/acts/Pismo-Minsporta-Rossii-ot-26.04.2018-N-PN-05-00_3127/ (дата обращения: 08.12.2023).

⁷ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁸ См. действующий Всероссийский реестр видов спорта, утвержденный Минспорта России: URL: <https://esnsi.gosuslugi.ru/classifiers/10966/data?pg=1&p=1> (дата обращения: 06.12.2023).

спорта положения и регламенты, регулирующие как процесс соревнований, так и многие внутренние отношения; г) осуществлять организационные действия по составу тренеров и судей (в том числе по их аттестации); д) представлять спортсменов для их награждения и присвоения квалификаций; е) осуществлять формирование сборных команд по данному виду спорта; ж) вступать в международные спортивные федерации; з) вести систему учета данных спортсменов и полученных ими спортивных результатов и т.д.

Этот впечатляющий и неисчерпывающий перечень очевидно свидетельствует о центральном месте спортивных федераций в системе органов правовой самоорганизации. Он легко может быть дополнен⁹ и развернут путем детализации, уточнения функций (например, федерации вправе осуществлять и методическое воздействие в виде выдачи рекомендаций), а наличие полномочий сопровождается и в некотором смысле уравнивается обязанностями (п. 3 ст. 16 Федерального закона о спорте). Ряд формулировок данного пункта побуждает к дискуссиям. Так, закреплена обязанность «осуществлять формирование, подготовку спортивных сборных команд Российской Федерации», что не относится ни к гражданско-правовым обязанностям, ни к административно-правовым, поскольку нельзя сказать, что спортивная федерация, действующая автономно, подчиняется Министерству спорта РФ и находится в административно-правовых отношениях. Судя по всему, эта обязанность является государственно-правовой (конституционно-правовой), обусловленной самим фактом нахождения федерации на территории Российской Федерации, где суверен вправе проявлять дискрецию и устанавливать обязанности всякого субъекта.

Названный свод основных действий по правовой самоорганизации условно можно разделить на те функции, которые являются исключительными и реализуются только федерацией, и те, которые могут быть переданы тем или иным образом другим организациям. Например, только общероссийская федерация может направлять в публично-правовую компа-

нию «Единый регулятор азартных игр» запросы и получать информацию о заключенных спортсменами и спортивными судьями, тренерами, руководителями команд в букмекерских конторах и тотализаторах пари на официальные спортивные соревнования.

Некоторые из функций обычно делегируются другим федерациям (например, региональным), а ряд их в силу специфичности передается специализированным организациям почти всегда (например, проведение соревнований — стадионам, а массовых длительных профессиональных турниров — спортивным лигам). В принципе, и самые незначительные спортивные организации также выполняют какую-то часть данных функций, но ограниченно и в пределах своей организации, устанавливая определенные права и обязанности спортсменов, внутренний распорядок и т.п. Однако все эти действия организационного характера осуществляются в силу уже установленных правил, а также во имя их исполнения и обычно под тем или иным контролем самой федерации. Данный (контрольный) аспект проявляется различно, но непременно. Так, за уровнем подготовки к Олимпийским играм контроль осуществляют и МОК, и международные спортивные организации (см. Официальные разъяснения к Правилу 34 Олимпийской хартии). Организаторы спортивных мероприятий обязаны перед федерацией и (или) Олимпийским комитетом России подготовить и назначить контролеров-распорядителей при проведении официальных спортивных мероприятий (ст. 20.2 Федерального закона о спорте). Кроме того, в силу ст. 34.6 Федерального закона о спорте общероссийские спортивные и некоторые иные организации вправе осуществлять «общественный контроль за соблюдением организациями», реализующими образовательные программы спортивной подготовки, федеральных стандартов спортивной подготовки, и т.д.

Таким образом, свод действий по самоорганизации в своей основе формируется именно соответствующей федерацией, но они распределены и по другим субъектам, нередко лишь в виде уточнения или простого исполнения.

⁹ Например, положением о том, что на федерации возлагаются и создание специальных органов по спортивному арбитражу, и определение положений о нем. На практике такие органы существуют как дисциплинарные комиссии (см., например: Положение о Дисциплинарной комиссии Федерации тенниса Российской Федерации // URL: <https://tennis-russia.ru/upload/custom/f82/f824f96b1d229932fd50068afda42a56.pdf> (дата обращения: 24.06.2024)).

Спортивные клубы

Вслед за спортивными федерациями Федеральный закон о спорте в числе спортивных организаций называет «спортивные клубы» (ст. 19). Действительно, это популярное наименование, но не организационно-правовая форма, что вынуждает сделать некоторые пояснения. Их нормативно-правовой статус в России весьма расплывчат. В статье 19 Федерального закона о спорте более-менее ясно указано лишь на то, что они являются юридическими лицами, остальные аспекты нормативно определены крайне свободно (или в смысле возможных решений, или в смысле рекомендаций). Так, в п. 4.2 указанной статьи говорится о том, что клубы «должны создавать условия для занятий гражданами физической культурой и спортом», что при несомненной лексической ясности текста трудно толковать как законодательно установленную обязанность, а если даже и как обязанность, то в отношении кого именно: всех проживающих на данной территории, всех членов? При оценке правового положения спортивных клубов по законодательству Республики Беларусь, которое во многом сходно с их положением в России, В. С. Каменков отмечает, что далеко не любые организационно-правовые формы соответствуют задачам клубов. С его точки зрения, спортивные клубы могут быть как коммерческими, так и некоммерческими, но, несомненно, они должны быть юридическими лицами, поскольку это вытекает из круга задач клуба¹⁰. В Республике Казахстан спортивные клубы также наделяются правами юридического лица¹¹.

С данным выводом следует согласиться, добавив, что выбор организационно-правовой формы клуба должен учитывать необходимость создания таких внутренних отношений, когда правовые положения о спортивных клубах релевантно могли бы быть реализованы. Не-

сомненно, интенция законодательного регулирования такова, что эти организации должны иметь членские отношения, т.е. быть корпорациями.

Впрочем, и привычные лексические формы (например, «член клуба») говорят об этом же. Спортивные клубы в настоящее время нередко избирают организационно-правовой формой как автономную некоммерческую организацию (далее также — АНО), так и хозяйственное общество¹². Последнее же непременно (в силу статуса) нацелено на получение прибыли¹³. По мнению некоторых исследователей, это допустимо и приемлемо, поскольку средства, заработанные от коммерческой деятельности, будут направлены на поддержку спорта¹⁴. Это возможно, но при отсутствии надежного механизма и соответствующих маркеров связи членства с распределением выгод положение спортсменов разительно отличается от положения лиц, являющихся участниками ООО (акционерами АО). И наоборот, спортсмены не несут прямые риски и правовые последствия неудовлетворительного финансового состояния или банкротства клуба. Это говорит о явной асимметрии состава прав и обязанностей членов клуба и спортсменов. Но в русском языке слова «клуб», «клубный характер» всё же отражают органичное равенство всех участвующих.

Поэтому для клубов, если мы хотим сохранить их значение как формы деятельности группы единомышленников, сообща действующих на избранном пространстве в сфере спорта, лучше всего подойдет форма общественного движения с ясным выделением состава прав и обязанностей. Поскольку имеющиеся формы этого правового феномена плохо выражены в современных некоммерческих корпорациях, то есть смысл создавать их особые варианты, в большей степени отражающие «клубный характер» взаимоотношений. Либо, если не бу-

¹⁰ См.: Каменков В. С. Правовое положение спортивного клуба в Республике Беларусь // Закон. 2011. № 1. С. 208–214.

¹¹ См.: приказ Министра туризма и спорта Республики Казахстан от 03.08.2011 № 02-02-18/153 «Об утверждении Правил деятельности физкультурно-спортивных обществ (спортивные клубы)» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1100007145#z0> (дата обращения: 20.11.2023).

¹² См., например: Бондаренко М. П., Лях М. П. Совершенствование процесса организации деятельности физкультурно-оздоровительных клубов Волгограда : монография. Волгоград : ВГАФК, 2012.

¹³ Впрочем, ориентация спортивного профессионального клуба на получение прибыли заложена и в Модельном законе стран СНГ о профессиональном спорте (URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/213.pdf> (дата обращения: 01.12.2023)).

¹⁴ См.: Ромашин И. А. Правовой статус спортивного клуба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 553–555.

дет найдено надлежащего правового решения, ст. 19 Федерального закона о спорте проще всего исключить. Отметим, что в мировой практике известны попытки придать особый (именно «клубный») характер деятельности спортивных организаций¹⁵.

Спортивные клубы лишь «могут быть» участниками соответствующих федераций. Однако периодически встречаются попытки построить «вертикальные» отношения спортклубов с федерациями на принудительной основе. Так, одно время все стрелковые клубы заставляли вступить в федерацию или заключить с нею договор. Росгвардия лишала разрешения на хранение и использование оружия и патронов, пока наконец суд не вынес решение о том, что у спортивного клуба нет обязанности ни вступать в указанную федерацию, ни заключать с нею договор¹⁶.

Данные спортивные организации минимально связаны с вопросами правовой самоорганизации, поскольку осуществляют лишь «учебно-тренировочную, соревновательную, физкультурную и воспитательную деятельность» (п. 1 ст. 19 Федерального закона о спорте). Разумеется, если они проводят соревнование, то в каком-то объеме ведут и отбор, и учет результатов, а также должны соблюдать и следить за соблюдением уже установленных правил в спорте; клубы также вправе — в пределах допустимого — толковать и применять положения о правах и обязанностях спортсменов.

Отметим, что, помимо отсутствия официальных полномочий у спортивного клуба осуществлять правовую самоорганизацию в спорте, есть еще два обстоятельства, препятствующие этому. Во-первых, клубы часто представляют

своих спортсменов на соревнованиях, и было бы нелогично в условиях спортивной конкуренции даже отдельные клубы наделять такой компетенцией. Во-вторых, деятельность клубов носит локальный характер и в части ограниченного числа определенных участников (детей, школьников, подростков, инвалидов, лиц пожилого возраста).

Спортивные лиги

В числе субъектов спорта статья 19.2 Федерального закона о спорте называет и профессиональные спортивные лиги. Данные организации предназначены исключительно для проведения официальных спортивных соревнований и только с согласия общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду спорта¹⁷. Особенностью таких организаций являются включение в них спортивных организаций и других государств (например, в хоккее — Казахстана и Китая) и ориентация на исключительно профессиональный спорт. Основная проблема в целом ясна: коммерческой организации (например, КХЛ действует в статусе ООО) дозволяется выполнять несвойственные ей функции, что требует взвешенной оценки и постоянного мониторинга.

На стадии законопроекта находится предложение о создании «любительских спортивных лиг»¹⁸, целесообразность которого более чем сомнительна и из-за смешения терминологии, и из-за попытки перенесения сложившихся понятий на другие явления. Ведь те или иные массовые мероприятия у любителей проводились и будут проводиться без использования термина «лига» и опоры на весьма жесткие положения профессионального спорта.

¹⁵ Так, для обеспечения баланса интересов болельщиков и клуба «Манчестер Юнайтед» пошел на то, чтобы приобретающие его акции лица делали это в порядке дополнительных взносов — для покупки нужных игроков и выкупа контрольного пакета у прежних владельцев — и получали дополнительные бонусы по акциям; в результате такие болельщики получили право голосовать при выборе игроков, по трансферам. В мексиканском штате Синалоа решили объединить и финансовые, и «интеллектуальные» ресурсы, дав болельщикам особые полномочия по выработке тактики и стратегии клуба (см.: Организационно-правовые формы спортивных организаций и объединений // URL: <https://vadimgalkin.ru/sport-2/sport/organizacionno-pravovye-formy-sportivnykh-organizacij-i-obedinenij/> (дата обращения: 05.12.2023)).

¹⁶ См.: Росгвардейцы промазали по практическим стрелкам // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5548146> (дата обращения: 04.12.2023).

¹⁷ См. также: Овчинникова Н. А., Каткова В. В. Особенности правового статуса профессиональных спортивных лиг // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 107–117.

¹⁸ См.: Право спортивных федераций на проведение любительских мероприятий решили узаконить // URL: <https://www.pnp.ru/politics/pravo-sportivnykh-federacij-na-provedenie-lyubitel'skikh-meropriyatij-predlozhili-uzakonit.html> (дата обращения: 06.12.2023).

Спортивный агент

Исторически сложилось так, что в спорте, как это нередко имеет место и в творческой деятельности, предложение услуг новой спортивной команде спортсмен делает не непосредственно, а через агента. Деятельность спортивных агентов минимально урегулирована пунктом 20.2 ст. 2 и статьей 19.3 Федерального закона о спорте, в частности, она требует аккредитации (п. 6 указанной статьи), а организации, осуществляющие аккредитацию, обязаны контролировать агентов. Потребность в спортивных агентах естественна, агенты, как правило, являются сведущими людьми, лучше самого спортсмена разбирающимися в деталях организации спорта. Подавляющее большинство профессиональных спортсменов за рубежом имеет своих агентов, заключающих за них контракты или подсказывающих лучшие условия¹⁹. В целом в литературе их деятельность считается подчиняющейся также правилам о договоре агентирования по ГК РФ (с учетом специфики)²⁰. Однако есть ученые, которые полагают, что правовое регулирование охватывает лишь небольшую часть деятельности спортивных агентов²¹.

Часть вопросов деятельности спортивных агентов является спорной, но, думается, дело, прежде всего, в самой конструкции агентирования, допускающего и действия агента от собственного имени (ст. 1005 ГК РФ), а также в допустимости применения не только норм законодательства, но и положений спортивных федераций и национальных спортивных лиг, что прямо предусмотрено пунктом 1 ст. 19.3 Федерального закона о спорте. Перед спортивным агентом открываются значительные возможности для использования информации в личных целях, но они, по крайней мере формально, уравниваются его фидуциарными обязанностями, указанными в п. 3 ст. 19.3 Закона (в частности, отказаться от участия в азартных играх и соблюдать этические правила в спорте).

Фигура спортивного агента важна и даже неизбежна в современном спорте, однако в правовой самоорганизации не столь уж значима. При всей актуальности деятельности агента, даже в тех случаях, когда он заключает для спортсмена договор, это обстоятельство не выводит его в число персон, формирующих базовые правила организации спорта.

Организационно-правовые формы спортивных организаций

Далее кратко проанализируем используемые на практике организационно-правовые формы спортивных организаций в контексте их возможности принимать участие в работе по правовой самоорганизации.

Сразу отметим: мнение, что спортивные организации могут создаваться в любой организационно-правовой форме (это, казалось бы, следует из ст. 10 Федерального закона о спорте), ошибочно²².

Товарищеские формы ведения дел — товарищества полные (ст. 69–81 ГК РФ) и командитные (ст. 82–86 ГК РФ), — в принципе, могут создаваться и в спорте, а во многом и более удобны для небольших организаций, организующих соревнования или иным образом хозяйствующих в сфере спорта, чем АНО или ООО. Но исследование показало, что данная форма почти не используется в данной отрасли (вероятно, многих отпугивает возможное обращение взыскания на складочный капитал по обязательствам товарищества (ст. 80 ГК РФ)).

Практически неизвестны в спорте и производственные кооперативы (ст. 106.1 ГК РФ), хотя они, разумеется, могут заниматься производством необходимых для спортивной деятельности объектов и товаров (например, строительством жилья для спортсменов), оказанием услуг (таких, как содействие пожилым, бывшим спортсменам, оказание медицинской помощи)²³.

¹⁹ См.: URL: <https://sportuniverhub.com/kak-stat-futbolnym-agentom> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁰ См., например: *Николюкин С. В.* Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // *Законодательство и экономика*. 2011. № 10. С. 62–71.

²¹ См., например: *Эйдельман И. Н.* Гражданско-правовое регулирование спортивных агентов. М. : Русайнс, 2015. С. 8–10.

²² Критикуя данную норму, исследователи справедливо отмечают, что, например, невозможно создание спортивной организации в виде производственного кооператива (см.: *Мерзликина Р. А., Бычков А. Б.* Физкультурно-спортивные организации в гражданско-правовых отношениях: проблемы теории и практики // *Гуманитарные и социальные исследования*. 2014. № 2. С. 112–116).

²³ См., например: *Ларионов И. К., Ехлакова Е. А., Ларионова И. И.* Предпринимательство. Корпоративный и теневой ракурсы. М. : Дашков и Ко, 2018. С. 7 ; *Социальные кооперативы — что это, функции и сущность* // *Мое право: юридическая помощь online*. URL: <https://pravo.moe> (дата обращения: 20.12.2023).

Общества с ограниченной ответственностью (ст. 87–94 ГК РФ) и акционерные общества (ст. 96–104 ГК РФ) чаще всего используются для организаций, полагающих необходимым поддерживать коммерческих задач (нередко это спортивные клубы). Как коммерческие организации они практически не имеют возможности принимать акты в области правовой самоорганизации, но неизбежно заняты такой работой в рамках своих границ.

Практике спорта известно немало случаев, когда спортивные организации создаются в организационно-правовой форме учреждений (ст. 123.21 ГК РФ)²⁴, но у таких организаций есть очевидный конструктивный недостаток. Они не являются собственниками имущества, что, на наш взгляд, ограничивает их в развитии и ставит в зависимое положение по отношению к соответствующему собственнику. Такие организации в лучшем случае могут организовывать лишь собственные занятия.

Значительно чаще спортивные организации создаются как некоммерческие организации. Следует отметить, что единой, оптимальной для всех спортивных организаций формы некоммерческих организаций нет и быть не может, поскольку она должна подбираться исходя из задач, ресурсов и способов работы.

Организационно-правовая форма «общественная организация» применяется в спорте весьма часто²⁵, возможно чаще других. Формально она замышлялась как «добровольное объединение по интересам» (в законе подчеркнуто: «для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей»). Нередко считают, что указана она и в п. 1 ст. 14 Федерального закона о спорте как организационно-правовая форма федераций. Однако это еще надо доказать, поскольку в тексте есть лишь ссылка на то, что создание, деятельность и ликвидация спортивных федераций осуществляются в соответствии с законодательством об общественных объединениях (с учетом особенностей Федерального закона о спорте). Обычно

не утверждается, что это именно особая характеристика — организационно-правовая форма. При этом статья 7 Федерального закона «Об общественных объединениях» называет шесть различных видов организационно-правовых форм: от общественной организации, общественного фонда до политической партии. Мы допускаем, что предполагалась именно общественная организация.

Данная форма как специальное юридико-техническое решение невнятна с точки зрения правовых признаков, внутреннего строя, конкретного наполнения корпоративных прав и обязанностей, отсутствия пояснений о том, какое отношение к данной корпорации могут иметь спортсмены. Такие организации вроде бы основаны на членстве (т.е. они корпорации), а с другой стороны, отсутствует содержательная составляющая ведения дел, в том числе экономическая основа (не считая требования уплачивать взносы (п. 2 ст. 123.6 ГК РФ) и признания собственником имущества самой организации). Есть и требующее особого комментария положение о том, что участник «вправе на равных началах с другими участниками (членами) организации безвозмездно пользоваться оказываемыми ею услугами» (п. 1 ст. 123.6 ГК РФ). Пункт 2 ст. 123.6 ГК РФ предусматривает обязанность участников вносить предусмотренные уставом членские «и иные имущественные взносы». Но практике неизвестны такие случаи, и непонятно, почему, пусть и рамочно, не очертить случаи, пределы и масштаб таких «иных» взносов. Не вполне ясны масштаб, область действия и видимые последствия реализации корпоративных прав, предусмотренных пунктом 1 ст. 65.2 ГК РФ. Ведь в состав таких полномочий входит и обжалование решений органов, влекущее гражданско-правовые последствия, и право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных ей убытков, и опаривание некоторых ее сделок.

Организационно-правовая форма ассоциаций (союзов) в спорте используется часто

²⁴ Чаще всего в форме учреждений создаются организации — центры спортивной подготовки или заведения, содержащиеся за счет бюджета субъектов РФ по отдельным направлениям подготовки (см., например: URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/society/sport/sport_org.htm (дата обращения: 06.12.2023)).

²⁵ Ими является большинство спортивных федераций, например общероссийская общественная организация «Федерация фехтования России» (URL: <https://www.rusfencing.ru/upload/iblock/90d/90d27035a4d210663929c40f4f3643a7.pdf> (дата обращения: 07.12.2023)). Общественными организациями являются и Федерация бокса России (URL: <http://www.boxing-fbr.ru/upload/iblock/f38/f3824f3fd69373249bc0f7abca7df0c4.pdf> (дата обращения: 07.12.2023)), и Национальная федерация бадминтона (URL: http://www.badm.ru/files/File/docs/2018/Ustav_NFBR_2017_2018.pdf (дата обращения: 08.12.2023)).

(ст. 123.8 ГК РФ) и видится более удачной для всех случаев, когда требуется представлять именно профессиональные интересы. Несколько неудобно членство лишь в том, что члены могут нести субсидиарную ответственность по обязательствам ассоциации (п. 3 ст. 123.8 ГК РФ), но возможность этого должна быть закреплена в уставе.

Как уже отмечалось, спортивные федерации в действительности по своему правовому строю есть скорее ассоциации, хотя не регистрируются в такой организационно-правовой форме. Но нередко статус именно ассоциаций получают союзы различных видов спорта²⁶.

Автономные некоммерческие организации, не являющиеся ни корпорациями, ни коммерческими организациями (ст. 123.24 ГК РФ, ст. 10 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»), нередко создаются для решения различных задач в спорте: от проведения соревнований²⁷ до строительства объектов. Они не корпорации, и у них обычно совершенно различные задачи, в том числе они могут выступать в качестве формы аккумуляции средств для финансирования крупных спортивных проектов. Например, АНО «Оргкомитет “Сочи 2014”» выступала специфическим агентом в отношениях со спонсорами (получала средства и направляла их на требуемые участки). АНО редко генерируют новые финансовые ресурсы, будучи скорее модератором и администратором их расходования. В этом смысле такие организации являются инструментом вложения средств. По общему правилу это бюджетные средства, а их предоставление производится путем заключения го-

сударственных (муниципальных) контрактов о субсидиях на годовой или трехлетний период (т.е. на безвозмездной основе). Базовые положения предусматривают, что все имущество принадлежит самой организации, но закон (п. 4 ст. 123.24 ГК РФ) допускает возможность ведения АНО именно «предпринимательской деятельности», что, с одной стороны, несколько странно, а с другой — объясняет внимание к этой форме финансово состоятельных структур и отдельных лиц.

Фонды, и общественно полезные (ст. 127.17 ГК РФ), и тем более личные, лишены юридической возможности участвовать в формировании правовой самоорганизации спорта из-за своего статуса, хотя они могут вносить вклад в развитие спорта путем аккумуляции средств²⁸.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, полагаем: необходима значительная реформа законодательства о спорте, в том числе ясное разграничение правового регулирования спорта и физической культуры, имеющих различные задачи и, соответственно, требующих несовпадающего регламентационного инструментария и методов воздействия. Следует уточнить номинацию различных спортивных организаций, четко обозначив их организационно-правовую форму, в том числе целесообразно определить правовую сущность многочисленных «спортивных клубов», не исключая, что сам этот термин будет необязательным и просто официально утратит правовое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко М. П., Лях М. П. Совершенствование процесса организации деятельности физкультурно-оздоровительных клубов Волгограда : монография. Волгоград : ВГАФК, 2012. 175 с.

Васькевич В. П. Правовая природа профессиональной деятельности спортсмена // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101). С. 58–66.

Васькевич В. П. Правовой режим профессиональной деятельности спортсмена: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 65 с.

²⁶ Например, Всероссийская ассоциация летних олимпийских видов спорта (URL: <http://www.valovs.ru/>) (дата обращения: 08.12.2023)).

²⁷ Например, автономная некоммерческая организация по предоставлению услуг в области физической культуры и спорта кадет «Лига кадетского спорта» при поддержке Минспорта России.

²⁸ См., например: Общероссийский общественный фонд поддержки и развития спорта Российской Федерации // URL: <http://xn--80ah0adcfifmm.xn--p1ai/> (дата обращения: 06.12.2023).

На наш взгляд, организационно-правовая форма данной организации определена неточно.

- Каменков В. С. Правовое положение спортивного клуба в Республике Беларусь // Закон. 2011. № 1. С. 208–214.
- Ларионов И. К., Ехлакова Е. А., Ларионова И. И. Предпринимательство. Корпоративный и теневой рынки. М. : Дашков и Ко, 2018. 275 с.
- Мерзликина Р. А., Бычков А. Б. Физкультурно-спортивные организации в гражданско-правовых отношениях: проблемы теории и практики // Гуманитарные и социальные исследования. 2014. № 2. С. 112–116.
- Николюкин С. В. Агентские соглашения в предпринимательском обороте: национальное и международно-правовое регулирование // Законодательство и экономика. 2011. № 10. С. 62–71.
- Овчинникова Н. А., Каткова В. В. Особенности правового статуса профессиональных спортивных лиг // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 107–117.
- Ромашин И. А. Правовой статус спортивного клуба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 553–555.
- Эйдельман И. Н. Гражданско-правовое регулирование спортивных агентов. М. : Русайнс, 2015. 120 с.

REFERENCES

- Bondarenko MP, Lyakh MP. Improving the process of organizing the activities of physical culture and recreation clubs in Volgograd. Volgograd: VGAFK Publ.; 2012. (In Russ.).
- Eidelman IN. Civil regulation of sports agents. Moscow: Rusains Publ.; 2015. (In Russ.).
- Kamenkov VS. Legal status of a sports club in the Republic of Belarus. *Zakon*. 2011;1:208-214. (In Russ.).
- Larionov IK, Ekhlakova EA, Larionova II. Entrepreneurship. Business and shadow contexts. Moscow: Dashkov and Co. Publ.; 2018. (In Russ.).
- Merzlikina RA, Bychkov AB. Physical culture and sports organizations in civil law relations: problems of theory and practice. *The Humanitarian and Social Sciences*. 2014;2:112-116. (In Russ.).
- Nikolyukin SV. Agency agreements in business turnover: national and international legal regulation. *Legislation and Economics*. 2011;10:62-71. (In Russ.).
- Ovchinnikova NA, Katkova VV. Features of the Legal Status of Professional Sports Leagues. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;6:107-117. (In Russ.).
- Romashin IA. Legal status of a sports club. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2015;11:553-555. (In Russ.).
- Vaskevich VP. The legal nature of an athlete's professional activity. *Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2022;1(2(101)):58-66. (In Russ.).
- Vaskevich VP. The legal regime of an athlete's professional activity: civil research: Cand. Sci. (Law) Author's Abstract. Kazan; 2022. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асадуллин Мурад Ринатович, кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологии
д. 32, Заки Валиди ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
asadullin-murad@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murad R. Asadullin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
asadullin-murad@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30 мая 2024 г.
Статья получена после рецензирования 22 декабря 2024 г.
Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 30.05.2024.
Revised 22.12.2024.
Accepted 15.01.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.019-032

О. В. Фонотова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Транснациональное коммерческое право и *lex mercatoria*: вместо или вместе?

Резюме. Выражения «*lex mercatoria*» и «транснациональное коммерческое право» часто используются в литературе по международному коммерческому праву как синонимичные, взаимозаменяемые. Аргументируя ошибочность данного подхода, автор разграничивает данные категории на основе сравнительного анализа соответствующих теоретических концепций, нормативного материала и прикладного значения каждого из рассматриваемых правовых комплексов. Обосновывается, что в нормативном плане *lex mercatoria* состоит из общих принципов права и неписаных международных торговых обычаев. Такие регуляторы формируются спонтанно в трансграничной коммерческой практике, а их выявление представляет определенную сложность. Транснациональное коммерческое право включает указанные неписаные источники, относимые к *lex mercatoria*. При этом оно также содержит письменно оформленные источники, которые создаются целенаправленными усилиями негосударственных субъектов: международные конвенции и договоры (например, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.); акты международной частноправовой унификации, обладающие общепризнанной нормативной силой (Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Инкотермс, Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов и др.); рекомендательные документы, создаваемые международными организациями и сообществами коммерсантов, которым несвойственна нормативность (модельные законы, руководства, рекомендации, типовые условия договоров, оговорки и др.); практику международных коммерческих арбитражей и доктрину. Источники транснационального коммерческого права могут быть представлены в виде иерархической структуры, на вершине которой располагаются общие принципы права. Элементы структуры (источники транснационального коммерческого права) находятся в тесном взаимодействии и влияют друг на друга.

Ключевые слова: транснациональное коммерческое право; *lex mercatoria*; негосударственное регулирование; транснациональный источник; международный торговый обычай; обычай; Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА); международный коммерческий договор; Инкотермс

Для цитирования: Фонотова О. В. Транснациональное коммерческое право и *lex mercatoria*: вместо или вместе? *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 19–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.019-032

Transnational Commercial Law and Lex Mercatoria: In Place of Each Other or Along with Each Other?

Olga V. Fonotova

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The expressions «*lex mercatoria*» and «transnational commercial law» are often used in the literature of international commercial law as synonymous and interchangeable concepts. Arguing the fallacy of this approach, the author delineates these categories on the basis of a comparative analysis of the corresponding theoretical concepts, normative acts and examined the significance of each of the legal complexes under consideration. The paper justifies that in normative terms *lex mercatoria* consists of general principles of law and unwritten international trade customs. Such regulators are formed spontaneously in cross-border commercial practice,

© Фонотова О. В., 2025

and their identification is of some complexity. Transnational commercial law includes specified unwritten sources attributed to *lex mercatoria*. At the same time, it also includes written sources created by the deliberate efforts of non-state actors, namely: international conventions and treaties (for example, the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980), acts of international private law unification with generally recognized normative force (Principles of International Commercial Treaties of UNIDROIT, Incoterms, Unified Rules and Customs for Documentary Letters of Credit, etc.), recommendation documents created by international organizations and communities of merchants that are not characterized by regularity (model laws, guidelines, recommendations, model terms of contracts, reservations, etc.); international commercial arbitration practice and doctrine. Sources of transnational commercial law can be represented in the form of a hierarchical structure, with the general principles of law at the top. The elements of the structure (sources of transnational commercial law) are in close cooperation and affect each other.

Keywords: transnational commercial law; *lex mercatoria*; non-governmental regulation; transnational source; international trade custom; custom; Principles of international commercial contracts; UNIDROIT Principles; international commercial contract; Incoterms

Cite as: Fonotova OV. Transnational Commercial Law and *Lex Mercatoria*: In Place of Each Other or Along with Each Other? *Lex russica*. 2025;78(2):19-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.019-032

Введение

Изучение того, что объединяется понятием «транснациональное коммерческое право»¹, сопряжено с известными сложностями. Первым встает вопрос о сущности и содержании транснационального коммерческого права. За ним неизбежно следует другая дилемма: каким образом данная категория соотносится с широко обсуждаемой в правовой доктрине концепцией *lex mercatoria*?² Охватывают ли указанные выражения один и тот же нормативный массив, или одно является частью другого, или это и вовсе различные правовые феномены? Видится, что ответы на поставленные вопросы следует искать, обратившись к основным нормативным элементам, наполняющим каждый из названных концептов международного коммерческого права.

В статье предпринята попытка обособить транснациональное коммерческое право и *lex*

mercatoria, и показать их соотношение, обратившись к международному торговому обычаю: его природе, нормативной силе, средствам, с помощью которых устанавливается его существование. При этом международный торговый обычай рассматривается во взаимосвязи с другими источниками транснационального коммерческого права.

1. «Транснациональное коммерческое право» и *lex mercatoria*: понятия

Концепция транснационального коммерческого права всесторонне описана в трудах видного английского ученого-коммерциалиста сэра Роя Гуда. Благодаря его усилиям в Университете Оксфорда в 1995 г. впервые был прочитан курс лекций по транснациональному коммерческому праву, ставший впоследствии эталонным для юридических вузов по всему миру³. Под

¹ Концепция транснационального коммерческого права изначально была сформулирована профессорами Бертольдом Голдманом (Berthold Goldman, Франция), Клайвом Шмиттгоффом (Clive Schmitthoff, Великобритания) и Александром Голдштейном (Aleksander Goldštajn, бывшая Югославия) в начале 1960-х гг. В настоящее время за рубежом имеется обширная литература по данной тематике. См., например, новейшие публикации: Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law. Vol. 1 : The Transnationalisation of Commercial and Financial Law. The New Lex Mercatoria and its Sources. 8th ed. Oxford : Hart Publishing, 2022 ; Transnational Commercial Law: texts, cases and materials. 2nd ed. // R. Goode, H. Kronke, E. McKendrick (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2015.

² Обширная библиография и выдержки из научных публикаций по данной тематике собраны в работе: Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования : монография. М. : Проспект, 2023.

³ С 2008 г. существует Международная ассоциация преподавателей транснационального коммерческого права, ежегодные встречи членов которой проходят по сей день (URL: <https://www.ipr.uni-heidelberg.de/tcl-teachers/> (дата обращения: 12.08.2024)).

транснациональным коммерческим правом английский исследователь предлагает понимать «право, которое не является особенностью или продуктом какой-либо одной правовой системы, но представляет собой конвергенцию норм, взятых из нескольких правовых систем, или даже (по мнению некоторых сторонников) собрание норм, которые полностью вненациональны и обретают силу благодаря их трансграничному использованию и соблюдению торговым сообществом»⁴. Иными словами, сами нормы и правила обладают в данном определении транснациональным качеством, поскольку предусмотренное ими правовое регулирование преодолевает национальные границы, являясь универсальным для различных правовых порядков.

Словосочетание «транснациональное право» исторически связано с именем американского судьи Международного суда ООН Филипа К. Джессапа, чья работа «Транснациональное право» была опубликована в 1956 г.⁵ Однако его идея заметно отличается от концепции транснационализации, принятой в коммерческом праве. Ф. К. Джессап считал, что термины «международный» и «международное право» вводят в заблуждение, поскольку они определяют только отношения между государствами. Взамен он ввел термин «транснациональное право», позволяющий охватить «все правовые нормы, регулирующие действия или события, выходящие за пределы национальных границ»⁶, включая международное публичное и частное право, а также другие нормы, не вписывающиеся полностью в такие стандартные категории. В отношении коммерческого права такое описание слишком широкое, поскольку содержит, помимо прочего, национальное право международной торговли и национальные коллизионные нормы. Транснациональное коммерческое право, согласно позиции Р. Гуда,

имеет более узкую базу источников и ограничивается унифицированным материальным регулированием трансграничных частных коммерческих отношений, которое не связано ни с одной определенной правовой системой, но по содержанию собранных в нем принципов, норм и правил соответствует всем или большинству правовых систем.

При этом в доктрине не сложилось единого мнения относительно содержания транснационального коммерческого права. Поэтому многие ученые технически отождествляют его с новой *lex mercatoria*⁷. Мы считаем такой подход ошибочным по нескольким причинам.

Путаница начинается с того, что различные авторы приписывают *lex mercatoria* совершенно разные значения⁸. Если под транснациональным коммерческим правом понимать результат сближения норм и правил коммерческого права всеми возможными правовыми средствами: от конвенционных правовых норм до правил, заключенных в рекомендательных международных документах, составленных различными международными организациями и сообществами коммерсантов, то сфера его действия представляется гораздо более широкой, чем сфера действия права, созданного исключительно в практике коммерсантов. Однако именно с этим последним регуляторным массивом авторства самих торговцев исторически связана суть купеческого права, или *lex mercatoria*.

По своей природе *lex mercatoria* является некодифицированной (несистематизированной), вненациональной, неписаной и неконвенционной⁹. Так, унифицированные правовые нормы, воплощенные в международной конвенции (договоре), например в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венской конвенции)¹⁰, можно с полной уверенностью считать частью транс-

⁴ Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // New Developments in International Commercial and Consumer Law / J. S. Ziegel, S. Lerner (eds.). Oxford : Hart Publishing, 1998. P. 4.

⁵ Jessup P. Transnational Law. New Haven : Yale University Press, 1956.

⁶ Jessup P. Op. cit. P. 8.

⁷ См., например: Lando O. The Lex Mercatoria in International Commercial Arbitration // International & Comparative Law Quarterly. 1983. Vol. 34. Iss. 4. P. 747–768 ; Bonnell M. J. The UNIDROIT Principles and Transnational Law // The Practice of Transnational Law / K. P. Berger (ed.). Kluwer Law International, 2001. P. 23.

⁸ Обзор мнений на данный счет представлен в диссертационном исследовании Н. А. Карсаковой (Карсакова Н. А. Теория Lex Mercatoria в юридической доктрине и практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006).

⁹ Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. P. 4.

¹⁰ Текст документа на русском языке размещен в СПС «КонсультантПлюс».

национального коммерческого права. Однако будучи формально принятым конвенционным правовым регулированием, они не относятся к *lex mercatoria*, поскольку конвенция, в которую такие нормы включены, действует по воле государств, участвующих в ней, т.е. ее применение в целом не предопределено практикой коммерсантов. Аналогичным образом закрепление неписаных обычаев в рекомендательном частноправовом унифицированном своде правил, применимых к коммерческим сделкам, как правило, на основании договора участников оборота (например, в Принципах международных коммерческих договоров (Принципах УНИДРУА)¹¹), подчиняет такие установления национальному праву, регулирующему договор, т.е. заключает такое регулирование в национальные рамки.

И международная конвенция (договор), и документально оформленный результат международной частноправовой унификации правил коммерческого права, применимых на договорной основе, являются в лучшем случае свидетельством существования некодифицированных обычаев, созданных коммерсантами в их деятельности. Само по себе это не очень надежное свидетельство, поскольку цель большинства конвенций или актов частноправовой унификации заключается не в воспроизведении имеющегося набора общепринятых обычаев — на самом деле такой универсальности, скорее всего, не существует, — а в усовершенствовании известных правовых подходов, в обеспечении наиболее перспективных — иными словами, «наилучших» — решений юридических проблем.

Природа транснациональных конвенций и частных сводов норм и правил международной торговли такова, что они не просто воспроизводят статус-кво, а изменяют его, причем иногда весьма радикально. Степень, в которой такие документы свидетельствуют о существовавших

или существующих обычных нормах, не может быть достоверно определена лишь на основании такого документа, за исключением случаев, когда в нем прямо говорится, что он фиксирует существующий обычай. Но даже этого может быть недостаточно. Для определения подлинного содержания обычных норм коммерческого права требуется изучение подготовительных рабочих материалов (*travaux préparatoires*), анализ других вспомогательных материалов и получение устных либо документальных свидетельств коммерческой практики. Сказанное объясняет сущностное различие между неписаными обычными нормами и принципами, относимыми к *lex mercatoria*, и писаными нормами и правилами, зафиксированными в источниках транснационального коммерческого права.

Таким образом, выражение «транснациональное коммерческое право» используется для описания совокупности принципов, норм и правил, будь то обычные, конвенционные или вытекающие из любого другого источника (вне зависимости от его формы), которые являются общими для большинства правовых систем и призваны регулировать трансграничные коммерческие отношения. Термин «*lex mercatoria*» служит для обозначения части транснационального коммерческого права, которая является неписаной и состоит преимущественно из обычного права, а также из общих принципов права, применимых к коммерческим отношениям, которые отчасти берут начало в торговом обычае¹².

2. Неписанные торговые обычаи как основа *lex mercatoria*

Неписаный¹³ торговый обычай — это практика или модель поведения торговцев, сложившаяся в результате систематического повторения, которая приобрела нормативную силу. Суще-

¹¹ Тексты действующей четвертой редакции Принципов УНИДРУА 2016 г. на разных языках, включая русский язык, размещены на сайте Международного института по унификации частного права (УНИДРУА): URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹² В зарубежной доктрине подробный анализ теории *lex mercatoria* изложен в работе нидерландского профессора из Университета Эразмус Филиппа де Ли: De Ly F. *International Business Law and Lex Mercatoria*. Amsterdam ; New York : North-Holland, 1992.

¹³ Термин «неписаный» используется для обозначения нормы или правила, которые не были зафиксированы в письменном виде, будь то в юридически обязательном источнике (например, в законе или в международной конвенции) или в неформальном документе (например, в унифицированном своде, созданном научным сообществом или коммерсантами).

ствуют две теории, объясняющие правовую природу неписаного торгового обычая. Согласно одной из них обычай представляет собой особую форму международного обычного права, т.е. это правовой обычай¹⁴. Согласно другой теории, принятой, в частности, в английском праве, а также закрепленной в ст. 9(2) Венской конвенции, обычное правило вступает в силу как подразумеваемое условие договора. Данная статья указывает: «При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли». Следовательно, вторая (договорная) теория приписывает контрагентам знание обычаев, которым они могут в действительности не обладать. В таком понимании действие и эффективность обычаев зависят от устоявшейся договорной практики взаимоотношений контрагентов, поскольку обычаи возникают в ней и ей обязаны своим существованием. Сторонники *lex mercatoria*, как правило, критикуют договорную теорию, считая ее несовместимой со статусом международного торгового обычая как самостоятельного источника международного коммерческого права. Положения, о которых идет речь в ст. 9(2) Венской конвенции, они относят к «обыкновениям», т.е. к неписанным правилам, не имеющим юридически обязательной силы источника права. Вместе с тем практический эффект от различий между двумя теориями, по мнению экспертов, незначительный¹⁵.

До недавнего времени было широко распространено мнение, что для того, чтобы обычай международной торговли имел нормативную правовую силу, недостаточно установить модель повторяющегося поведения среди торговцев. Необходимо также доказать, что эта модель поведения соблюдается из чувства юридического обязательства, а не из простой вежливости, удобства или целесообразности. Указанный аспект был наглядно проиллюстрирован решением английского судьи Стоттона

по делу *Libyan Arab Foreign Bank v. Bankers Trust Co*¹⁶, в котором судья процитировал другое известное решение 1983 г.: «Однако существует огромная разница между поведением, которое часто или даже привычно соблюдается в конкретном торговом сообществе в порядке милости, и поведением, которое привычно соблюдается, поскольку считается, что заинтересованные стороны имеют юридически обоснованное право требовать его соблюдения»¹⁷. Суть спора такова.

Истцы имели депозитный счет в долларах США в банке ответчиков в г. Лондоне. Правительство США наложило запрет на переводы американских банков со счетов и на счета граждан Ливии. Истцы утверждали, что замораживание не имело силы за пределами США, и потребовали вернуть деньги наличными в Лондоне или любым другим способом, не связанным с США. Ответчики не утверждали, что приказ о замораживании имел экстратерриториальное действие, но заявляли, что в соответствии с обычаями рынка евродолларовых депозитов переводы со счета за пределами США, деноминированного в долларах США, могут осуществляться только через клиринговую систему США, т.е. через платформы CHIPS или Fedwire, и что это обязательно предполагает совершение действий в г. Нью-Йорке, на которые может повлиять приказ о запрете. Суд постановил, что, хотя перевод долларов США через CHIPS или Fedwire мог быть заведенной практикой, отсутствуют доказательства, что это происходило потому, что такие способы перевода считались юридически обязательными, т.е. соответствовали категории международного торгового обычая, и что ответчики обладали поэтому правом требовать соблюдения такого порядка. Следовательно, было удовлетворено требование истцов о выплате денежных средств наличными или иным способом, не связанным с прохождением расчетов через CHIPS или Fedwire.

Описанный подход к правовому обычаю имеет близкий аналог в международном (публичном) обычном праве, которое требует сочетания *usus* (регулярного использования) и *opinio juris sive necessitatis* (убежденности в

¹⁴ См., например: Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 9 ; Дьяконова А. А. Обычай международной торговли как источник негосударственного регулирования внешнеэкономических сделок : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. Гл. II, § 1.

¹⁵ Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. P. 10.

¹⁶ *Libyan Arab Foreign Bank v. Bankers Trust Co* [1989] QB 728.

¹⁷ *General Reinsurance Corp. v. Forsakringsaktiebolaget Fennia Patria* [1983] QB 856. P. 874.

юридически обязательной силе) для установления нормы обычного права¹⁸. Так, статья 38(1) (b) Статута Международного суда ООН определяет в качестве одного из источников международного права, которые Суд обязан применять, «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»¹⁹. Интересно отметить, что параграфы 1–301(c) Единообразного торгового кодекса США²⁰, как и статья 9(2) Венской конвенции, не содержат элемента *opinio juris* как необходимого признака торгового обычая. В Единообразном торговом кодексе США данное положение звучит так: «“Торговый обычай” — это любая практика или способ ведения дел с такой регулярностью соблюдения в месте, профессии или торговле, которые оправдывают ожидание, что они будут соблюдаться в отношении рассматриваемой сделки»²¹. Сказанное означает, что приведенные документы коммерческого права в целом поддерживают договорную природу торгового обычая, и в этом смысле закрепленный в них подход отличается от принятого в международном публичном праве.

Единообразный торговый кодекс США и Венская конвенция в рассматриваемом вопросе не лишены недостатков, поскольку их дефиниции обычая не позволяют разграничить обычай, который считается юридически обязательным (правовой обычай), и порядок, которому следуют исключительно в силу привычки, вежливости, удобства или желания добровольно пойти навстречу деловому партнеру. Очевидно, что у участников оборота должно существовать некое особое отношение к обязанности соблюдать ту или иную обычную норму, даже если это не обязательство в строгом юридическом смысле, т.е. не предписано законом. Стоит согласиться с тем, что наиболее удовлетворительный способ отразить элемент юридической обяза-

тельности — это признать, что обычай должен быть таким, который рассматривается соответствующим торговым сообществом как влияющий на заключение, доказательство наличия, толкование, исполнение или принудительное исполнение коммерческих обязательств договаривающихся сторон по отношению друг к другу²². Альтернативный подход к обеспечению обязательности состоит в применении санкций, которых, по мнению соответствующего сектора торгового сообщества, пострадавшая сторона вправе требовать в отношении нарушителя обычая. Санкционный подход связан с некоторыми ограничениями: будучи пригодным для обычаев, регулирующих исполнение договорного обязательства, он не подойдет для обычаев, которые относятся, например, к толкованию условий договора. Поэтому первый описанный способ (внутреннее отношение коммерческого сообщества к обычаю как к юридически обязательной норме) предпочтителен.

В целом было замечено, что в основе «новой *lex mercatoria*», о которой написано так много научных трудов, лежит романтизированное желание ученых-юристов, большинство из которых одновременно являются международными арбитрами, вернуться в мнимый «золотой век», когда торговое право представлялось относительно универсальным, а исход спора был одинаковым, в какой бы стране он ни решался средневековыми торговцами в соответствии с обычаями международной торговли²³. Исторические данные показали, что такого «золотого века» на самом деле никогда не существовало²⁴. Международные обычаи переплетались с местными обычаями, каждая средневековая кодификация в конкретной местности отличалась от кодификаций в других локациях, обычные правила коммерческой деятельности были разрозненными, бессистемными и не

¹⁸ См. подробнее об этом, например: Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М. : Наука, 1988.

¹⁹ Статут Международного суда ООН (г. Сан-Франциско, 26.06.1945) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Uniform Commercial Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения: 12.08.2024).

²¹ Uniform Commercial Code, § 1–301(b): «A “usage of trade” is any practice or method of dealing having such regularity of observance in a place, vocation, or trade as to justify an expectation that it will be observed with respect to the transaction in question» (URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/1/1-303> (дата обращения: 12.08.2024)).

²² Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. P. 12.

²³ Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. P. 35 ; Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 447–448.

²⁴ См.: Hatzimihail N. E. The Many Lives — and Faces — of Lex Mercatoria: History as Genealogy in International Business Law // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. P. 169–190.

всегда строго определенными по содержанию и охвату, а многие из них имели к тому же краткосрочное действие. В современных условиях применение обычаев вызывает также немало сложностей, основные из которых связаны с установлением содержания обычая и с доказыванием его существования.

Что касается содержательного наполнения, практически все положения, которые приводил английский судья лорд Мэстилл в качестве базовых правил *lex mercatoria*²⁵, имеют весьма широкий характер. Это такие фундаментальные принципы, как *pacta sunt servanda*, добросовестность и честная деловая практика и др. При этом практике известно множество торговых обычаев, которые имеют довольно специфическое, узкое содержание: например, к обычаям в сфере международного банковского дела относится разумный срок проверки документов, представленных для оплаты по аккредитиву, который должен составлять не более нескольких банковских дней²⁶, или то, что в расчетах посредством аккредитива банки проверяют документы только по внешним признакам, но не исследуют их подлинность и аутентичность²⁷. Степень конкретности неписаного обычая международной торговли имеет прямое отношение к тому, насколько легко добиться его признания в арбитраже или суде: чем более общим является искомый обычай, тем проще показать его связь с общими принципами права и, соответственно, тем меньше бремя доказывания, что такой обычай общеизвестен.

Известно три основных способа установления международного торгового обычая. Первый способ относится к ситуации, когда обычай настолько хорошо известен, что суд без особых колебаний принимает его к сведению. Второй способ связан со свидетельствованием обычая в письменных или устных заключениях экспертов. В третьем случае торговый обычай выводится из международных конвенций, уни-

фицированных правил, подготовленных международными организациями, стандартных форм контрактов, научных трудов и т.п. Первые два способа не требуют особых пояснений, за исключением того, что международные арбитры, как представляется, гораздо свободнее, чем государственные суды, могут делать заявления о существовании обычаев международной торговли и принимать их к сведению при рассмотрении споров. Однако установление обычаев из конвенций и других международных документов вызывает серьезные вопросы в отношении влияния такого документа на содержание и на само существование обычая. Это связано с тем, что во многих отношениях такие письменные источники не направлены на фиксацию обычая, но предусматривают наиболее желательные, «наилучшие» правила поведения коммерсантов.

На фоне отмеченных сложностей в литературе высказывалось радикальное мнение, что не следует придавать столь большого значения обычаю в современных условиях, поскольку зачастую подобные установления соблюдаются на практике только потому, что они действуют как договорные положения, т.е. происходит смешение обычая (правовой нормы) и обычновения (составного элемента волеизъявления сторон договора). Некоторые исследователи также отмечали, что обычай в традиционном представлении более не требуется торговому сообществу²⁸ еще и потому, что имеется развитая система письменных источников, отражающих правила торговли.

Итак, в качестве промежуточного результата отметим, что существование обычая сопряжено со значительной неопределенностью как в содержательном плане, так и с точки зрения установления его обязательной юридической силы, в то время как писаным источникам транснационального коммерческого права такие сложности в целом несвойственны.

²⁵ *Mustill M. The New Lex Mercatoria: The First Twenty-five Years // Liber Amicorum for Lord Wilberforce. Oxford : Clarendon Press, 1987. P. 174.* Сформулированные в данной публикации принципы *lex mercatoria* основаны на арбитражных решениях.

²⁶ Приведенный обычай был установлен в деле *Bankers Trust Co v. State Bank of India* [1991] 2 Lloyd's Rep. 443. В настоящее время Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (*Uniform Customs and Practice for Documentary Credits*), обновленные Международной торговой палатой (далее — МТП) в 2007 г. и известные под кратким названием UCP 600 (согласно номеру решения, которым данный документ был введен в действие), в ст. 14(b) допускают максимальный 5-дневный срок проверки документов банком.

²⁷ Данный обычай нашел отражение в ст. 14(a) UCP 600.

²⁸ *Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. P. 15.*

3. Международные торговые обычаи и документы коммерческого права, создаваемые международными организациями

Международные торговые обычаи, обозначаемые выражением *lex mercatoria*, являются исторически важным источником транснационального коммерческого права. Однако это не единственный источник. Большое практическое значение в последние три десятилетия приобрели документы, целенаправленно создаваемые международными организациями для правового регулирования коммерческих операций. Как еще 10 лет назад дальновидно указала М. В. Мажорина, транснациональные нормы, «консолидированные в международных договорах и негосударственных обновляемых сводах, давно “переросли” *lex mercatoria* по степени своей эффективности и широте практического применения»²⁹.

Документы международного коммерческого права имеют различное происхождение, разные формы и вариативны по содержанию. Это международные конвенции (хотя таких источников, по крайней мере в сфере регулирования договорных отношений, меньшинство), модельные законы и регламенты, единообразные правила или торговые термины, формулировки правовых принципов и базовых норм, типовые формы договоров и отдельные договорные положения (оговорки) и т.д. Наиболее продуктивны в этой области нормотворчества

влиятельные международные организации: Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), МТП и УНИДРУА³⁰, а создаваемые ими документы имеют универсальное значение. Определенную роль в создании типовых форм коммерческих контрактов, обобщении лучших деловых практик и формулировании иных рекомендательных документов в отдельных сферах коммерческого оборота играют отраслевые международные сообщества коммерсантов.

Результатом деятельности ЮНСИТРАЛ в сфере коммерческого права является юридически обязательный документ — Венская конвенция. Данный источник транснационального коммерческого права довольно обстоятельно исследован в литературе³¹, и его качество транснационального регулятора многократно протестировано в правоприменительной практике национальных судов и международных коммерческих арбитражей³². В Конвенции участвует 97 государств³³. Таким образом, более 80 % мировой торговли товарами (потенциально) регулируется данным документом.

Среди международных организаций, публикующих рекомендательные источники транснационального коммерческого права, выделяется МТП, являющаяся объединением коммерсантов и главным международным органом, представляющим интересы бизнеса. За более чем 100 лет деятельности МТП подготовила значительное число сводов унифицированных

²⁹ Мажорина М. В. Транснациональные нормы в международном коммерческом обороте // *Lex russica*. 2014. Т. 95. № 10. С. 1183.

³⁰ Немаловажна для становления транснационального коммерческого права также Гаагская конференция по международному частному праву. Например, в разработанных данной международной организацией в 2015 г. Принципах, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, предусмотрена возможность применения транснациональных регуляторов, таких как Принципы УНИДРУА, в качестве права, регулирующего трансграничный коммерческий договор. См. подробнее об этом: Зыкин И. С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сборник статей. М., 2016. С. 73–93.

³¹ В настоящее время наиболее известен комментарий к Венской конвенции, претерпевший пять переизданий, который подготовили европейские ученые П. Шлехтрим, И. Швенцер и У. Шрётер (Schlechtriem & Schwenzer: *Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)* // I. Schwenzer, U. G. Schroeter (eds.). 5th ed. Oxford : Oxford Academic, 2022).

³² Обширные базы данных, содержащие подобные решения, ведутся несколькими учреждениями, включая УНИДРУА (URL: <https://www.unilex.info/> (дата обращения: 12.08.2024)), ЮНСИТРАЛ (URL: <https://www.uncitral.org/clout/> (дата обращения: 12.08.2024)), Университет Базеля (URL: <https://cisg-online.org/home> (дата обращения: 12.08.2024)), Университет Пейс (URL: <https://iicl.law.pace.edu/cisg/cisg> (дата обращения: 12.08.2024)).

³³ Сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 12.08.2024).

правил и торговых терминов. Известными примерами служат Правила по использованию национальных и международных торговых терминов (ICC Rules for the Use of Domestic and International Trade Terms, INCOTERMS®, или Инкотермс)³⁴ и Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов³⁵. Инкотермс представляют набор коммерческих терминов (стандартных условий), включаемых в договор купли-продажи товаров, каждый из которых предполагает определенный состав прав и обязанностей для продавца и покупателя. Практически все коммерческие контракты, предполагающие перевозку товаров, регулируются Инкотермс. UCP 600 устанавливают правила, которые повсеместно соблюдаются банками-участниками и другими сторонами аккредитивных сделок. Положения данного документа инкорпорированы в законодательство 175 стран и являются основанием для сделок, оцениваемых в сумму, превышающую 1 трлн долл. США³⁶.

Правовая природа таких регуляторов не может быть однозначно установлена и часто зависит от подхода, поддерживаемого в конкретной юрисдикции. Вне зависимости от национальной позиции, они рассматриваются как источники транснационального коммерческого права, поскольку содержат унифицированные нормы, применимые для регулирования трансграничных коммерческих отношений. Такие источники и содержащиеся в них правила приобретают юридически обязательную силу в результате различных легитимирующих действий: отсылки, сделанной контрагентами в коммерческом договоре, признания обязательной силы со стороны национального уполномоченного органа, включения положения в акты национального права и пр. Нередко суды и арбитражи применяют положения Инкотермс, UCP 600 и иных подобных документов МТП в качестве доказательства неписаного торгового обычая. Однако это вовсе не означает, что данные документы бесспорно являются сборниками обычаев.

Несколько иначе обстоит дело с Принципами УНИДРУА. Данный документ не является продуктом деятельности сообщества коммер-

сантов, он разработан группой международно признанных ученых-юристов, объединенных под эгидой УНИДРУА. В отличие от более конкретных документов МТП, Принципы УНИДРУА содержат формулировки принципов и норм договорного права, изначально предназначенных для широкого круга ситуаций, связанных с правовым регулированием трансграничных коммерческих контрактов. Некоторые такие положения основаны на международных торговых обычаях и общих принципах права. Как указано в самом документе, Принципы УНИДРУА не имеют обязательной юридической силы, однако они обретают ее посредством ряда механизмов. Одним из способов является включение ссылки на Принципы в договоре сторон. Даже в отсутствие такого указания Принципы УНИДРУА могут быть использованы при разрешении коммерческого спора в арбитраже или государственном суде, например, если требуется истолковать положение договора либо истолковать и восполнить пробел в документах транснационального коммерческого права. Известны и иные способы применения данного транснационального документа. Так, Принципы УНИДРУА имеют большой вес, когда договаривающимися сторонам, суду или арбитрам надлежит подтвердить соответствие той или иной практики, договорного условия и даже положения национального применимого права транснационально приемлемому стандарту. В этом случае Принципы УНИДРУА служат своеобразным эталоном, мерилom лучшей коммерческой практики. Принципы УНИДРУА полезны в деятельности экспертов, когда требуется дать правовое заключение, разъясняющее смысл национальной правовой нормы, или провести сравнение отдельных норм различных правопорядков: в таких случаях они используются в качестве ориентира и в определенном смысле «общего правового знаменателя». Широкий спектр способов использования рассматриваемого правового регулятора очень ярко демонстрирует феномен Принципов УНИДРУА как ведущего источника транснационального коммерческого права, отразившего лучшим образом транснациональный подход.

³⁴ В настоящее время Инкотермс действуют в девятой редакции, выпущенной в 2020 г. (публикация МТП № 723Е). Первое издание документа относится к 1936 г.

³⁵ Актуальная редакция сборника была принята в 2007 г. (публикация МТП № 600).

³⁶ Goode R. The Creative Force in Transnational Commercial Law // Transnational Commercial Law Review. 2022. Iss. 2. P. 28.

В этой связи уникальной чертой транснационального коммерческого права является то, что *lex ferenda* может быстро стать *lex lata*. Так произошло с Принципами УНИДРУА, которые во многих положениях предлагают лучшие правовые решения, адаптированные из существующих принципов, обычаев и обобщенных правовых подходов различных правовых порядков. «Наилучшие» правила, изложенные в Принципах УНИДРУА, как известно, весьма активно применяются в практике арбитражей и национальных судов, в том числе в ситуациях, связанных с доказыванием международных торговых обычаев³⁷. Таким образом, письменные источники транснационального коммерческого права выступают не только и не столько в качестве источника, отражающего обычную практику. Напротив, они оказывают самое активное влияние на формирование торговых обычаев для международного делового оборота.

Огромный интерес, вызванный Принципами УНИДРУА в научном и судебно-арбитражном сообществе, свидетельствует о влиянии плодов интеллектуального сотрудничества ученых, представляющих различные правовые семьи и системы. Мощное интеллектуальное наполнение, подкрепленное авторитетом международной организации, является в целом отличительной особенностью письменных транснациональных документов. В более общем плане на примере приведенных актов можно наблюдать растущее воздействие неформальных регуляторов как ключевых источников транснационального коммерческого права и обретение ими самостоятельности. По этому поводу Р. Гуд в одной из своих недавних публикаций констатировал: «Транснациональное коммерческое право достигло совершеннолетия»³⁸.

Взаимное проникновение международных торговых обычаев и других источников транснационального коммерческого права является комплексной проблемой, требующей специального исследования. Для наших целей важно отметить их сосуществование и крепкую вза-

имосвязанность. При этом общее сопоставление показывает различие в природе и сущности торговых обычаев, являющихся неписаными правилами, имеющими силу традиционного источника права, с одной стороны, и письменных правовых документов, регулирующих торговый оборот, в основном являющихся рекомендательными актами и приобретающих юридическое значение посредством запуска механизма, составленного из комплекса правовых процедур, с другой стороны. Оба данных массива создают общую структуру источников транснационального коммерческого права.

4. Структура источников транснационального коммерческого права

Взаимодействие источников транснационального коммерческого права позволяет выстроить их структуру. В современных условиях данный массив уже нельзя объявить хаотичным и разрозненным набором правил (как это было в случае со средневековой *lex mercatoria*), и имеются все основания утверждать о внутренне организованном соотношении транснациональных регуляторов.

Еще в начале 1980-х гг. профессор Оле Ландо делился своими наблюдениями о структурной взаимосвязи между такими регуляторами, называя их «элементами». «Элементы», по мнению ученого, являлись более точным термином: категория «источник» традиционно соотносилась с системой национального права, а О. Ландо обсуждал квазиправовые явления, не имеющие государственного происхождения. Ориентируясь на накопленный к тому моменту опыт, датский правовед считал, что некоторые из таких регуляторов создают право, какие-то декларируют право, отдельные сами по себе не являются правом, но являются источниками прав, а иные служат доказательством права. Инструменты, которые создают право, могут также служить доказательственным целям³⁹.

³⁷ База данных Unilex содержит наиболее репрезентативные судебные и арбитражные решения, связанные с применением Принципов УНИДРУА, собранные за 30-летнюю историю их существования. В ней приводится 36 решений, в которых Принципы УНИДРУА были использованы для установления «международного торгового обычая» или «соответствующего торгового обычая». Некоторые из таких решений были, в частности, вынесены Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате РФ (URL: https://www.unilex.info/principles/cases/article/102#article_102 (дата обращения: 12.08.2024)).

³⁸ Goode R. The Creative Force in Transnational Commercial Law. P. 32.

³⁹ Lando O. Op. cit. P. 747–768.

В исследованиях ученого речь шла о *lex mercatoria*, которую трудно было в 1980-е гг. рассматривать как систематизированную область знания, не говоря уже о внутренне организованном регуляторном правовом комплексе. На наш взгляд, в настоящее время вполне допустимо применять известный термин «источник» для обозначения различных транснациональных регуляторов, так же как мы используем выражение «транснациональное коммерческое право», понимая некоторую структурированную систему принципов, норм и правил. «Праву», пусть и вненациональному по происхождению, надлежит быть наполненным «источниками», даже если их юридическая природа и нетрадиционная.

В конце XX столетия заявлялось, что невозможно дать исчерпывающий перечень составляющих *lex mercatoria*. При этом профессор О. Ландо уже тогда смог выделить восемь обобщенных элементов *lex mercatoria*, а именно: международное публичное право; единообразные законы; общие принципы права; правила международных организаций⁴⁰; некодифицированные обычаи и обыкновения; кодификации обычаев и обыкновений, созданных международными организациями; типовые формы договоров; оглашенные арбитражные решения⁴¹. Представляется, что приведенный набор нуждается в уточнении и актуализации с учетом бурного развития транснациональных источников и практики их применения, произошедшего за последние 30 лет⁴².

Актуальные источники транснационального коммерческого права могут быть структурированы следующим образом: общие принципы права; международные торговые обычаи; международные конвенции (договоры), имеющие обязательную юридическую силу; акты меж-

дународной частноправовой унификации, созданные международными организациями и обладающие признанной нормативной силой⁴³; рекомендательные документы международных организаций и международных сообществ коммерсантов, не обладающие нормативной силой⁴⁴; опубликованные решения международных коммерческих арбитражей и доктрина транснационального коммерческого права.

Объединяет данный комплекс источников предмет регулирования (трансграничные частные коммерческие отношения), а также сосредоточенное в них транснациональное содержание. Основной массив транснациональных источников имеет вненациональное происхождение (исключение составляют вступившие в силу международные конвенции (договоры)), поэтому их правовая природа имеет особенности, несвойственные классическим источникам национального права. Применение транснациональных источников, относимых к негосударственному регулированию, требует подключения дополнительных правовых механизмов.

Важно, что источники транснационального коммерческого права представляют иерархически организованную структуру: принципы обладают общим абстрактным характером, их развивают торговые обычаи и международные конвенции, а более конкретное регулирование содержится в иных документах международных организаций. Причем документы, имеющие нормативное содержание, могут быть применены в более широком спектре случаев (как, например, Принципы УНИДРУА). Источники, не имеющие нормативной силы, применимы исключительно тогда, когда коммерсанты используют их для регулирования своих отношений, ссылаясь на такой документ. Опубликованная арбитражная практика относится к источникам

⁴⁰ К ним относились своды принципов и правил, подготовленные научными кругами при содействии международных организаций: Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права и др.

⁴¹ Lando O. *Op. cit.* P. 747–768.

⁴² По нашему убеждению, перераспределение ролей между транснациональными регуляторами, состоявшееся в последние три десятилетия, соотносится с введением в действие Принципов УНИДРУА в 1994 г. и стремительным расширением разнонаправленной практики использования данного документа в договорной работе и при разрешении споров в судах и арбитражах по всему миру.

⁴³ К данной категории относятся, в частности, Принципы УНИДРУА, Инкотермс и UCP 600. Нормативность данных источников связана с тем, что они используются при разрешении споров в арбитраже и судах при определенных условиях, в том числе в отсутствие ссылки на них в договоре. См. об этом, в частности: Мажорина М. В. Указ. соч. С. 1179.

⁴⁴ К данной (довольно обширной) категории относятся модельные законы, типовые условия договоров (типовые оговорки), регламенты, лучшие практики и другие письменные рекомендательные источники, создаваемые международными организациями и международными сообществами коммерсантов.

наиболее «мягкой» силы: как правило, в ней уточняются особенности применения транснациональных регуляторов. Но также такая практика может служить способом выявления некоторых других источников транснационального коммерческого права: общих принципов права, международных торговых обычаев. В этом же качестве, равно как и для толкования источников транснационального коммерческого права, для обеспечения их общей взаимосвязанности, значительную пользу приносит доктрина транснационального коммерческого права. Следующий неизбежно возникающий вопрос состоит в том, можно ли представить данную структуру источников в качестве нормативной системы. Данная значимая проблема, однако, выходит за рамки настоящей работы.

Заключение

Таким образом, только общие принципы права и неписаные международные торговые обычаи составляют (современную) *lex mercatoria*. Данные источники являются несомненными компонентами транснационального коммерческого права, наполняя его нормативную часть и являясь его историческим основанием. В совокупности с указанными источниками *lex mercatoria* другие, письменно оформленные правовые регуляторы, преимущественно негосударственного происхождения, служат нормативной базой современного транснационального коммерческого права. К писанным источникам транснационального коммерческого права относятся международные конвенции (договоры); акты международной частноправовой унификации, обладающие признанной нормативной силой; рекомендательные документы международных организаций и международных сообществ коммерсантов, не характеризующиеся нормативностью; опубликованная арбитражная практика и доктрина. Письменные транснациональные источники в настоящее время являются более влиятельными, чем торговые обычаи, что обосновывается их структурной организованностью, определенностью, общеизвестностью и большей предсказуемостью, по сравнению с обычным правом.

В содержательном плане *lex mercatoria* и транснациональное коммерческое право тесно переплетены. Обычаи служат материалом для разработки норм международных конвенций и актов международной частноправовой унификации, на их основе формируются общие принципы права. Международные конвенции и акты международной частноправовой унификации отчасти выступают носителями обычных норм, отчасти сами формулируют новые обычаи. Кроме того, такие документы интерпретируют общие принципы права и могут быть использованы в суде и арбитраже для решения различных задач правоприменения: для восполнения пробелов и толкования транснациональных источников и национального применимого права, для подтверждения транснационального характера норм национального права и т.д. Общепризнанные нормативные источники транснационального коммерческого права (Принципы УНИДРУА, Инкотермс, UCP 600) являются влиятельными регуляторами в транснациональном коммерческом праве, они могут быть применены при разрешении спора в некоторых случаях в отсутствие отсылки к ним в договоре контрагентов. В то же время ненормативные источники (модельные законы, типовые условия договоров, типовые оговорки, регламенты, лучшие практики и др.) применяются исключительно по согласованию договаривающихся контрагентов. Доктрина способствует гармоничному взаимодействию всех источников транснационального коммерческого права, структурируя их, восполняя пробелы и стимулируя их применение в договорной и судебно-арбитражной практике.

Концепция *lex mercatoria* является несомненным доктринальным предшественником теории транснационального коммерческого права. Однако дальнейшие научные разработки в области негосударственного регулирования трансграничных коммерческих отношений надлежит вести в русле транснациональных исследований, поскольку именно такой ракурс является более перспективным и плодотворным, а также соответствует актуальным международным научным течениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М. : Наука, 1988. 189 с.
- Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования : монография. М. : Проспект, 2023. 240 с.
- Дьяконова А. А. Обычай международной торговли как источник негосударственного регулирования внешнеэкономических сделок : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 211 с.
- Зыкин И. С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сборник статей. М., 2016. С. 73–93.
- Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 20 с.
- Карсакова Н. А. Теория *lex mercatoria* в юридической доктрине и практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
- Мажорина М. В. Транснациональные нормы в международном коммерческом обороте // *Lex russica*. 2014. Т. 95. № 10. С. 1177–1184.
- Bonnell M. J. The Unidroit Principles and Transnational Law // The Practice of Transnational Law / ed. by K. P. Berger. Kluwer Law International, 2001. 228 p.
- Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law. Vol. 1 : The Transnationalisation of Commercial and Financial Law. The New Lex Mercatoria and its Sources. 8th ed. Oxford : Hart Publishing, 2022. 456 p.
- De Ly F. International Business Law and Lex Mercatoria. Amsterdam ; New York : North-Holland, 1992. 361 p.
- Goode R. The Creative Force in Transnational Commercial Law // Transnational Commercial Law Review. 2022. Iss. 2. P. 1–32.
- Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // New Developments in International Commercial and Consumer Law / ed. by J. S. Ziegel, S. Lerner. Oxford : Hart Publishing, 1998. P. 3–36.
- Hatzimihail N. E. The Many Lives — and Faces — of Lex Mercatoria: History as Genealogy in International Business Law // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. P. 169–190.
- Jessup P. Transnational Law. New Haven : Yale University Press, 1956. 113 p.
- Lando O. The Lex Mercatoria in International Commercial Arbitration // International & Comparative Law Quarterly. 1983. Vol. 34. Iss. 4. P. 747–768.
- Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 447–468.
- Mustill M. The New Lex Mercatoria: The First Twenty-five Years // Liber Amicorum for Lord Wilberforce / ed. by M. Bos, J. Brownlie. Oxford : Clarendon Press, 1987. 258 p.
- Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) / ed. by I. Schwenzer, U. G. Schroeter. 5th ed. Oxford : Oxford Academic, 2022. 2144 p.
- Transnational Commercial Law: texts, cases and materials. 2nd ed. / ed. by R. Goode, H. Kronke, E. McKendrick. Oxford : Oxford University Press, 2015. 705 p.

REFERENCES

- Bonnell MJ. The Unidroit Principles and Transnational Law. In: Berger KP (ed.). The Practice of Transnational Law. Kluwer Law International Publ.; 2001.
- Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law. Vol. 1: The Transnationalisation of Commercial and Financial Law. The New Lex Mercatoria and its Sources. 8th ed. Oxford: Hart Publishing; 2022.
- Danilenko GM. Custom in modern international law. Moscow: Nauka Publ.; 1988. (In Russ.).
- De Ly F. International Business Law and Lex Mercatoria. Amsterdam; New York: North-Holland; 1992.
- Demin AV. «Soft (law)» in the era of change: the experience of comparative research. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Dyakonova AA. The custom of international trade as a source of non-state regulation of foreign economic transactions. Cand. Sci. (law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).

- Goode R, Kronke H, McKendrick E (eds.). Transnational Commercial Law: texts, cases and materials. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press; 2015.
- Goode R. The Creative Force in Transnational Commercial Law. *Transnational Commercial Law Review*. 2022;2:1-32.
- Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. In: Ziegel JS, Lerner S (eds.) New Developments in International Commercial and Consumer Law. Oxford: Hart Publishing Publ.; 1998.
- Hatzimihail N. E. The Many Lives — and Faces — of Lex Mercatoria: History as Genealogy in International Business Law. *Law and Contemporary Problems*. 2008;71:169-190.
- Jessup P. Transnational Law. New Haven: Yale University Press; 1956.
- Karsakova NA. Theory of lex mercatoria in legal doctrine and practice. Cand. Sci. (Law). Author's Abstract. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Lando O. The Lex Mercatoria in International Commercial Arbitration. *International & Comparative Law Quarterly*. 1983;34(4):747-768.
- Mazhorina MV. Transnational Norms in International Commercial Circulation. *Lex russica*. 2014;10:1177-1184. (In Russ.).
- Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law beyond the State. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2007;14(2):447-468.
- Mustill M, Bos M, Brownlie J (eds.). The New Lex Mercatoria: The First Twenty-five Years. Liber Amicorum for Lord Wilberforce. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- Schwenzer I, Schroeter UG (eds.). Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). 5th ed. Oxford: Oxford Academic; 2022.
- Zykin IS. Customs and habits in international trade. Cand. Sci. (Law). Author's Abstract. Moscow; 1979. (In Russ.).
- Zykin IS. The Hague Principles on the Choice of Applicable Law for International Commercial Contracts. In: Current Legal Aspects of Modern Practice of International Commercial Circulation: Collection of Papers. Moscow; 2016. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фонотова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
olga.fonotova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Fonotova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Business Legal Regulation, Law Faculty, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
olga.fonotova@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 13 августа 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 августа 2024 г.
Принята к печати 15 января 2025 г.*

*Received 13.08.2024.
Revised 14.08.2024.
Accepted 15.01.2025.*

М. В. Пресняков

Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина — РАНХиГС
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации

Резюме. В Конституции РФ используются различные с юридической точки зрения концепты «равенство перед законом» и «равноправие». Первое обещает субъектам равное отношение со стороны закона, но не равные права и обязанности. И только в этом случае слово «все», используемое в ст. 19 Конституции, может иметь действительный смысл: и гражданин, и юридическое лицо, и субъект Российской Федерации, и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм, которые, безусловно, будут содержать различные предписания в отношении данных субъектов. На сегодняшний день весьма актуален вопрос о признании и защите так называемых групповых прав. Уже права второго поколения — социально-экономические права — во многом связаны с фактическими условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В связи с этим возникает проблема оппозиции формального и фактического равенства: фактическое равенство, как правило, рассматривается как оппозиция равенству формальному. Между тем если перейти на язык строгой терминологии, то фактическое равенство означает совсем не равенство результата или социально-экономическое равенство, а лишь формальное равенство, снабженное механизмами его действительной, «фактической» реализации.

Ключевые слова: равенство; равноправие; равенство перед законом; законность; групповое равенство; фактическое равенство; формальное равенство; равенство результата

Для цитирования: Пресняков М. В. Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 33–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.033-041

The Constitutional Principle of Equality as a Complex Concept: Problems of the Addressee and the Degree of Implementation

Mikhail V. Presnyakov

Volga Region Institute of Management
named after P.A. Stolypin (RANEPA)
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. The Constitution of the Russian Federation uses concepts that are different from the legal point of view, namely: «equality before the law» and «equality of rights» The first term means equal treatment by the

law, but not equal rights and obligations. And only in this case, the word «all» used in Art. 19 may have a valid meaning: a citizen, a legal entity, a constituent entity of the Russian Federation, and the State itself are equal since they are equal regarding legal norms applied to them, which, of course, will contain various prescriptions in relation to these subjects. Today, the issue of recognizing and protecting so-called group rights is very relevant. The rights of the second generation — socio-economic rights — are largely related to the actual conditions for their implementation: if personal rights are based on the idea of formal equality, then for this group of rights equality presupposes «affirmative actions» of the State aimed at equalizing the actual conditions of legal use. In this regard, the problem of opposition to formal and actual equality arises: actual equality is usually considered as opposition to formal equality. Meanwhile, if we switch to the language of strict terminology, then actual equality does not mean at all equality of the result or socio-economic equality, but only formal equality that means ensuring it by mechanisms of its «factual» implementation.

Keywords: equality, equality before the law; equality of rights; legality; group equality; actual equality; formal equality; equality of result

Cite as: Presnyakov MV. The constitutional principle of equality as a complex concept: problems of the addressee and the degree of implementation. *Lex russica*. 2025;78(2):33-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.033-041

Именно потому, что порядок вещей
всегда стремится нарушить равенство между людьми,
сила законодательства всегда должна быть направлена
на поддержание этого равенства.

Ж.-Ж. Руссо

Введение: равенство перед законом — равноправие и законность

Статья 19 Конституции Российской Федерации, которую многие считают прямым текстуальным выражением принципа равенства прав и свобод (что, на наш взгляд, небесспорно), провозглашает, что все равны перед законом и судом.

Некоторые авторы считают, что эта статья Основного закона «закрепляет фундаментальный принцип правового государства — формальное, т.е. юридическое равенство всех людей независимо от пола, расы, национальности, языка и т.д.»¹. Таким образом, фактически здесь говорится не о равенстве всех перед законом, а о равноправии, т.е. равенстве прав независимо от пола, расы и т.п., что, на наш взгляд, не тождественно равенству всех перед законом.

В статье 19 Конституции Российской Федерации использовано максимально общее определение субъектов юридического равенства — «все». Слово «все» предполагает, что перед законом равны и граждане, и лица без гражданства, и юридические лица, и публично-правовые образования, и др. Иными словами, дан-

ную конституционную норму можно понимать как закрепление равенства между гражданином и, например, религиозным объединением. Но как такое может быть, если последнее даже не обладает общей правоспособностью?

Более осторожно выражается известный конституционалист, судья Конституционного Суда РФ в отставке Н. С. Бондарь, который полагает, что правовой характер государства лишь «сближает его (данного принципа) нормативное содержание с требованием ч. 2 ст. 6 как одной из основ конституционного строя России, предусматривающей равенство зафиксированных в Основном Законе прав, свобод и обязанностей для каждого гражданина РФ»². Во-первых, речь идет уже о равноправии граждан России, что оставляет за его рамками не только иностранных граждан и лиц без гражданства, но и российские же юридические лица. Во-вторых, неслучайно Николай Семенович говорит лишь о сближении, сходстве равенства перед законом и равноправия, но не об их тождестве: даже граждане Российской Федерации в силу специального статуса обладают различным объемом прав.

¹ Конституция Российской Федерации : доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013.

² Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, Инфра-М, 2011.

Что же тогда обозначает принцип равенства всех (граждан, неграждан, общественных объединений, религиозных организаций и т.п.) перед законом? Каково его нормативное содержание? Представляется, что имеется в виду одинаковое отношение со стороны закона ко всем этим различным субъектам.

В Конституции Российской Федерации используются разные с юридической точки зрения концепты «равенство перед законом» и «равноправие». Первое обещает субъектам равное отношение со стороны закона, но не равные права и обязанности. И только в этом случае слово «все», используемое в ст. 19 Конституции, может иметь действительный смысл: и гражданин, и юридическое лицо, и субъект Российской Федерации, и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм, которые, безусловно, будут содержать различные предписания в отношении указанных субъектов. Ни о какой равной правоспособности или равноправии в данном случае и речи быть не может.

Как нам представляется, статья 19 Основного закона совсем не утверждает равноправие (за исключением гендерного равноправия) и равную правосубъектность «всех», а лишь гарантирует одинаковое применение закона к любым субъектам права. Таким образом, сам по себе правовой статус не является равным (одинаковым) даже у граждан: закон представляет собой масштабное поле дифференциации правового положения субъектов права, однако его применение к этим субъектам должно быть одинаковым.

Что значит одинаковое применение закона к разностатусным субъектам? По сути, это означает строгое соблюдение закона, т.е. принцип законности.

1. Конституция о равенстве перед законом

Принцип равенства всех перед законом находит в Конституции РФ ряд субъектных (а иногда и объектных) конкретизаций максимально обобщенного понятия «все». Так, статья 13 Основного закона гарантирует равенство перед законом общественных объединений. Здесь речь также идет о равенстве общественных объединений по отношению к закону, но не о взаимном ра-

венстве в правах и обязанностях. Это различие равенства перед законом и равноправия даже более разительно, чем в отношении человека и гражданина, поскольку, в отличие от последнего, общественные объединения обладают специальной правоспособностью, что предполагает специфику объема прав в зависимости от их вида. Например, много ли общего можно найти в правовом положении политической партии и религиозной организации? Становится еще более очевидно, что принцип равенства обещает равноправие только субъектам, обладающим одинаковым правовым статусом, и законность всем остальным. Например, у различных видов общественных объединений имеются свои основания прекращения их деятельности; принцип равенства перед законом будет состоять в том, что при наличии соответствующего основания деятельность такого объединения должна прекращаться. Это и есть равное обращение со стороны закона, и, как можно убедиться, оно имеет больше общего с принципом законности, чем с равенством.

Отдельно статья 14 Конституции РФ говорит о равенстве перед законом религиозных объединений, притом что все они отделены от государства и пользуются его защитой как «частные» субъекты. Иными словами, Основной закон гарантирует «светское» равенство религиозных организаций, абстрагированное от религиозного контента.

Как отмечается в специальной литературе, «равенство религиозных объединений перед законом означает:

— единые условия признания религиозной организации в качестве юридического лица с соответствующей этому статусу правосубъектностью;

— единые основания и порядок учреждения, создания и государственной регистрации религиозной организации;

— равные права, обязанности и условия ее деятельности (это гарантированный законом объем правомочий, позволяющий религиозным организациям как добровольным объединениям граждан в полной мере осуществлять совместное исповедание и распространение веры);

— равную ответственность за нарушение законодательства; право на одинаковую защиту законом независимо от их религиозной принадлежности»³.

³ Головин Е. Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. № 9. С. 86.

С указанной точки зрения объединения, исповедующие традиционные, признанные религии, по своему правовому статусу не отличаются, например, от пастафарианства (Церкви Летающего Макаронного Монстра) — придуманной американским физиком Бобби Хендерсоном пародийной религии. Диссонансом такому юридическому (правовому) равенству религиозных объединений перед законом будет вмешательство государства непосредственно в вопросы веры. Например, в 2013 г. в состав ст. 148 УК РФ, который в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации запрещает незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, были внесены изменения, предусматривающие уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих.

Понятно, что данная норма появилась *ad hoc* как ответ общества и государства на возмутительный скандал с «панк-молебном», учиненным феминистской панк-рок-группой Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Кстати, участницы этого действия были приговорены к реальным срокам за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Однако власть решила «подстраховаться» на случай повторения подобных эксцессов и ввела в УК РФ упомянутую выше норму.

Тем самым государство вмешивается в само содержание вероисповедания, поскольку для того, чтобы привлечь лицо к ответственности по названной статье УК РФ, нужно по меньшей мере квалифицировать оскорбительность того или иного действия по отношению к конкретным религиозным канонам. И это неизбежно приводит к нарушению принципа равенства религиозных объединений перед законом. Оскорбление чувств каких именно верующих является уголовно наказуемым? Пастафарианцев тоже или о исповедующих только традиционные религии?

Кстати, автор процитированной выше работы — Е. Г. Головин — в результате своего исследования приходит к выводу, что законодательное выделение «традиционных религий» не противоречит принципу равенства перед законом религиозных объединений и «Русская православная церковь, как, впрочем, и другие

конфессии России, де-факто являющиеся традиционными конфессиями, объективно нуждаются в правовой легитимации своего статуса со стороны федерального, а возможно, и регионального законодателя»⁴. Как нам представляется, это станет только началом государственного вмешательства в вопросы веры (которые не следует путать с деятельностью религиозных организаций) и правовой сегрегации религиозных объединений.

2. Атрибутивное равенство как равенство перед законом

В некоторых случаях Конституция РФ закрепляет не равенство субъектов права, а своего рода «объектное» или «атрибутивное равенство», в рамках которого предусматривается равенство каких-либо характеристик субъектов. Например, статья 6 Основного закона провозглашает равенство гражданства вне зависимости от оснований его приобретения, т.е. в данной норме говорится не о правах и свободах (хотя и это предполагается), но о самой правовой связи человека с государством. В частности, это означает, что натурализованные граждане России обладают такой же устойчивой правовой связью с государством, как и граждане по рождению. Между тем в Федеральном законе от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» предусматривается ряд оснований недобровольного прекращения (лишения?) гражданства тех лиц, которые приобрели его в результате признания гражданином или приема в гражданство. Таким образом, в отношении названных граждан связь с российским государством оказывается менее «устойчивой» или прочной, чем в случае граждан по рождению.

В статье 8 Основного закона указывается, что все формы собственности, признаваемые в Российской Федерации, защищаются законом в равной мере. Соответственно, речь идет об отношениях собственности, в которых находится или в которые вступает субъект права.

Кстати, приведенный конституционный тезис позволяет многим авторам утверждать, что Основным законом закрепляется равенство всех форм собственности: «Конституция РФ устанавливает многообразие и равную защиту форм собственности, т.е. равенство всех форм

⁴ Головин Е. Г. Указ. соч. С. 89.

собственности, что означает их равный правовой режим и равное содержание права собственности независимо от ее формы»⁵.

Как нам представляется, это совершенно неверно, поскольку речь все равно идет о равенстве перед законом, а не о титульном равенстве форм собственности. Конституция закрепляет не равный правовой статус объектов этих видов собственности или самих собственников в правах владения, пользования и распоряжения ими, а только равное отношение со стороны закона. «...Очевидно, что различные формы собственности не могут быть абсолютно равны между собой. В частности, существуют отдельные виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Различны также способы приобретения и прекращения права собственности для различных субъектов. Исходя из этого Конституция РФ говорит не о равенстве, а о “признании и защите равным образом” всех форм собственности»⁶.

Это своего рода «экономическая» конкретизация принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ.

Кроме того, к атрибутивному равенству, на наш взгляд, относится закрепленный в ч. 4 ст. 32 Основного закона принцип равного доступа к государственной службе, т.е. это тоже конкретизация равенства перед законом в виде равного правового отношения к государственной службе.

3. Правовое равенство и равноправие

Зачастую современная полемика о равенстве или неравенстве упирается в неразграниченность концепта равенства в зависимости от сферы общественной жизни. Иными словами, такие понятия, как «экономическое равенство», «социальное равенство», «политическое равенство» и др., обусловлены тем параметром, в рамках которого происходит

сопоставление индивидов, идентифицируется их равенство или неравенство. Так что же тогда представляет собой правовое равенство? По всей видимости, исходя из того, что мы говорили выше, оно несводимо к равноправию или равенству в правах и обязанностях, а представляет собой равенство относительно права, т.е. равнозначное применение правовых норм к различным субъектам. Это не равенство прав, а равенство в праве — синоним законности. К преступнику, политической партии, работнику, религиозному объединению, государственному служащему и т.п., несомненно, будут применяться различные правовые нормы, однако применяться они должны единообразно. Отступлением от данного принципа является произвол.

Известна устойчивая правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой «равенство всех перед законом и судом, а также равноправие могут быть обеспечены лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями; нарушение принципа формальной определенности норм, напротив, допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит — к нарушению принципа равенства при осуществлении конституционных прав и свобод»⁷. Заметим, что Суд говорит не о равенстве прав и свобод, а о равенстве в осуществлении прав, в равнопользовании.

На равноправие же указывают используемые в Конституции РФ при описании отдельных прав и свобод слова «каждый», «никто» и др. При этом индивиды уравниваются не в праве («равенство перед законом»), а в правах. Например, конституционный тезис «каждый имеет право на жизнь» означает, что все индивиды обладают равным правом на жизнь. Или формулировка «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» выражает инверсию равного права каждого на мнения и убеждения.

⁵ Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017.

⁶ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” в связи с жалобами граждан А. Ф. Кутиной и А. Ф. Поварничины» // СЗ РФ. 2008. № 51. Ст. 6205.

4. Равенство «всех»

Наименование гл. 2 Конституции РФ приводит к выводу, что в ней говорится о равенстве не «всех», а только лишь индивидуальных субъектов права — человека или гражданина. Например, как таковых конституционных прав юридического лица в рамках текстуальной конституционной терминологии не существует. Однако Конституционный Суд РФ почти с самого начала своего существования обозначил, что права юридических лиц также гарантируются и защищаются Конституцией РФ, и последовательно придерживался этой позиции. Суд неоднократно отмечал, что на юридические лица как объединения граждан, являющиеся самостоятельными субъектами права, могут распространяться права и свободы, гарантированные Основным законом, если они по природе своей могут принадлежать юридическому лицу⁸.

На наш взгляд, чрезвычайно важной задачей доктрины является определение той группы конституционных прав, которые могут принадлежать коллективным субъектам в целом и юридическим лицам в частности. Вряд ли к таким правам можно отнести право на жизнь или на медицинскую помощь, а вот право на обращение в органы государственной власти или право на судебную защиту — несомненно (и это неоднократно подтверждалось Конституционным Судом РФ). Однако существует ряд прав, применительно к которым отсутствует консенсус относительно того, могут ли они по своей природе принадлежать юридическому лицу либо объединению граждан: свобода слова, свобода передвижения, презумпция невиновности и др. Например, в отношении последней КоАП РФ устанавливает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ст. 2.1).

Следует отметить, что на сегодняшний день весьма актуален вопрос о признании и защите так называемых групповых прав. Уже права второго поколения — социально-экономические права — во многом связаны с фактическими

условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В этой связи государства вынуждены осуществлять дифференциацию объема гарантируемых прав в различных сегментах социума: инвалиды, пенсионеры, молодежь и т.п. Вместе с тем дифференциация применительно к различным социальным группам должна сочетаться с принципами равенства и недискриминации в рамках одного сегмента. Соответственно, появляются права «групповой принадлежности», возникающие в силу ассоциации личности с определенной социальной стратой.

В данном случае дихотомия «личность vs государство» сменяется антиномией «мы (женщины, инвалиды, молодежь и т.п.) vs другие»: несмотря на то что притязания по-прежнему адресуются государству, их суть смещается из области «вертикальных отношений» в плоскость «горизонтальных». Например, квотирование рабочих мест для определенных социальных групп хотя и осуществляется государством, но в действительности обязывает частных лиц.

На наш взгляд, все это актуализирует проблему группового равенства и равноправия: какие объединения людей могут считаться формально равными, в каком отношении такое равенство может распространяться на индивидов и т.п.

Заключение:

формальное и фактическое равенство

Другая проблема, которая возникла в связи с признанием социальных прав, связана с оппозицией формального и фактического равенства. Фактическое равенство, как правило, рассматривается как оппозиция равенству формальному. Так, представители либертарно-юридической концепции права, в основу которой положен принцип формального равенства субъектов, отрицают возможность фактического равенства как юридического концепта, считая его «фан-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области».

тазмом» вроде «деревянного железа», вербальной конструкцией, подразумевающей нечто совершенно иное, чем равенство⁹. Более того, попытки обеспечить фактическое равенство рассматриваются ими как нарушение равенства формального путем предоставления отдельным категориям лиц каких-либо привилегий и преференций. Формальному же равенству всегда сопутствует фактическое неравенство: «Равноправие как формальное равенство предполагает неравенство в фактически приобретаемых субъективных правах»¹⁰.

Впрочем, на наш взгляд, оппозиция формального и фактического равенства не вполне корректна с позиции семантики этих терминов. Антонимом к слову «формальное» является слово «материальное», а совсем не «фактическое».

Между тем во многом такие дискуссии связаны с отсутствием консенсуса в понимании формального и фактического равенства. Обычно под фактическим равенством принято подразумевать равные возможности в материальном смысле данного слова, что объединяет в себе не только собственно юридическое равенство, но и социальное, экономическое, культурное и другое равенство. При этом претензии на такое равенство, как правило, рассматриваются в качестве неправовых притязаний.

Слово «фактический» означает «действительный», «соответствующий фактам», т.е. фактическое равенство в юриспруденции не несет в себе социально-экономического аспекта и не предполагает равенства в получении или обладании какими-либо благами. Слово «формальный» обладает более богатым спектром значений: от близкого именно юриспруденции («официальный», «законный») до негативного («формализм», т.е. «соблюдающий только форму, не считающийся с действительным положением дела»¹¹).

Если перейти на язык такой терминологии, то фактическое равенство означает совсем не равенство результата или социально-экономическое равенство, а лишь формальное равенство, снабженное механизмами его действи-

тельной, «фактической» реализации. Так, в отношении равного доступа к государственной службе фактическое равенство требует механизма его реального обеспечения, например, в виде конкурса на замещение должностей и т.п. В отношении равного избирательного права, помимо «формального» признания данного права, необходимо обеспечить механизм его реализации.

Говоря же о равной правоспособности и различии приобретаемых на ее основе субъективных прав, мы касаемся дихотомии равенства возможностей и равенства результата. Как отмечают некоторые авторы, «немаловажное значение имеет то, из какого понятия равенства исходит конституционная концепция — “равенства возможностей” или “равенства результатов”. Очевидно, что современный российский принцип юридического равенства исходит из равенства возможностей, т.е. равноправия»¹². Сложно не согласиться с тем, что «при формальном равенстве и равной правоспособности неодинаковых людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни) будут неравными»¹³.

Но что такое «равенство результатов»? Слово «результат» означает «конечный итог, ради которого осуществляется какое-л. действие», «последствие цепочки действий или событий, выраженных качественно или количественно». При противопоставлении «равенства возможностей» и «равенства результатов» следует точно определиться, а какой, собственно, результат мы имеем в виду. Если опять-таки обладание какими-либо благами (приобретение собственности, получение дивидендов и т.п.), это вне компетенции юриспруденции и зависит от многих факторов. А вот если рассматривать юридический результат, т.е. последствие цепочки юридических действий, то равенство результатов — неперемное условие существования права: совершая одно и то же юридическое действие, субъекты вправе рассчитывать на одинаковый результат.

⁹ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005. С. 19.

¹⁰ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997.

¹¹ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

¹² Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

¹³ Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. С. 39–40.

Это значение равенства, наверное, ближе всего к равенству перед законом и судом.

Как представляется, концепция естественных прав, которая на сегодняшний день является конституционно общепризнанной, исходит из отсутствия различия между правоспособностью и реальным правообладанием: все права, гарантированные Основным законом, принадлежат человеку актуально от рождения, а не приобретаются им в зависимости от возникновения каких-либо юридических фактов. Вместе с тем право на образование, медицинскую помощь или социальное обеспечение по возрасту является таким же естественным, как и свобода слова или право на жизнь. Собственно, только при этом условии права, закрепляемые конституциями, могут рассматриваться как субъективные права личности. В противном случае они становятся лишь «этикетками» отраслевых субъективных прав.

Данная мысль превосходно выражена в известном афоризме французского философа Жан-Жака Руссо, который приводится в качестве эпиграфа к настоящей работе: сам порядок общественных отношений неизбежно пытается стереть всякое равенство между людьми — это своего рода социальная энтропия. Вместе с тем законодатель (и в первую очередь конституционный законодатель) должен предусмотреть такие правовые механизмы, которые будут обеспечивать реализацию принципа равенства.

Иными словами, совершенно недостаточно провозгласить на конституционном уровне равенство всех перед законом и судом и пресекать попытки неправомерными действиями его нарушить (подкуп, насилие и т.п.). Гораздо сложнее создать условия, при которых этот принцип мог бы имплементироваться, «прижиться» на почве существующей социальной реальности. Так, например, статья 19 Конституции РФ, помимо общего, «титulyного» закрепления принципа равенства всех перед законом и судом, провозглашает, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Это,

кстати, одно из немногих в Основном законе упоминаний именно равноправия, а не равенства перед законом.

Текстуальный подход к указанной декларации может вызвать недоумение: если мужчина и женщина уже обладают равными правами, да еще и равными возможностями для их реализации, зачем закреплять это в Основном законе? Зачем предусматривать отдельно такой «частный случай» принципа равенства? Все дело в том, что, во-первых, равноправие (в данном случае мужчин и женщин), как мы уже говорили выше, не тождественно их равенству перед законом, а представляет собой следующий шаг — реализованное равенство. Во-вторых, совершенно очевидно, что мужчины и женщины обладают различными возможностями для реализации гарантированных им Конституцией РФ прав.

Фиксация в Основном законе равных прав и возможностей их реализации для мужчин и женщин означает не констатацию факта, а обязательство, взятое на себя государством, которое должно обеспечить эти равные возможности реализации прав. Вместе с тем здесь важно отметить еще одно следствие проведенного различия между материальным и фактическим равенством: сами механизмы обеспечения фактического равенства не должны носить формальный характер «позитивной дискриминации».

Приведем конкретный пример: наиболее простой и очевидный путь обеспечить равенство мужчины и женщины при трудоустройстве — ввести квотирование должностей или рабочих мест. Однако может возникнуть проблема «обратной дискриминации», когда будут ограничены права уже мужчин. Можно сказать, что здесь имеет место формальное обеспечение фактического равенства, поскольку вместо реального равенства возможностей правопользования ситуация «подгоняется» под желаемый показатель. Между тем адекватным механизмом реализации принципа равенства в рассматриваемой ситуации может оказаться проведение конкурсного отбора на замещение соответствующей должности или работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.

Головин Е. Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. № 9. С. 86.

Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002.

Конституция Российской Федерации : доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013. 688 с.

Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997.

Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 608 с.

Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2.

Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2005.

Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

REFERENCES

Avdeenkova MP, Golovistikova AN, Grudtsyna LYu, et al. Constitution of the Russian Federation: doctrinal commentary (article-by-article). 2nd ed. Moscow; Statute; 2013. (In Russ.).

Bondar NS. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).

Chetvernin VA (ed.). Constitution of the Russian Federation: problematic comment. Moscow; 1997. (In Russ.).

Golovin EG. Does the equality of religious associations before the law allow the existence of «traditional religions?» *Vlast'*. 2018;9:86. (In Russ.).

Komkova GN. Constitutional principle of equality of human rights and freedoms in Russia. Saratov: Saratov University Publishing House; 2002. (In Russ.).

Krasinsky VV. Protection of state sovereignty. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).

Lapaeva VV. Legal principle of formal equality. *Journal of Russian Law*. 2008;2. (In Russ.).

Nersesyants VS. Philosophy of Law. Moscow; 2005. (In Russ.).

Tyutin DV. Tax law: course of lectures. «ConsultantPlus» Reference Database. 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — РАНХиГС, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
presnykov1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin (RANEPA); Professor, Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
presnykov1972@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 августа 2024 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 15.08.2024.

Revised 22.08.2024.

Accepted 15.01.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.042-055

С. В. МасленниковаНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Обращения граждан в российском законодательстве: традиции и современные вызовы для его совершенствования

Резюме. В статье исследуется опыт правового регулирования обращений граждан в российский дореволюционный и советский периоды. Отмечается преемственность в регулировании института обращений граждан. Анализируется современное законодательство об обращениях с учетом соотношения общего и специального регулирования. Делается вывод о том, что роль Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» как закона общего регулирования предопределена социально-политической природой права на обращение в качестве конституционного права и субъективного права универсального национального характера, реализация которого сопровождает любую сферу деятельности органов власти в их взаимоотношениях с гражданами. Современное развитие коммуникаций в государстве и обществе, усложнение взаимодействия субъектов, внедрение информационных технологий являются вызовами для совершенствования правового регулирования института обращений. На основе историко-правового и формально-юридического методов автор делает вывод о том, что определение ключевых понятий в сфере рассмотрения обращений граждан в электронной форме, ограничение ведомственного нормотворчества, уточнение статуса субъектов, уполномоченных рассматривать обращения граждан, необходимо регулировать прежде всего в базовом Федеральном законе. При регламентации института обращений следует ориентироваться не на концепт оказания государственных услуг, а на традиционную для России идею участия граждан в управлении делами государства. Предлагается также установить положения о недопустимости обременения граждан дополнительными требованиями при подаче обращений, предусмотреть перечень каналов связи и особенности рассмотрения обращений для определенных категорий граждан.

Ключевые слова: обращения граждан; институт обращений; Федеральный закон об обращениях; виды обращений; порядок рассмотрения обращений; заявления; предложения; жалобы; оказание услуг; организации; публичные функции; государственные полномочия; традиции; цифровизация; ИТ; равноправие; принципы

Для цитирования: Масленникова С. В. Обращения граждан в российском законодательстве: традиции и современные вызовы для его совершенствования. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 42–55. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.042-055

Citizens' Appeals in Russian Legislation: Traditions and Modern Challenges for its Improvement

Svetlana V. MaslennikovaNational Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the experience of legal regulation of citizens' appeals in the Russian pre-revolutionary and Soviet periods. There is a continuity in the regulation of the institution of citizens' appeals. The paper analyzes modern legislation on appeals, taking into account the correlation between general and special regulation. The author concludes that the role of the Federal Law dated 2 May 2006 No. 59-FZ «On the Procedure

© Масленникова С. В., 2025

for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation» as a law of general regulation is predetermined by the socio-political nature of the right to appeal as a constitutional right and the right of a universal national nature, the implementation of which accompanies any sphere of activity of the authorities in their relations with citizens. The modern development of communications in the State and society, the complication of interaction between subjects, the introduction of IT technologies are challenges that encourage improvement of the legal regulation of the institution of appeals. On the basis of historical and legal and formal and legal methods, the author concludes that the definition of key concepts in the field of consideration of citizens' appeals in electronic form, restriction of departmental rule-making, clarification of the status of subjects authorized to consider citizens' appeals should be regulated primarily by means of a relevant federal law. When regulating the institution of appeals, one should focus not on the concept of providing public services, but on the idea of the participation of citizens in the management of state affairs traditional for Russia. It is also proposed to establish provisions on the inadmissibility of burdening citizens with additional requirements when submitting appeals, to provide for a list of communication channels and features of consideration of appeals for certain categories of citizens.

Keywords: citizens' appeals; institute of appeals; appeals law; types of requests; procedure for consideration of appeals; statements; proposals; complaints; provision of services; organizations; public functions; state powers; traditions; digitalization; IT technologies; equality; principles

Cite as: Maslennikova SV. Citizens' Appeals in Russian Legislation: Traditions and Modern Challenges for its Improvement. *Lex russica*. 2025;78(2):42-55. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.042-055

Институт обращений граждан в дореволюционный и советский периоды в России¹

Одним из первых видов обращений, установленных в законодательстве, является сообщение о нарушениях в государстве Российском. Согласно Указу Петра I о незамедлительном рассмотрении Сенатом фискальских доносов 1713 г., если к определенному сроку не будет разрешения дел и наказания виновных, «которые для своих польз интересы государственные портят», то самих уполномоченных чиновников привлекут к ответственности как преступников². Другим регулируемым видом обращения можно считать прошения и челобитные, так называемые просьбы. Как отмечают специалисты по истории права, Павел I приказал повесить ящик на одной из боковых стен Зимнего дворца (под окнами своего кабинета). Ключ от ящика, в который могли опускать письма как первый сановник, так и последний простолудин, прося царской защиты или милости, находился лично у императора³. Согласно Грамоте на права и выгоды городам

Российской империи 1785 г., принятой при Екатерине II, городским обывателям разрешалось собираться с санкции генерал-губернатора (или губернатора), который только и мог позволить населению высказываться, а сам «выслушивал предложения всякие три года в зимнее время»⁴.

Позднее в ст. 705 Свода уставов о службе гражданской 1896 г. были закреплены принципы осуществления чиновниками их деятельности, в том числе при рассмотрении обращений подданных. «Общие качества каждого лица, состоящего в гражданской службе, и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков, суть: 1) здравый рассудок, 2) добрая воля в отправлении порученного, 3) человеколюбие, 4) верность к службе Его Императорского Величества, 5) усердие к общему добру, 6) радение о должности, 7) честность, бескорыстие и воздержание от взяток, 8) правый и равный суд всякому состоянию, 9) покровительство невинному и скорбящему»⁵.

Таким образом, в дореволюционной России сформировались *традиции: регулирова-*

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Правовые механизмы преодоления неравенства», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г., а также материалы СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Глушко Е. К. Публичная служба. Документы. М.: ТЕИС, 2010. С. 43.

³ См.: Волкова Е. В. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1–2. С. 394.

⁴ См.: Глушко Е. К. Указ. соч. С. 106–107.

⁵ Цит. по: Глушко Е. К. Указ. соч. С. 235.

ния разного рода обращений в зависимости от их предмета, направления обращений как по каналам связи, так и на личном приеме, установления общих требований к работе служащих, в том числе в их взаимоотношениях с населением.

Петиции и апелляции в адрес российской власти до конституционного регулирования права на обращение можно рассматривать в объеме возможностей, заложенных в содержании таких свобод, как свобода слова, собраний и союзов. В дореволюционный период эти свободы были провозглашены в Манифесте от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в актах Временного правительства⁶, а впоследствии закреплены в п. 14, 15, 16 Конституции РСФСР 1918 г.⁷ Вместе с тем надо понимать, что свободы слова, собраний и союзов являются самостоятельными, со специфическим и самодостаточным содержанием, и не могут расцениваться как замена или основа конституционного права на обращение граждан в современном понимании.

Право на обращение граждан в органы публичной власти как конституционное субъективное право впервые было закреплено в Конституции РСФСР 1978 г. Согласно ее статьям 46–47 граждане имеют право участвовать в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, вносить в государственные органы и общественные организации предложения по улучшению их деятельности, критиковать недостатки в работе. Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры (ст. 10, 21, 24, 27 Конституции РСФСР 1978 г.). Кроме того, в советский период действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (с изм. и доп.)⁸.

Причины выделения права на обращение объективны и закономерны. К концу 1970-х гг. завершилось расширение социальной базы власти и сформировались достаточно развитые формы народного суверенитета: от принадлежности власти всему рабочему населению, объединенному в городских и сельских Советах (п. 10 Конституции РСФСР 1918 г.) до принадлежности власти многонациональному народу, который осуществляет ее через Советы народных депутатов (ст. 2 Конституции РСФСР 1978 г.). Как отмечалось в советской юридической литературе, служение народу, удовлетворение нужд, чаяний и интересов граждан осуществляются прежде всего посредством обращений в органы власти, всенародных обсуждений, наказов избирателей, их регулярных встреч с депутатами⁹.

Следует также отметить, что в конституциях ряда зарубежных государств право на обращение граждан не устанавливается в качестве самостоятельного субъективного права. Его содержание является частью иных конституционных прав и свобод личности либо интерпретируется через их содержание. Например, возможности обжалования и безотлагательного публичного разбирательства дел в Конституции США¹⁰, права на информацию, участие в работе администрации и заявление претензий по поводу оказания услуг, а также право на судебное разбирательство в Конституции Бразилии¹¹.

Таким образом, *конституционное закрепление права на обращение — это следствие процесса расширения объема и содержания возможностей граждан в социалистическом государстве.*

Согласно ст. 33 Конституции РФ 1993 г. граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Содержание и порядок реализации субъективного конституцион-

⁶ См.: Конституционное право России : учебник / отв. ред. В. А. Виноградов, С. В. Масленникова, В. Д. Мазаев. М. : Эксмо, 2022. С. 126–128.

⁷ СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 17. Ст. 144.

⁹ См.: Коток В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат. М., 1967 ; Безуглов А. А. Советский депутат. Государственно-паровой статус. М., 1971 ; Зиновьев А. В. Статус народного депутата в СССР. Л., 1987.

¹⁰ Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2006. Т. 1 : Северная и Центральная Америка. С. 802–803.

¹¹ Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2006. Т. 3 : Южная Америка. С. 113–302.

ного права развиваются в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон об обращениях)¹². К настоящему моменту институт обращений как совокупность норм, регулирующих однородные общественные отношения, сформировался в следующем составе: конституционное право граждан на обращение и гарантии его реализации; порядок подачи и рассмотрения обращений граждан; регламенты межведомственного взаимодействия органов власти в этой сфере; регулирование полномочий соответствующих органов, их должностных лиц по работе с обращениями граждан, а также ответственности лиц за нарушение порядка подачи и рассмотрения обращений, за причинение вреда заявителям; процедура обжалования действий (бездействия) органов по рассмотрению заявлений, предложений и жалоб и установление особенностей рассмотрения обращений по определенным предметам.

Традиции и принципы подачи и рассмотрения обращений граждан Российской Федерации

В действующей Конституции РФ сохраняется социально-политическое предназначение права на обращение, сформировавшееся в советское время. Целевая направленность рассматриваемого конституционного права на демократическое развитие государства и общества следует из закрепления его в одном ряду с принципом народного суверенитета (ст. 3), правом граждан участвовать в управлении делами государства (ст. 32) и иными правами и свободами личности. В Федеральном законе об обращениях нашли отражение правила подачи и рассмотрения обращений, которые были установлены еще в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 № 2534-VII: исключение анонимных обращений из порядка рассмотрения (п. 1 Указа); допустимость судебного обжалования в случаях, предусмотренных законом (п. 3 Указа); обязанность органов власти перенаправлять

обращения по подведомственности, а также запрет направления тем органам, действия которых обжалуются (п. 4, 5 Указа); обязательное проведение личного приема (п. 6 Указа); анализ и обобщение поступивших обращений (п. 7, 13, 14 Указа); установление месячного срока для рассмотрения обращений с возможностью его продления при определенных обстоятельствах (п. 9 Указа); ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений, а также недопустимость преследования граждан за критику (п. 15, 16, 17 Указа). Сохранение названных правил рассмотрения обращения в действующем Федеральном законе об обращениях также свидетельствует о преемственности регулирования и поддержании определенных традиций.

Как уже отмечалось, в дореволюционной России были установлены принципы деятельности служащих. Такого рода принципы являются руководящими идеями и установками, определяющими содержание, смысл, значение правового регулирования и правоприменения в той или иной сфере общественных отношений¹³. Этими принципами в своей деятельности руководствуются субъекты соответствующих отношений. При этом законодатель и правоприменитель получают ориентиры для разрешения коллизий и споров на практике.

В настоящее время принципы осуществления некоторых видов деятельности предусмотрены в целом ряде законов, например, принципы ведения государственных реестров — в ст. 4 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹⁴; принципы контрактной системы в сфере закупок — в ст. 6–12 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁵.

В статье 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об организации предоставления государствен-

¹² Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹³ См.: Воеводин Л. Д. Конституционно-правовой статус личности в России. М.: Издательство МГУ, Инфра-М, Норма, 1997. С. 32.

¹⁴ СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

¹⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.12.2023.

ных и муниципальных услуг»¹⁶ закреплены принципы предоставления государственных и муниципальных услуг. К таким принципам относятся правомерность предоставления услуг, заявительный порядок обращения за услугами, правомерность взимания государственной пошлины за предоставление услуг, открытость деятельности органов и организаций, предоставляющих услуги, доступность обращения за предоставлением услуг, возможность обращения за получением государственных услуг в электронной форме. Принципы государственного и муниципального контроля установлены в ст. 7–14 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹⁷.

Между тем в Федеральном законе об обращениях не предусмотрены принципы рассмотрения обращений граждан.

Действительно, при предоставлении государственных услуг и осуществлении органами власти контрольных мероприятий также подаются и рассматриваются обращения заинтересованных лиц. Распространяются ли закрепленные принципы предоставления услуг и осуществления контроля на порядок рассмотрения обращений в этой сфере? Скорее да, чем нет. Достаточны ли перечень и объем указанных принципов для рассмотрения обращений? Скорее нет, чем да. Принципы предоставления государственных услуг и осуществления органами власти контроля представляют собой руководящие идеи и установки, содержание и смысл которых сопровождают деятельность органов власти в соответствующей сфере саму по себе, но прямо не касается порядка рассмотрения обращений граждан.

С точки зрения теории права «если законодатель в пределах общего правила установил особое регулирование для специального круга отношений... то более конкретная норма, обладающая такой же юридической силой, имеет приоритет при решении соответствующих дел»¹⁸. Федеральный закон об обращениях является актом общего регулирования, а другие упомянутые федеральные законы в части

рассмотрения обращений граждан являются актами специального регулирования, которые имеют приоритет перед общим, но в определенной части. *Если при оказании услуг или осуществлении контроля в соответствующих законах не будет найдено необходимых положений о форме обращения, порядке его подачи, особенностях рассмотрения и т.д., то правоприменителю надлежит обратиться к Федеральному закону общего регулирования.* При этом органы и организации, оказывающие услуги, и органы, осуществляющие контроль, обязаны рассматривать обращения граждан в порядке, определенном Федеральным законом об обращениях, в случаях, если граждане направляют в соответствующие органы заявления, предложения и жалобы, не связанные с предметом оказания услуг или осуществлением контроля. Например, граждане запрашивают у соответствующих органов какую-либо информацию. Приоритет в порядке рассмотрения таких обращений отдается Федеральному закону об обращениях.

По мнению С. В. Нарутто, с которым можно согласиться, принципы рассмотрения обращений граждан выводятся из Конституции РФ, Федерального закона об обращениях, научной и учебной литературы. Такими принципами являются законность и добросовестность действий субъектов отношений, обязательность рассмотрения обращений, объективность и всесторонность рассмотрения, своевременность рассмотрения, равноправие (равный подход к рассмотрению обращений), соблюдение компетентности и подведомственности при рассмотрении обращений, недопустимость нарушения прав и свобод лиц в соответствующих процедурах, бесплатность рассмотрения обращений, информирование и гласность при рассмотрении обращений, ответственность субъектов за свои действия¹⁹.

Можно добавить, что в качестве ориентира для субъектов соответствующих отношений, законодателя и правоприменителя допустимы принципы гражданской службы, установленные в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государствен-

¹⁶ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

¹⁷ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

¹⁸ См.: Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003.

¹⁹ См.: Нарутто С. В. Обращение граждан в органы публичной власти : учебник. М. : Норма, 2021. С. 103.

ной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024)²⁰: приоритет прав и свобод человека и гражданина, единство правовых и организационных основ федеральной и региональной гражданской службы, равный доступ к гражданской службе, профессионализм и компетентность гражданских служащих, стабильность гражданской службы, доступность информации о гражданской службе, взаимодействие с общественными объединениями и гражданами, защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность. Однако, являясь руководящими идеями и установками для осуществления полномочий служащего в целом, перечень указанных принципов не охватывает иные необходимые для рассмотрения обращений граждан ориентиры, например недопустимость установления обременительных требований при подаче электронных обращений граждан, о чем будет сказано далее. Представляется, что при регулировании института обращений необходимо отойти от принятого в постсоветский период в качестве ориентира концепта оказания государственных услуг. Как справедливо отмечает Ю. Н. Старилов, идеальные представления о сущности правовой государственности и проводимых в России реформ не всегда и не в полной мере соответствуют традиционным представлениям о правовой государственности²¹. В настоящее время приоритетной идеологией регулирования должно быть традиционное для России право граждан на участие в управлении делами государства.

Обеспечение достаточности и системности законодательства о порядке рассмотрения обращений. Ведомственное нормотворчество

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 № 2534-VII содержалась норма о сферах общественных отношений, на которые не распространяется действие Указа. Согласно п. 18 под него не подпадает порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, установленный уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным законодатель-

ством Союза ССР и союзных республик, Положением о порядке рассмотрения трудовых споров, Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, Уставом связи и другим законодательством Союза ССР и союзных республик.

В действующем Федеральном законе об обращениях отсутствует такое предметное перечисление сфер. На практике могут возникать вопросы относительно масштаба действия рассматриваемого Федерального закона. Это актуализирует необходимость юридических интерпретаций достаточности и системности законодательного регулирования института обращений граждан в целом. Кроме того, положения о сфере действия законодательства об оказании услуг, осуществлении контроля и др. не всегда позволяют четко установить, какой из законов (Федеральный закон об обращениях или профильный закон об оказании услуг, осуществлении контроля и др.) является актом общего регулирования, а какой — специального в части рассмотрения обращений граждан соответствующими органами.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона об обращениях его действие распространяется на рассмотрение всех видов обращений во всех сферах общественных отношений в России, за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами. Это означает, что:

— во-первых, Федеральный закон об обращениях не действует в части реализации специальных процедур гражданско-правового, уголовно-правового и иного характера. При рассмотрении обращений в сфере оказания услуг, осуществления контроля, закупок для государственных нужд и др. приоритет имеет специальное регулирование, если его достаточно для правоприменения. По специальным процедурам рассматриваются также обращения граждан в налоговых и таможенных органах, в том числе в рамках досудебного разбирательства. При рассмотрении такого рода обращений приоритет отдается Налоговому кодексу РФ, Таможенному кодексу ЕАЭС и другим специальным актам. Федеральный закон об обращениях не распространяется на взаимодействие

²⁰ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

²¹ См.: Старилов Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения... : сборник избранных научных трудов. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. С. 254.

граждан и прокуратуры в уголовном процессе, на процессуальную работу Следственного комитета РФ, на административное судопроизводство, исполнительное производство и т.д. Как справедливо отмечают Б. В. Россинский и Н. Г. Гончарова, право граждан на жалобу подразделяется на общее право на жалобу, которым обладают все граждане, и на специальное право на жалобу, предоставленное лицам как участникам уголовного и гражданского процесса, производства по делам об административных правонарушениях, трудовых споров. Регулирование индивидуальных и коллективных жалоб осуществляется целым рядом нормативных правовых актов²²;

— во-вторых, существует возможность регулирования порядка обращений другими законами и подзаконными актами с учетом упомянутого Федерального закона об обращениях;

— в-третьих, принятие подзаконных актов допустимо в развитие порядка рассмотрения обращений граждан в части, не урегулированной Федеральным законом об обращениях, другими законами, и в непротиворечии с ними.

Федеральным законом об обращениях устанавливаются виды обращений, классифицируемые по нескольким признакам. По форме подачи и рассмотрения: письменные и устные, электронные и бумажные. По количеству заявителей: индивидуальные и коллективные. В рассматриваемом *Федеральном законе* *заключен широкий смысл «обращений граждан» как обьективированной формы реализации субъективного конституционного права*. Большинство разнообразных форм общения (взаимодействия, взаимоотношений) граждан и органов публичной власти в Российской Федерации могут быть охарактеризованы понятием «обращение», заложенным в п. 1 ст. 4 Федерального закона об обращениях.

По предметному содержанию установлены такие виды обращений, как предложения, заявления и жалобы. При этом термин «заявление», если ориентироваться на п. 3 ст. 4 Федерального закона об обращениях, включает в себе достаточно широкий и многозначительный смысл, поскольку заявление подается в целях реализации конституционных прав и свобод. Вместе с тем в качестве отдельных видов обращений не названы наказ избирателя муниципально-

му кандидату или законодательная инициатива как предложение о совершенствовании правового регулирования; запрос как заявление о предоставлении информации; уведомление о проведении публичного мероприятия как заявление о планируемых митингах, шествиях, демонстрациях и др. Тем не менее действие Федерального закона об обращениях распространяется на данные указы, законодательные инициативы, запросы, уведомления в той части, в которой порядок их рассмотрения не урегулирован специальными актами. При этом все перечисленные разновидности обращений имеют признаки предложений или заявлений. Поэтому нет необходимости в дополнительном выделении каких-либо иных видов обращений. Установленной в Федеральном законе об обращениях «триады» вполне достаточно.

Для обеспечения системности законодательства об обращениях и исключения коллизий между общим и специальным регулированием в *Федеральном законе об обращениях следовало бы указать на его базовый характер* по аналогии со ст. 1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп.)²³. В частности, установить, что все иные законы, регулирующие вопросы обращений граждан, не могут противоречить Федеральному закону об обращениях. Если противоречие обнаруживается, то применяется Федеральный закон об обращениях. При этом, помимо предложений, заявлений и жалоб, *граждане могут направлять в органы власти и другие обращения, порядок рассмотрения которых подчиняется действующему правовому регулированию, если специальным законом не установлено иное*.

В последние десятилетия законодательное регулирование порядка рассмотрения обращений граждан развивается путем внесения точечных изменений и дополнений в Федеральный закон об обращениях. Например, в 2014 г. были закреплены особенности рассмотрения обращений только по вопросам миграции в формате двух исключений: переадресации обращения гражданина о нарушении миграционного законодательства в течение пяти дней в уполномоченные органы субъекта РФ (ч. 3.1

²² См.: Россинский Б. В., Гончарова Н. Г. Административное право. Практикум : учебно-методическое пособие / отв. ред. Б. В. Россинский. М. : Эксмо, 2006. С. 145–149.

²³ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

ст. 8); рассмотрение высшим должностным лицом субъекта РФ обращения о фактах нарушения миграционного законодательства в течение 20 дней со дня его регистрации (ч. 1.1 ст. 12).

В Федеральном законе об обращениях не установлены руководящие идеи и ориентиры рассмотрения обращений граждан (в виде правил или принципов), в том числе по ограничению ведомственного нормотворчества, недостаточно урегулирован электронный формат обращений, отсутствуют особенности рассмотрения обращений определенных категорий лиц, например военнослужащих, о чем будет также сказано далее. Текущее законодательное регулирование, ориентированное на процедуры в тех или иных сферах общественных отношений, не восполняет и не может в полной мере восполнить недостатки и пробелы Федерального закона об обращениях. Между тем именно этот закон остается актом общего регулирования, содержание которого представляет собой нормативную основу для всех иных законов и подзаконных актов в части рассмотрения обращений граждан. Такая его роль *предопределена социально-политической природой права на обращение как конституционного права и как субъективного права универсального характера, реализация которого сопровождает любую сферу деятельности органов власти в их взаимоотношениях с гражданами*, будь то оказание услуг или осуществление контроля. Исходя из этого, законодателю следовало бы уделить больше внимания наполнению Федерального закона об обращениях базовыми положениями о порядке их рассмотрения во всех сферах общественных отношений.

Порядок рассмотрения обращений граждан на подзаконном уровне регулирования определяется актами Администрации Президента РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной антимонопольной службы, Федеральной налоговой службы, Высшей квалификационной коллегии судей РФ, Государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». К подзаконным актам, регулирующим порядок обращений граждан, относятся также постановление Совета Федерации ФС РФ от 22.02.2006 № 55-СФ «О работе с обращениями граждан в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 889 (ред. от 10.12.2024) «Вопросы гражданства Российской Федерации» (вместе с Положением о порядке рассмотрения вопросов граж-

данства Российской Федерации, Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации), Регламент Правительства РФ (утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2004 № 260).

Большой массив подзаконных актов о процедурах деятельности органов власти и организаций, уполномоченных рассматривать заявления, предложения и жалобы граждан, составляет административно-правовое регулирование. Административные процедуры включают структуру и порядок взаимодействия соответствующих органов и организаций по приему и рассмотрению обращений, в том числе межведомственное взаимодействие государственных органов, механизм общения органа (организации) с гражданином в период подачи (принятия) обращения и выдачи (получения) итогового решения. К административно-правовому регулированию относятся контроль и мониторинг уполномоченных лиц в связи с рассмотрением обращений граждан, документооборот, обмен информацией, использование электронных средств. Регламенты органов, положения о деятельности органов, о порядке рассмотрения обращений, о делопроизводстве, инструкции о порядке заполнения формуляров — всё это подзаконные акты административно-правового характера.

В настоящее время органами исполнительной власти, иными органами и организациями принято большое количество подзаконных актов по вопросам рассмотрения обращений граждан. Почему органам и организациям при работе с обращениями недостаточно Конституции РФ, Федерального закона об обращениях и иных федеральных законов?

Первая причина собственного нормотворчества ведомств состоит в том, что органы власти и организации имеют структурную, процедурную, организационную и иную специфику деятельности. Такая специфика мотивирует на закрепление особенностей порядка подачи и рассмотрения обращений, уточнение содержательных параметров обращений, характерных для соответствующих процедур. *Второй причиной собственного нормотворчества ведомств по вопросу рассмотрения обращений граждан является необходимость восполнения пробелов Федерального закона об обращениях, прежде всего в связи с развитием информационных технологий (ИТ).*

Потребность у органов и организаций в ведомственном и локальном регулировании

связана с тем, что подача и рассмотрение обращений граждан осуществляются с помощью электронных каналов связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», онлайн-сервисов предоставления государственных услуг, сервисов интернет-приемных. Правовое регулирование цифрового государства, цифровой образовательной среды, электронного оказания услуг населению и др. содержит положения об обеспечении коммуникации общества и государства посредством ИТ и искусственного интеллекта. Такие технологии в сфере рассмотрения обращений граждан развиваются быстрее, чем правовое регулирование успевает оформлять соответствующие цифровые взаимоотношения между гражданами и органами власти. При этом на законодательство возлагаются надежды в отношении урегулирования еще не до конца осознанных коммуникаций: страхование от последствий сбоев, пресечение «вскрытия» информации, хакерских атак, исключение рисков несовместимости программного обеспечения. Если на практике и складывается определенность относительно того, как гарантировать совершение и фиксацию того или иного факта, удостоверение, сохранение передаваемой информации, защиту от сбоев, то не всегда понятно, как юридически оформить соответствующие отношения, подобрать правовые категории и зафиксировать правовую форму.

Определение порядка рассмотрения обращений в электронной форме и уточнение субъектного состава — основные направления совершенствования законодательства

В ведомственных инструкциях по делопроизводству в части формирования запросов граждан в электронном виде устанавливаются рекомендации по заполнению соответствующих форм. В таких подзаконных документах встречаются разные требования к порядку составления обращений граждан и их подачи. Неправомерные практики со стороны уполномоченных лиц по рассмотрению обращений граждан

пресекаются на уровне судебных решений²⁴. При этом в *Федеральном законе об обращениях не содержится прямого запрета предъявления гражданам обременительных требований или соблюдения дополнительных условий при подаче заявлений, предложений и жалоб*. К таким требованиям или условиям относятся следующие: необходимость дополнительного оборудования (программного обеспечения) для подачи обращения; невозможность ни по одному из каналов связи (электронная почта, интернет-приемная, «Госуслуги», личный прием) приложить документы к обращению в том объеме, который, по мнению гражданина, необходим; отсутствие достаточного объема каналов связи для подачи обращения (например, предусмотрено обращение только через электронную приемную без указания возможности апеллировать через электронную почту); отказ от принятия обращения к рассмотрению в случае, если не прилагаются так называемые второстепенные сведения (которые, в свою очередь, могут быть запрошены органом самостоятельно в порядке межведомственного взаимодействия или отсутствие которых не является препятствием для принятия обращения и решения его по существу).

Например, согласно ст. 3.1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» публично-правовая компания принимает заявления граждан, участвует в их рассмотрении, разрабатывает, внедряет и обеспечивает информационную поддержку электронных сервисов, необходимых для оказания услуг, а также оказывает услуги посредством этих электронных сервисов. Публично-правовой компанией в сфере государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав является «Роскадастр». Осуществление ряда регистрационных действий с недвижимостью допустимо только в электронной форме. В этих целях необходимо получить через удостоверяющий центр «Роскадастра» квалифицированный сертификат, настроить и установить криптопровайдер и плагин²⁵. На рабочем месте заявителя предварительно должна быть установлена про-

²⁴ См.: Степкин С. П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 34–37.

²⁵ Инструкция о порядке регистрации и получении сертификата в личном кабинете УЦ ППК «Роскадастр»; Инструкция по установке личного сертификата, выпущенного УЦ ППК «Роскадастр»; Перечни корневых сертификатов и списки отозванных сертификатов; Криптопровайдер и плагин браузера // URL: <https://uc.kadastr.ru/supports>.

грамма, совместимая с браузером. С помощью криптопровайдера «КриптоПро CSP» необходимо произвести установку квалифицированного сертификата в контейнер закрытого ключа в хранилище «Личное». Кроме того, необходимо установить цепочку сертификации (набор корневых сертификатов и списки отозванных сертификатов) в соответствующие хранилища операционной системы. И так далее! Не каждый ИТ-специалист способен соблюсти требования ППК «Роскадарстр» к форме и порядку подачи обращения для совершения определенных регистрационных действий с недвижимостью. Простому гражданину это еще сложнее. Притом что техническая поддержка работает ненадлежащим образом, поскольку ее так называемые рекомендации, а фактически отписки, по электронной почте не позволяют всем заинтересованным лицам подать заявление на электронную регистрацию²⁶.

Согласно части 2 ст. 21 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ применение простой электронной подписи обеспечивается отсутствием необходимости использования лицами программных и аппаратных средств, специально предназначенных для получения соответствующих услуг. Такая норма в виде правила или в виде принципа о недопустимости обременения граждан дополнительными требованиями при подаче обращения должна быть закреплена не в специальном законе, а прежде всего в базовом Федеральном законе об обращениях.

Безусловно, нормы о процедурах и сроках рассмотрения обращений граждан должны развиваться в подзаконных актах, поскольку ведомственное регулирование во многом облегчает и ускоряет данную процедуру и прямых коллизий, ухудшающих правовое положение заявителя, как правило, не предусматривает. Тем не менее в условиях неустойчивости в стратегии регулирования в сфере обращений граждан (акцент то на участии в управлении делами государства, то на оказании государственных услуг), можно было бы рекомендовать включить в Федеральный закон об обращениях следующие ограничения:

— *подзаконными актами не могут вводиться иные виды обращений, кроме тех, которые установлены в Федеральном законе об обращениях*, в подзаконных актах следует ориентироваться на сроки и порядок, установленные на уровне закона;

— *подзаконными актами не может ограничиваться возможность обращения граждан только одной формой (одним способом)*, например электронной. Помимо нее должна быть закреплена возможность иных способов подачи и рассмотрения обращений граждан, предусмотренных Федеральным законом об обращениях. Ограничение объема и содержания обращения допустимо только в том случае, если гражданин может подать обращение в полном объеме, который определяет для себя приемлемым, хотя бы посредством одного из вариантов подачи, указанных в ведомственном акте.

В пункте 1 ст. 4, ч. 3 ст. 7, ст. 10, ч. 5.1 ст. 11 Федерального закона об обращениях упоминаются понятия: «форма электронного документа», «электронная почта», «уникальный идентификатор», «адрес личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций)», «информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет”», «электронный адрес официального сайта». При этом данные понятия не раскрываются в тексте Федерального закона об обращениях, в то время как содержание некоторых из них требуется пояснить применительно к сфере рассмотрения обращений граждан в целом. В частности, что представляет собой ответ на обращение в форме электронного документа или адрес личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций)? Есть ли требования к электронной почте, на которую направляется ответ органа власти гражданину? Как официально удостоверяется ответ на обращение в форме электронного документа?

В Федеральном законе об обращениях не перечислены каналы связи, по которым могут направляться обращения граждан. Отсутствует регулирование обращений по телефону. Не формулируется статус «интернет-приемной» как собирательного понятия. Не установлено ключевое правило о том, что рассмотрение обращений в письменной форме равнозначно рассмотрению обращений в электронной форме. Ответы на обращения, поданные и рассмотренные в названных формах, порождают одинаковые правовые последствия. Не в текущем законодательстве, а в базовом Федеральном законе об обращениях требуется дать определения ключевых понятий, необходимых для регулирования порядка рассмотрения обращений в электронной форме. Содержательное

²⁶ Из личного опыта автора статьи.

наполнение закона общего характера способствовало бы обеспечению достаточности и системности законодательства в соответствующей сфере общественных отношений, предоставило бы ориентиры для специального регулирования и ведомственного нормотворчества.

Действие Федерального закона об обращениях не распространяется на обращения граждан в коммерческие и некоммерческие организации, если только они не призваны к осуществлению государственных и (или) муниципальных полномочий (публично значимых функций). Несмотря на то что понимание статуса организаций, осуществляющих государственные полномочия, есть в доктрине (Ю. Тихомиров²⁷, А. Ф. Васильева²⁸, Э. В. Талапина²⁹, Р. Хасянов³⁰, В. Низов³¹, И. Сушильников³²), а также в ряде постановлений Конституционного Суда РФ³³ и Верховного Суда РФ³⁴ (о саморегулируемых организациях, о нотариусах и др.), в правовом регулировании не нашли четкого и однозначного закрепления критерии и характеристики организаций, осуществляющих государственные полномочия. В части 4 ст. 1 Федерального закона об обращениях установлено, что он распространяется на рассмотрение обращений государственными органами, органами местного самоуправления, а также государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями, осущест-

вляющими публично значимые функции, и их должностными лицами. Однако на федеральном уровне, например, прямо не установлено, что коммерческие банки, которые участвуют в реализации государственных ипотечных программ, а также в государственных программах автокредитования на условиях софинансирования, *обязаны рассматривать обращения граждан по соответствующим вопросам на основании Федерального закона об обращениях*. Представляется, что такую норму надо было бы закрепить в отношении *всех организаций, распоряжающихся бюджетными средствами при взаимодействии с гражданами*.

Право на обращение в административном праве — это также один из основных институтов, характеризующих именно административно-правовой статус гражданина. Порядок рассмотрения обращений граждан представляет собой отдельную внесудебную административную процедуру, что может снимать многие спорные вопросы. Как справедливо отмечали в свое время специалисты по административному праву, провозглашение права на обращение в Конституции РФ не является основанием для вывода о том, что нельзя в законе закрепить право граждан обращаться и к администрациям государственных предприятий, учреждений, в общественные организации, к руководителям коммерческих структур³⁵. Поскольку в настоя-

²⁷ Тихомиров Ю. А. Централизация и децентрализация: динамика соотношения // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 105.

²⁸ Васильева А. Ф. Осуществление субъектами частного права государственно-властных полномочий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 3. С. 81–88.

²⁹ Талапина Э. В. Публичное право и экономика : курс лекций. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 241–277.

³⁰ Хасянов Р. З. Передача государственных полномочий негосударственным организациям: проблемы понятийного аппарата и пути их решения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 1 (40). С. 52–65.

³¹ Низов В. А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 134.

³² Сушильников И. С. Саморегулирование и сорегулирование как формы партнерства предпринимателей и органов власти в сфере охраны здоровья // Военно-медицинский журнал. 2021. Т. 342. № 8. С. 68.

³³ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 28.04.1992 № 4-П «По делу о проверке конституционности постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 февраля 1992 года № 2275-1 “О Всероссийском агентстве по авторским правам”»; от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»; от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева».

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

³⁵ См.: Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М. : Норма, 2004. С. 161.

щее время содержание всего массива законодательства об обращениях в полной мере не сдерживается традициями регулирования в рассматриваемой сфере, не помешало бы решение как общих, так и частных вопросов в базовом Федеральном законе. Так, в связи с недостаточностью правового регулирования статуса организации, которая подлежит признанию в качестве организации, осуществляющей возложенные на нее государственные и муниципальные полномочия (в частности, отсутствие четких правовых критериев ее идентификации), можно было бы также распространить в «мягкой форме» порядок рассмотрения обращений, установленный в Федеральном законе об обращениях, на соответствующие отношения граждан и организаций. В Федеральном законе об обращениях следовало бы предусмотреть, что *обращения граждан в коммерческие и некоммерческие организации могут рассматриваться в порядке, установленном в Федеральном законе об обращениях, если такой порядок допускается корпоративными (локальными) актами организации*. Исключением являются обращения в коммерческие и некоммерческие организации, для которых предусмотрен специальный порядок рассмотрения, например обращения по социально-правовым вопросам в соответствии с Трудовым кодексом РФ.

Кроме того, необходимо уточнить понятие должностного лица, которое упомянуто в Федеральном законе об обращениях в качестве субъекта, уполномоченного рассматривать обращения граждан. В пункте 5 ст. 4 Федерального закона об обращениях дается определение должностного лица как лица, осуществляющего функции представителя власти либо выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления. Такое понимание не в полной мере подходит к сотрудникам организаций, осуществляющих публично значимые функции. Как нормативно определить уполномоченное лицо, в функции которого входит рассмотрение обращений граждан в соответствующей организации? Представляется, что в Федеральный закон можно было бы добавить норму о том, что в таких организациях обращения граждан по процедуре, установленной в указанном Законе, рассматриваются уполномоченными лицами (сотрудниками). Такое уточнение соответствует

судебной практике по вопросам обжалования порядка рассмотрения обращений граждан. В частности, есть решения судов о том, что право гражданина на обращение не является нарушенным, если ответ ему подписывает не руководитель органа, в который было направлено обращение (и не то лицо, которое было указано в качестве адресата в обращении), а другой компетентный сотрудник. Суды, ориентируясь на принципы компетентности и подведомственности при рассмотрении обращений, встают на сторону органов власти, защищая их от граждан, требующих ответа именно от определенного должностного лица³⁶.

В пункте 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 № 2534-VII устанавливались особенности рассмотрения заявлений и жалоб военнослужащих и членов их семей в условиях предоставления этим категориям граждан благоприятного режима. В статье 12 действующего Федерального закона об обращениях (вместо исключений только для обращений в сфере миграции) также *можно закрепить норму общего характера, предусматривающую возможность сокращения сроков рассмотрения обращений в тех или иных сферах общественных отношений или применительно к обращениям определенных категорий граждан*.

Таким образом, роль Федерального закона об обращениях как закона общего регулирования предопределена социально-политической природой права на обращение как конституционного права и как субъективного права универсального характера, реализация которого сопровождает любую сферу деятельности органов власти в их взаимоотношениях с гражданами. Выделение этого права в Конституции РСФСР 1978 г., наряду с иными конституционными правами и свободами, вызвано расширением социальной базы власти и развитием форм демократии в социалистическом государстве. Можно отметить преемственность традиций рассмотрения обращений граждан, сформировавшихся в дореволюционный и советский периоды развития Российского государства и общества. Вместе с тем современное развитие коммуникаций в государстве и обществе, усложнение взаимодействия субъектов, развитие ИТ являются вызовами для совершенствования правового регулирования института обращений.

³⁶ См.: Нарутто С. В. Указ. соч. С. 107, 119, 120.

Регулирование определенных видов деятельности органов власти как специальное регулирование не может считаться заменой Федерального закона об обращениях. При регулировании института обращений следует ориентировать не на концепт оказания государственных услуг, а на традиционное для России положение об участии граждан в управлении делами государства.

Совершенствование законодательства об обращениях подразумевает прежде всего закрепление в рассматриваемом Федеральном

законе положений: о недопустимости обременения граждан дополнительными требованиями при подаче обращения, об ограничении ведомственного нормотворчества, об уточнении статуса субъектов, уполномоченных рассматривать обращения, и особенностей их рассмотрения в случае поступления от определенных категорий граждан. Требуется установить понятийный ряд в сфере рассмотрения обращений в электронной форме и перечень каналов подачи обращений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М. : Норма, 2004.
- Безуглов А. А. Советский депутат. Государственно-правовой статус. М., 1971.
- Васильева А. Ф. Осуществление субъектами частного права государственно-властных полномочий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 3.
- Воеводин Л. Д. Конституционно-правовой статус личности в России. М. : Издательство МГУ, Инфра-М, Норма, 1997.
- Волкова Е. В. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1–2.
- Глушко Е. К. Публичная служба. М., 2010.
- Зиновьев А. В. Статус народного депутата в СССР. Л., 1987.
- Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1 : Северная и Центральная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2006.
- Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 3 : Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2006.
- Конституционное право России : учебник / отв. ред. В. А. Виноградов, С. В. Масленникова, В. Д. Мазаев. М. : Эксмо, 2022.
- Коток В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат. М., 1967.
- Нарутто С. В. Обращение граждан в органы публичной власти : учебник. М. : Норма, 2021.
- Низов В. А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5.
- Россинский Б. В., Гончарова Н. Г. Административное право. Практикум : учебно-методическое пособие / отв. ред. Б. В. Россинский. М. : Эксмо, 2006.
- Старилов Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения... : сборник избранных научных трудов. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010.
- Степкин С. П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 34–37.
- Сушильников И. С. Саморегулирование и сорегулирование как формы партнерства предпринимателей и органов власти в сфере охраны здоровья // Военно-медицинский журнал. 2021. Т. 342. № 8.
- Талапина Э. В. Публичное право и экономика : курс лекций. М. : Волтерс Клувер, 2011.
- Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003.
- Тихомиров Ю. А. Централизация и децентрализация: динамика соотношения // Журнал российского права. 2007. № 2.
- Хасянов Р. З. Передача государственных полномочий негосударственным организациям: проблемы понятийного аппарата и пути их решения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 1 (40).

REFERENCES

- Abramova AI, Bogolyubov SA, Mitskevich AV, et al. Pigolkin AS (ed.). Theory of state and law. Moscow: Gorodets Publ.; 2003. (In Russ.).
- Bakhrakh DN, Rossinsky BV, Starilov YuN. Administrative law: A textbook for universities. Moscow: Norma Publ.; 2004. (In Russ.).
- Bezuglov AA. A Soviet Deputy. State and legal status. Moscow; 1971. (In Russ.).
- Glushko E.K. Public Service. Moscow; 2010. (In Russ.).
- Khabrieva TYa (ed.). Constitutions of the states of America. In 3 vols. Vol. 1: North and Central America. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2006. (In Russ.).
- Khabrieva TYa (ed.). Constitutions of the States of America: In 3 vols. Vol. 3: South America. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2006. (In Russ.).
- Khasyanov RZ. Transfer of state powers to non-governmental organizations: problems of the conceptual apparatus and ways to solve them. *Bulletin of Voronezh State University. Law*. 2020;1(40).
- Kotok VF. Orders of voters in a socialist state (Imperative mandate). Moscow; 1967. (In Russ.).
- Narutto SV. Appeal of citizens to public authorities. Moscow: Norma Publ.; 2021. (In Russ.).
- Nizov VA. Constitutional and legal foundations of public property in the context of the creation of legal entities of public law. *Comparative Constitutional Review*. 2020;5. (In Russ.).
- Rossinsky BV, Goncharova NG. Administrative law. Workshop: educational and methodological manual. Moscow: Eksmo Publ.; 2006. (In Russ.).
- Starilov YuN. From publications of recent years: memoirs, ideas, opinions, doubts. Collection of Selected Scientific Works. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2010. (In Russ.).
- Stepkin SP. Problems of studying the objectivity and comprehensiveness of consideration of appeals. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;11:34-37. (In Russ.).
- Sushilnikov IS. Self-regulation and co-regulation as a form of partnership between entrepreneurs and authorities in the field of health protection. *Military Medical Journal*. 2021;342(8). (In Russ.).
- Talapina EV. Public law and economics: a course of lectures. Moscow: Wolters Kluwer Publ.; 2011. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. Centralization and decentralization: dynamics of the ratio. *Journal of Russian Law*. 2007;2. (In Russ.).
- Vasilieva AF. Exercise of state powers of authority by subjects of private law. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2011;3:81-88. (In Russ.).
- Vinogradov VA, Maslennikova SV, Mazaev VD. Constitutional law of Russia. Moscow: Eksmo Publ.; 2022. (In Russ.).
- Voevodin LD. Constitutional and legal status of a person in Russia. Moscow: Publishing House of Moscow State University; Infra-M; Norma Publ.; 1997. (In Russ.).
- Volkova EV. Russian legislation during the reign of Paul I and its impact on the state of law and order in the country. *Izvestiya Tula State University*. 2010;1-2. (In Russ.).
- Zinoviev AV. Status of a people's deputy in the USSR. Leningrad; 1987. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Масленникова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
svasilieva@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Maslennikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
svasilieva@hse.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 октября 2024 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 15.08.2024.

Revised 16.10.2024.

Accepted 15.01.2025.

Юйцуй Дин

Хэйлунцзянский университет
г. Харбин, Китайская Народная Республика

Природа правовых благ NFT и их уголовно-правовая охрана в контексте метавселенной

Резюме. NFT в развитии экономики метавселенной, хотя способствуют росту цифровой экономики, также сопряжены с рисками преступности. NFT обладает двухслойной комплексной структурой: «метаданные + токен-идентификатор (ID)». В случаях, когда NFT является объектом преступления, он подвергается двойному риску: незаконного вмешательства в метаданные и незаконного получения токена-ID. В рамках руководства по взаимодействию гражданского и уголовного законодательства и теории относительной подчиненности NFT имеет два уровня правомерных интересов: данные и имущественные интересы, а также может быть связан с другими сопутствующими правами в зависимости от его маппинга. Нарушения метаданных подлежат регулированию как преступления в области компьютерных технологий и узкоспециализированные преступления в области данных; незаконное получение токена-ID регламентируется как имущественное преступление. В случаях, когда нарушаются как интересы данных и имущества, так и сопутствующие правовые интересы, для квалификации преступления применяется теория совокупности преступлений.

Ключевые слова: NFT; риски безопасности; идентификация правомерных интересов; уголовно-правовая защита

Для цитирования: Юйцуй Дин. Природа правовых благ NFT и их уголовно-правовая охрана в контексте метавселенной. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 56–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065

The Nature of NFT Legal Benefits and their Criminal Protection in the Context of the Metaverse

Yucui Ding

Heilongjiang University

Harbin, People's Republic of China

Abstract. NFTs in the development of the metaverse economy, contributing to the growth of the digital economy, are also associated with crime risks. NFT has a two-layer complex structure «metadata + token identifier (ID)». In cases where the NFT is the target of a crime, it is exposed to a double risk — illegal interference with metadata and illegal receipt of a token ID. Within the framework of the guidelines on the interaction of civil and criminal law and the theory of relative subordination, the NFT has two levels of legitimate interests — «data + property interests», and can also be associated with other related rights depending on its mapping. Metadata violations are subject to regulation as computer technology crimes and highly specialized data crimes; illegal acquisition of a token ID is regulated as a property crime. In cases where both the interests of data and property, as well as related legal interests, are violated, the theory of the multiple counts of crimes is applied to qualify the crime.

Keywords: NFT; security risks; identification of legitimate interests; criminal law protection

Cite as: Yucui Ding. The Nature of NFT Legal Benefits and their Criminal Protection in the Context of the Metaverse. *Lex russica*. 2025;78(2):56-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065

Введение

В условиях мирового экономического восстановления в условиях неопределенности развития цифровой экономики, интеграция данных с различными отраслями, использование технологических инноваций для цифровой трансформации и внедрение высококачественных цифровых технологий становятся новым путем для стимулирования экономического роста стран. В этом контексте non-fungible tokens (NFT), являющиеся основой развития метавселенной и использующие блокчейн как основную технологию, становятся краеугольным камнем метавселенной и цифровых активов, ожидающих своего времени для дальнейшего роста. NFT обладает уникальными техническими характеристиками, отличающими его от традиционных цифровых активов и других блокчейн-продуктов. Существующие модели регулирования блокчейн-управления и защиты цифровых активов не могут напрямую применяться для защиты NFT, что создает пробелы в правовом регулировании. Исследования по предупреждению преступлений с использованием NFT как инструмента преступной деятельности активно развиваются, однако вопросы защиты цифровых активов NFT как объекта преступления пока малоизучены. Уголовное право, обладая функцией социального обеспечения, должно адаптироваться к новым формам преступности, чтобы обеспечить безопасность цифровых активов NFT и поддерживать здоровое развитие цифровой экономики.

1. Основное понятие и особенности NFT

NFT, или non-fungible token, представляет собой невзаимозаменяемый токен на блокчейне, т.е. набор метаданных с временной меткой, связанных с уникальным и неизменным цифро-

вым файлом, хранящимся в сети¹. Эти метаданные могут быть представлены ссылкой на конкретный цифровой контент или набором хэш-значений. Кликнув на ссылку или используя хэш-значения для поиска по сети, можно получить доступ к хранимому цифровому контенту. NFT — это новый тип цифровых активов, основанных на технологии блокчейн и использующих смарт-контракты ERC-721 и ERC-1155, который может быть привязан к цифровым или физическим объектам (например, фотографии, аудиозаписи, тексту, билетам на мероприятия), которые затем превращаются в уникальные цифровые удостоверяющие документы². Каждый NFT уникален, имеет собственный код или другой идентификатор, и его стоимость меняется в зависимости от стоимости привязанного объекта. Таким образом, NFT может служить как меткой актива, так и удостоверением прав, что способствует реализации прав в метавселенной и облегчает обмен и оборот цифровых активов³.

В контексте метавселенной процесс создания NFT обычно называется минтингом (minting) и включает два этапа: получение метаданных и добавление их в блокчейн⁴. На первом этапе необходимо определить объект, который будет служить ценовым якорем. Он может быть в двух формах:

1) изначально цифровой объект, создаваемый с использованием цифровых технологий, например цифровая живопись или компьютерный сгенерированный аудиофайл, этот тип можно назвать исходными данными в цифровой среде, которые не требуют дополнительного извлечения информации для преобразования в формат хранения компьютера;

2) физический объект из реальной жизни (например, фотография или книга), для которого необходимо извлечь сведения о нем и преобразовать основную информацию, описывающую его, включая содержание, цвет, размер, автора и т.д., в цифровой формат, ко-

¹ Тао Цянь. О правовом смысле торговой сделки в отношении NFT — цифровых произведений // Восточное правоведение. 2022. № 2. С. 71. 陶乾: 《论数字作品非同质代币化交易的法律意涵》, 《东方法学》2022年第2期, 第71页。

² Чжао Лэсюань. Что такое NFT, которые некогда были на пике популярности? // Народная почта и телекоммуникации. 27.08.2021. 赵乐瑄: 《火爆一时NFT究竟是什么?》, 《人民邮电》2021年8月27日, 第1页。

³ Ян Дун, Лэлэ. Уголовно-правовая защита цифровых активов в метавселенной // Журнал Института национальных прокуроров. 2022. № 6. С. 23–24. 杨东, 乐乐: 《元宇宙数字资产的刑法保护》, 《国家检察官学院学报》2022年第6期, 第23-24页。

⁴ Ши Вэнь. Уголовно-правовая защита безопасности цифровых активов NFT // Исследование социальных наук провинции Цзянси. 2024. № 5. С. 194. 史雯: 《NFT数字资产安全的刑法保护》, 《江西社会科学》, 2024年第5期, 第194页。

торый может быть сохранен в компьютере. Этот тип данных зависит от физического цифрового двойника. Эти данные могут полностью отразить информацию и содержание объекта, соответствующего правам собственности NFT, и являются описанием данных, т.е. метаданными. Процесс получения таких данных — это этап получения метаданных. После получения метаданных можно сохранить тремя способами: в блокчейне, или в распределенных файлах, или в централизованных серверных сетях, затем с помощью хэш-алгоритмов и других криптографических методов можно получить хэш-значение, которое будет уникальным образом связано с якорным объектом, т.е. цифровой ID⁵. С помощью технологии смарт-контрактов, главным образом ERC-721, цифровой ID сохраняется в блокчейне и связывается с определенным адресом пользователя, присваивая NFT свой уникальный токен-ID, что и является процессом «загрузки в цепочку»⁶. Если это внешний аккаунт, то пользователь управляет NFT, используя ключи; если это контрактный аккаунт, то он контролируется кодом созданного смарт-контракта. Таким образом, с помощью алгоритма и уникального токена-ID завершается создание NFT с уникальной цифровой идентичностью (см. рисунок).

Исходя из вышеизложенного процесса создания NFT и с учетом схемы процесса (рис. 1), можно выделить два важных элемента NFT: 1) метаданные на блокчейне или вне его и 2) токен на блокчейне. Метаданные являются ключевыми встроенными данными NFT, т.к. они описывают информацию, к которой относится конкретный токен-ID. Стоимость NFT изменяется в зависимости от стоимости привязанного объекта, который описан в метаданных; таким образом, метаданные составляют ядро реальной стоимости NFT. Торговля NFT изменяет только принадлежность токена на блокчейне, однако, независимо от изменений в праве

собственности, NFT всегда будет указывать на метаданные, которые описывают стоимость привязанного объекта. Это указывает на то, что метаданные и токен-ID являются двумя относительно независимыми частями, а не неразделимым объединением: они представляют собой составную двухуровневую структуру.

2. Риски безопасности в контексте двухуровневой структуры NFT

Цифровые активы NFT сталкиваются с рисками безопасности и как инструмент, и как объект преступления. В случае использования NFT в качестве инструмента преступной деятельности могут возникнуть такие риски, как отмывание денег, незаконная предпринимательская деятельность, незаконное привлечение депозитов от физических лиц, мошенничество в области сбора средств и др.⁷

2.1. Риски, связанные с нарушением метаданных

Метаданные на блокчейне подвержены риску незаконных посягательств. С одной стороны, с развитием вычислительных мощностей и алгоритмов блокчейн-платформа может быть атакована, что приведет к незаконному получению, копированию, изменению или удалению метаданных. С другой стороны, если метаданные хранятся на централизованном сервере вне блокчейна, то они могут подвергаться тем же рискам, что и традиционные сетевые данные, включая замену, копирование, удаление со стороны уполномоченных лиц или утрату метаданных из-за атаки на сервер или его отключения.

2.2. Риски, связанные с нарушением токенов-ID

Основной технологией для обеспечения безопасности активов NFT является технология ключей. Пользователи внешних аккаунтов кон-

⁵ Се Бо, Хань Цзилун. Исследование механизма возникновения и путей расследования преступлений отмывания денег с использованием NFT // Вестник Китайского народного университета общественной безопасности (социальные науки). 2023. № 5. С. 22. 谢波, 韩梓龙: 《非同质化通证 (NFT) 洗钱犯罪的生成逻辑与侦查路径探讨》, 《中国人民公安大学学报 (社会科学版)》2023年第5期, 第26页。

⁶ Гэ Вэйцзюнь, Фан И. Правовая природа и внутренние риски криптовалютных цифровых коллекций на основе смарт-контрактов блокчейна // Вестник Шанхайского университета (социальные науки). 2023. № 2. С. 24. 葛伟军, 方懿: 《区块链智能合约下加密数字藏品的法律属性与内生风险》, 《上海大学学报 (社会科学版)》2023年第2期, 第24页。

⁷ Ву Икай, Ли Гоань, Ван Цзяньсюань. Финансовые свойства NFT и практика их судебного признания // Вестник Гуандунского университета финансов и экономики. 2023. № 3. С. 103. 吴一楷, 李国安, 王健璇: 《非同质化通证的金融属性及司法认定实践》, 《广东财经大学学报》2023年第3期, 第103页。

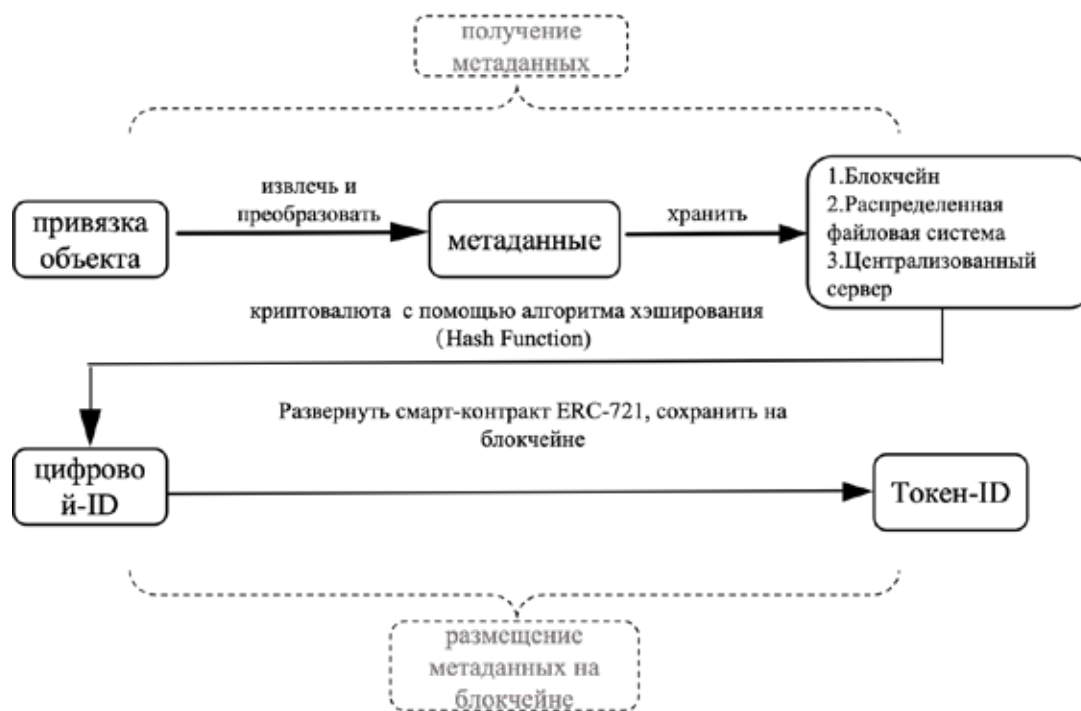

Рис. 1. Схема процесса создания метаданных

тролируют свои цифровые активы NFT, обладая соответствующими ключами, и для оборота NFT необходимо владеть соответствующими ключами для авторизации. Обладание ключом эквивалентно контролю над NFT. Таким образом, получение токена-ID может быть осуществлено через незаконное получение ключа.

Помимо риска незаконного получения ключа для контроля над NFT, существует угроза изменения или уничтожения смарт-контрактов, которые обеспечивают обращение цифровых активов NFT, что может привести к незаконному переводу NFT. Риски, связанные с техническими уязвимостями смарт-контрактов, не следует недооценивать. Например, инцидент с «The DAO» в 2016 г. потряс и вызвал панику в блокчейн-сообществе, когда хакерская группа использовала уязвимость в смарт-контракте блокчейна для изменения условий контракта и незаконного получения значительного количества цифровых активов⁸. С усилением алгоритмов и вычислительных мощностей и увеличением сложности смарт-контрактов возможно появление новых уязвимостей и методов атак, что неизбежно приведет к возникновению новых рисков.

3. Определение уголовно-правовых интересов относительно NFT в контексте согласования гражданского права с уголовным правом⁹

Задача уголовного права заключается в защите правовых интересов, нарушение которых является предпосылкой применения уголовного права. В случаях, когда NFT является объектом преступления, при определении уголовной ответственности за такое поведение возникает проблема, поскольку из-за новизны правового объекта — NFT — трудно точно определить его правовые характеристики и содержание. Это приводит к сложностям в определении того, какой уголовно-правовой интерес был нарушен, что, в свою очередь, затрудняет применение уголовных норм. В кругах ученых — специалистов по гражданскому праву существует множество мнений о правовой природе NFT, включая доктрину об обязательственном праве, доктрину о новых имущественных правах и доктрину о вещных правах. Если игнорировать соображения о правах, ценностей и правовой природе NFT в рамках гражданского права и создать исключительно уголовно-правовые интересы для NFT, то будет трудно обеспечить эффектив-

⁸ Ван Чань, Ян Хуэйсюй. Частноправовые проблемы и пути их решения в связи с смарт-контрактами // Исследование социальных наук провинции Юньнань. 2019. № 4. С. 132. 王潺, 杨辉旭: 《智能合约的私法挑战与应对思考》, 《云南社会科学》2019年第4期, 第132页。

ную защиту прав. Поэтому уголовно-правовая защита NFT-активов должна быть неотделимой от гражданских прав, и необходимо учитывать взаимосвязь между гражданским и уголовным правом, опираясь на природу гражданских прав, для дальнейшего формирования уголовно-правовой ценности NFT, с учетом уникальных особенностей NFT.

3.1. Споры о природе гражданских прав в отношении NFT

Доктрина об обязательственном праве считает, что NFT является цифровым свидетельством права собственности на определенный цифровой актив, представляющим собой просто идентификатор данных. Он сам по себе не может быть объектом имущественного права. Для функционирования виртуальных активов необходимо использовать сеть сервисных платформ, между платформой и владельцем активов существует контракт на предоставление сетевых услуг¹⁰. Создание NFT и управление, а также торговля им осуществляются через смарт-контракты, которые по сути являются электронными контрактами, и, таким образом, NFT представляет собой непрерывное исполнение долговых обязательств по договору о предоставлении услуг сетевой платформы, он является обязательством, вытекающим из договора.

Впрочем, эта доктрина вызывает значительные споры, т.к. существует явное различие между смарт-контрактами и традиционными гражданскими контрактами. Главный вопрос заключается в том, можно ли приравнять смарт-контракт к гражданскому контракту¹¹. Логика самоисполнения смарт-контракта делает выполнение условий контракта необратимым: как только условия выполнены, контракт автоматически исполняется, без возможности изменения, что затрудняет нормальное применение связанных с правом требования по договору прав, таких как право на суброгацию или на ан-

нулирование, а также соответствующих способов защиты прав в случае оборота NFT, например расторжения договора. В свою очередь, NFT не может быть непосредственно отнесен к долговым обязательствам, он скорее выступает объектом, на который указывают такие обязательства, являясь объектом контракта. Таким образом, природу NFT сложно определить как обязательственное право в гражданском праве.

Доктрина о новых имущественных правах утверждает, что NFT имеет две составляющие стоимости: внутреннюю стоимость и отображаемую стоимость. Внутренняя стоимость возникает из-за уникальной цифровой кодировки NFT, которая придает ему редкость, тогда как отображаемая стоимость возникает через технологию и передачу информации, соответствующей виртуальным или реальным объектам собственности. Эта доктрина сосредотачивается на отображаемой стоимости NFT, подчеркивая, что формирование отображаемой ценности на верхнем уровне зависит от базовой технологии блокчейна, а также указывает на то, что без базовой ценности отображаемые права не могут существовать. На практике стоимость дорогих NFT часто значительно отличается от их реальной стоимости, что отражает стремление рынка к базовой стоимости технологии. Однако структура прав, выстроенная в рамках этой доктрины, может быть лишь простой комбинацией традиционных прав, без четких границ, что порой делает эти права размытыми, а следовательно, ставит под сомнение их полноту и указывает на необходимость дальнейшей доработки.

Согласно доктрине о вещных правах мнение, что объектами вещных прав могут быть только материальные вещи, уже устарело, нематериальные вещи также могут быть объектами имущественных прав. NFT использует специфические алгоритмы и криптографические технологии для отображения ценностей цифровых

⁹ Согласование гражданского права с уголовным, т.е. связь между гражданским и уголовным правом, их сочетание, в основном касается взаимодействия и скоординированного разрешения гражданских и уголовных дел. В судебной практике довольно часто встречаются дела, подпадающие и под гражданское, и под уголовное право, которые зачастую затрагивают как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые отношения, между которыми существуют пересечение, связь или взаимовлияние.

¹⁰ Ван Лэй. Доктрина о требованиях к виртуальной сетевой собственности, а также о системном местоположении виртуальной сетевой собственности в Гражданском кодексе Китая // Журнал о форуме Цзяньхань. 2017. № 1. С. 125. 王雷:《网络虚拟财产权债权说之坚持:兼论网络虚拟财产在我国民法典中的体系位置》,《江汉论坛》2017年第1期,第125页。

¹¹ Бу Е. О частнопредметной конструкции смарт-контрактов // Юрист. 2020. № 2. С. 4. 吴烨:《论智能合约的私法构造》,《法学家》2020年第2期,第4页。

активов, придавая им уникальность и ценность, что позволяет им быть объектом исключительного контроля и распоряжения как традиционное имущество, а также иметь определенную экономическую ценность. Хотя NFT и не является материальным объектом, он соответствует базовым характеристикам вещного права¹².

Хотя существуют сомнения в том, обладает ли NFT всеми характеристиками вещного права, такими как определенность, исключительность и независимая ценность, автор данной статьи считает, что NFT может быть признан объектом вещного права. Уникальность и независимая ценность NFT заключаются в том, что каждый NFT является уникальным цифровым кодом, связанным с определенным цифровым объектом и содержащим уникальную информацию, такую как ID, стиль и право собственности, что делает его отличимым от других объектов. Кроме того, NFT обладает исключительностью: когда смарт-контракт соответствует учетной записи владельца, устанавливается правовая связь между NFT и учетной записью, причем владелец учетной записи является правообладателем данного NFT. Хотя метаданные могут храниться на централизованном сервере и управляться платформой данных, частный ключ, которым владеет правообладатель, обеспечивает абсолютный контроль над NFT, предотвращая вмешательство третьих лиц и создавая тем самым надежную защиту прав на NFT. Такая структура обеспечивает исключительное владение NFT.

В 2023 г. Средний народный суд г. Ханчжоу провинции Чжэцзян (Китай) вынес решение по первому в Китае правовому спору относительно авторских прав на NFT-работы, который получил название «Дело о нарушении прав на Толстого Тигра при вакцинации»¹³. Судебная инстанция Ханчжоу пришла к выводу, что в условиях модели торговли NFT каждый цифровой файл имеет уникальную метку, а каждое копирование цифрового произведения связано с уникальными

метаданными, что приводит к таким эффектам, как уникальность и дефицитность. Следовательно, когда копия цифрового произведения существует в виде NFT на торговой платформе, она становится конкретным цифровым товаром. В сущности, торговля NFT представляет собой передачу прав собственности на цифровой товар. Владельцы NFT — цифровых произведений обладают правами, включающими исключительное обладание, использование, распоряжение и получение прибыли¹⁴. Несмотря на то что это решение не определяет правовую природу NFT, оно подтверждает его статус как цифрового товара и признает, что данные, зашифрованные с использованием асимметричного алгоритма, приобретают специфические юридические характеристики, что открывает возможности для исключительного контроля. Это соответствует юридической логике защиты вещных прав, поэтому автор считает, что более подходящим будет признание правового статуса NFT как вещных прав.

3.2. Определение двойного уголовно-правового интереса в контексте единства правопорядка

Во-первых, как уже обсуждалось, правовая природа NFT в гражданском праве относится к вещным правам, а споры о гражданских правах происходят в рамках собственности, что дает основание для признания финансового интереса в NFT в уголовном праве. Во-вторых, имущество, подлежащее защите уголовным правом, должно иметь две особенности: 1) возможность распоряжения; 2) экономическую ценность, включая потребительскую и обменную стоимость, причем исключается возможность существования только эмоциональной ценности. Данный момент уже был рассмотрен при доказательстве вещной природы прав на NFT. При этом основная технология NFT обеспечивает его исключительность, а также создает редкость, поскольку NFT обладает как внутренней,

¹² Сы Сяо. Право собственности на цифровые активы на основе блокчейна // Исследования и дискуссии. 2021. № 12. С. 80–90, 178–179. 司晓:《区块链数字资产物权论》,《探索与争鸣》2021年第12期,第80-90,178-179页。

¹³ Истец, компания Qice, на законных основаниях обладает авторским правом на серию анимационных произведений «Я не толстый тигр» по лицензии автора Ма. Ответчик, некая технологическая компания, являющаяся платформой метавселенной, позволяет пользователям беспрепятственно публиковать на платформе неавторизованные NFT-произведения «Толстый тигр при вакцинации», в правом нижнем углу которых имеется водяной знак из микроблога автора Ма. Поэтому истец, компания Qice, считает, что ответчик совершил пособничество в нарушении права на распространение информации в Сети.

¹⁴ См.: гражданское судебное решение № 5272 (2022) Чжэ 01 Среднего народного суда города Ханчжоу провинции Чжэцзян.

так и дополнительной рыночной ценностью, возможностями коллекционирования, продажи и оборота. Таким образом, NFT обладает как объективной потребительской, так и обменной ценностью, что делает его достойным защиты в рамках уголовного права.

В «Деле о нарушении прав на Толстого Тигра при вакцинации» суд признал совместное существование коллекционной и инвестиционной ценности NFT, отвергнув представление о NFT как о праве на использование. Этот случай также косвенно подчеркивает имущественные интересы, скрытые в NFT.

Для того чтобы идентифицировать уголовно-правовой интерес в рамках связи гражданского и уголовного права, необходимо учитывать единство правопорядка и использовать характеристики гражданских прав для согласования гражданских и уголовных норм, а также для определения защищаемых интересов. Доктрина о подчиненности уголовного права утверждает, что уголовное право совместно с гражданским защищает определенные интересы, в то время как согласно доктрине о независимости уголовное право может самостоятельно определять сферу защиты. Однако обе доктрины имеют свои ограничения. Единство правопорядка не исключает возможности расширения действия различных отраслей права в зависимости от их целей, и гражданское право служит основой для уголовного. Таким образом, подход подчиненности целесообразнее, поскольку он не является временным решением и отражает гибкость теоретического развития.

В определении уголовно-правового интереса в NFT следует использовать его вещную природу как исходную точку, определяя основным интересом имущественные права, а затем на основе структуры NFT и целей уголовного права выделять другие интересы, подлежащие защите. Метаданные как основной компонент NFT, хотя и не идентичны цифровому активу, обладают сущностью данных, доступ к которым и использование которых должны быть ограничены разрешениями. Незаконный доступ или повреждение метаданных нарушает безопасность данных и законные права пользователей, поэтому данные, связанные с метаданными, также должны защищаться уголовным правом. Таким образом, NFT включает в себя двойную структуру правовых интересов, состоящую из данных и имущественных прав.

Поскольку NFT может быть привязан к множеству различных типов объектов, незаконный доступ к NFT может не только повлиять на безопасность самого цифрового актива, но и нарушить зависимые интересы, связанные с привязанным объектом. Например, если NFT, отражающий коллекционное произведение искусства, был незаконно получен, это может также нарушить интеллектуальную собственность. Если NFT связан с личными фотографиями, письмами или документами, его незаконное приобретение может нарушить права на личную информацию. Например, в деле об авторских правах на NFT-коллекцию «Поэзия Цзя Дао», рассмотренном Пекинским интернет-судом, ответчик без разрешения правообладателя использовал NFT для продажи цифровых коллекций. Суд признал, что ответчик нарушил авторские права на произведение искусства, загружая его цифровую копию на сервер и распространяя через публикацию. Это пример того, как незаконное создание, продажа или проверка NFT могут привести к нарушению авторских прав и зависимых интересов, связанных с объектом, к которому привязан NFT.

4. Уголовно-правовая квалификация незаконного получения NFT

Структура NFT, риски безопасности и правовые интересы обладают двойственной сложностью, поэтому для уголовно-правовой квалификации действий по незаконному получению NFT следует учитывать эту сложность, анализируя каждый аспект.

Квалификация незаконных действий, направленных на получение метаданных, зависит от типа защищаемого интереса. Метаданные являются данными, и носители этих данных, такие как блокчейн, распределенные файловые системы и централизованные серверы, — часть информационных систем, защищаемых уголовным правом. Существует два типа рисков: риски получения данных и риски разрушения данных («ошибка 404»). Если злоумышленник нарушает закон, вторгаясь в систему хранения метаданных и незаконно получая эти данные, его действия квалифицируются как незаконное получение данных из информационной системы. Если он изменяет, удаляет или разрушает метаданные, нарушая нормальную работу системы, то такие действия должны квалифицироваться как разрушение компьютерной информации.

Таким образом, квалификация незаконного получения метаданных должна быть основана на криминальных преступлениях в отношении данных (незаконное получение данных) или традиционных компьютерных преступлениях (разрушение компьютерной информации). Кроме того, разрушение метаданных может повлиять на стоимость NFT, что приведет к утрате его ценности и превращению в «пустое» право, что также нарушает имущественные права на NFT. Поэтому действия по разрушению метаданных должны квалифицироваться как разрушение компьютерной информации и уничтожение имущества.

Незаконное приобретение идентификации токена нарушает имущественные права на NFT, поэтому должно регулироваться через нормы, касающиеся имущественных преступлений. Незаконное получение ключа для контроля над NFT не позволяет требовать физического перемещения NFT, как в случае с другими вещами. Когда субъект получает ключ, он фактически обретает возможность контролировать и распоряжаться NFT, что нарушает статус владельца. Использование смарт-контрактов для перевода NFT на собственный или чужой аккаунт нарушает владение владельца и устанавливает новое владение этим NFT. Таким образом, незаконное приобретение идентификатора токена является преступлением, связанным с получением имущества. Хотя при получении ключа и вмешательстве в смарт-контракты могут иметь место действия, связанные с незаконным получением данных компьютерной системы или разрушением компьютерных систем, эти действия являются лишь средствами для получения контроля над NFT, и настоящим объектом преступления является имущественное право на цифровые активы NFT в отличие от компьютерных преступлений или узкоспециальных преступлений, связанных с данными. Конкретное преступление, к которому следует отнести незаконное приобретение идентификатора токена, зависит от наличия насильственных элементов в действиях. Если ключ получен мирным путем или смарт-контракт изменен без насилия, это квалифицируется как кража; если ключ был передан под угрозой насилия или принуждения, — как грабеж; если преступник выдумал факты, скрывал

правду или обманом использовал NFT для инвестирования, следует квалифицировать это как мошенничество.

Незаконное приобретение цифровых активов NFT может одновременно нарушать связанные с NFT сопутствующие правомерные интересы. Например, если NFT отображает цифровую картину, незаконное получение метаданных NFT с последующим созданием нового NFT для распространения с целью извлечения прибыли или незначительные изменения с целью выдать произведение за собственное могут быть расценены как нарушение авторских прав. Незаконное получение NFT, отображающего личную информацию или содержащего личное изображение, и его использование, уничтожение или искажение могут привести к ответственности за нарушение закона о защите личной информации или оскорбление. Эти преступления, нарушающие сопутствующие правомерные интересы, требуют конкретного анализа в зависимости от области, с которой связан NFT, а затем применения теории совокупности преступлений для определения окончательной квалификации.

Заключение

Цифровые активы NFT обладают уникальной структурой и характеристиками, которые отличают их от других цифровых активов, что влечет за собой особые уголовные риски и включает в себя многообразие уголовно-правовых интересов. Уголовное право должно активно защищать права на цифровые активы NFT, открывая широкий взгляд на интересы, требующие защиты, и избегая упущений в оценке правовых интересов. Важно регулировать незаконное приобретение NFT как связанное с компьютерной преступностью, узкоспециальными, имущественными преступлениями и другими преступлениями, связанными с правомерными интересами, чтобы обеспечить соответствующую уголовно-правовую защиту безопасности цифровых активов NFT. В эпоху цифровой экономики уголовное право как отрасль права, обеспечивающая социальную безопасность, должно адаптироваться к развитию общества и отвечать потребностям управления цифровым обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ван Лэй. Доктрина о требованиях к виртуальной сетевой собственности, также о системном местоположении виртуальной сетевой собственности в Гражданском кодексе Китая // Журнал о форуме Цзяньхань. 2017. № 1.
- Ван Чань, Ян Хуэйсюй. Частноправовые проблемы и пути их решения в связи со смарт-контрактами // Исследование социальных наук провинции Юньнань. 2019. № 4.
- Ву Е. О частноправовой конструкции смарт-контрактов // Юрист. 2020. № 2.
- Ву Икай, Ли Гоань, Ван Цзяньсюань. Финансовые свойства NFT и практика их судебного признания // Вестник Гуандунского университета финансов и экономики. 2023. № 3.
- Гэ Вэйцзюнь, Фан И. Правовая природа и внутренние риски криптовалютных цифровых коллекций на основе смарт-контрактов блокчейна // Вестник Шанхайского университета (социальные науки). 2023. № 2.
- Се Бо, Хань Цзилун. Исследование механизма возникновения и путей расследования преступлений отмывания денег с использованием NFT // Вестник Китайского народного университета общественной безопасности (социальные науки). 2023. № 5.
- Сы Сяо. Право собственности на цифровые активы на основе блокчейна // Исследования и дискуссии. 2021. № 12.
- Тао Цянь. О правовом смысле торговой сделки в отношении NFT — цифровых произведений // Восточное правоведение. 2022. № 2.
- Чжао Лэсюань. Что такое NFT, которые некогда были на пике популярности? // Народная почта и телекоммуникации. 27.08.2021.
- Ши Вэнь. Уголовно-правовая защита безопасности цифровых активов NFT // Исследование социальных наук провинции Цзянси. 2024. № 5.
- Ян Дун, Лэлэ. Уголовно-правовая защита цифровых активов в метавселенной // Журнал Института национальных прокуроров. 2022. № 6.

REFERENCES

- Ge Weijun, Fan Yi. The legal nature and internal risks of crypto digital collections under blockchain smart contracts). *Journal of Shanghai University (Social Sciences Edition)*. 2023;2:24. (In Chinese).
- Shi Wen. Criminal law protection of digital asset security NFT. *Social Sciences Research of Qianxi Province*. 2024;5:194. (In Chinese).
- Si Xiao. Ownership of blockchain-based digital assets. *Research and discussion*. 2021;12:79-80. (In Chinese).
- Tao Qian. On the legal meaning of non-homogeneous token trading in digital works. *Oriental Law*. 2022;2:71. (In Chinese).
- Wang Chen, Yang Hui Xu. The Private law challenges and responses to smart contracts. *Yunnan Social Science*. 2019;4. (In Chinese).
- Wang Lei. The insistence of the claim of network virtual property rights, and the position of network virtual property in the system of China's civil code. *Jiangnan Forum*. 2017;1. (In Chinese).
- Wu Yikai, Li Guoan, Wang Jian Xuan. Research on financial characteristics and judicial precedents of non-fungible tokens. *Journal of Guangdong University of Finance & Economics*. 2023;38(3):103. (In Chinese).
- Wu Ye. On the private law construction of smart contracts. *Yurist*. 2020;2. (In Chinese).
- Xie Bo, Han Keelung. Investigation of the mechanism of occurrence and ways of investigating money laundering crimes through NFT. *Journal of Chinese People's Public Security University (Social Sciences Edition)*. 2023;5:22. (In Chinese).
- Yang Dong, Lele. Criminal and legal protection of digital assets in the metaverse. *Journal of National Prosecutors College*. 2022;6:23-24. (In Chinese).
- Zhao Lexuan. What are NFTs, which were once at the peak of popularity? *National Post and Telecommunications*. August 27, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юйцуй Дин, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора юридического института Хэйлунцзянского университета
д. 74, Сюефу ул., г. Харбин 150080, Китайская Народная Республика
dingyucui@hlju.edu.cn

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yucui Ding, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director, Law Institute, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China
dingyucui@hlju.edu.cn

Материал поступил в редакцию 3 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 января 2025 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 03.08.2024.

Revised 14.01.2025.

Accepted 15.01.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.066-080

А. А. Иванова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Штраф как вид и мера наказания за безусловные преступления коррупционной направленности

Резюме. Исследуется штраф как вид уголовного наказания и мера уголовно-правового характера в отношении коррупционных практик. Безусловные преступления образуют «ядровую» коррупционную преступность, которая представляется первостепенным объектом государственной антикоррупционной политики. Краткий исторический экскурс в современное уголовное законодательство РФ и анализ внесенных в него изменений, связанных с введением новых видов штрафа — кратного и судебного, позволили выявить основные тенденции антикоррупционной политики. Кратный штраф вполне соответствует ее духу и целям, поэтому может рассматриваться в качестве индикатора ее дальнейшего развития. Представлены и наглядно продемонстрированы результаты исследования материалов судебной практики в части применения разных видов штрафа за безусловные преступления коррупционной направленности за период 2019–2023 гг., итоги опроса осужденных респондентов и судей в ходе криминологического исследования, проведенного автором в 2018–2020 гг. в составе межрегионального научного коллектива. Показано, что правовые нормы, регламентирующие вид, способ исчисления и размер штрафа, являются достаточно гибкими. Выявлены пробелы в законодательстве, связанные с видами наказаний и способами определения их размеров в санкциях анализируемых статей, с различными видами штрафа и вариантами его исчисления, с отсутствием четких критериев замены штрафа иными видами наказания. Показаны сложности при назначении штрафа правоприменителем. Продemonстрировано отсутствие единообразия в судебной практике, не позволяющее в полной мере достичь целей штрафа. Сделан вывод о недостаточной эффективности и превентивной функции штрафа. Аргументированы предложения, направленные на устранение пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: коррупционная преступность; антикоррупционная политика; безусловные преступления коррупционной направленности; вид и мера наказания; кратный штраф; судебный штраф; цели штрафа; способы исчисления штрафа; возмещение ущерба; эффективность штрафа

Для цитирования: Иванова А. А. Штраф как вид и мера наказания за безусловные преступления коррупционной направленности. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 66–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.066-080

A Fine as a Type and Measure of Punishment for Unconditional Crimes of Corruption

Anna A. Ivanova

National Research University
Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The paper examines a fine as a type of criminal punishment and a measure of a criminal legal nature in relation to corrupt practices. Unconditional crimes form a «core» corruption crime, which is considered to be the primary object of the state anti-corruption policy. A brief historical insight and analysis of changes in the modern criminal legislation of the Russian Federation related to the introduction of new types of fines — multiple and court, allowed us to identify the main trends in anti-corruption policy. A multiple fine is fully consistent with its spirit and goals, therefore it can be considered as an indicator of its further development. The paper presents and

© Иванова А. А., 2025

vividly demonstrates the results of a study of judicial practice regarding the application of various types of fines for unconditional corruption crimes for the period 2019–2023, the results of a survey of convicted respondents and judges during a criminological study conducted by the author as part of an interregional research team in 2018–2020. It is shown that the legal norms governing the type, method of calculation and the amount of the fine are quite flexible. Gaps in legislation have been identified related to the types of punishments and ways to determine their amounts in the sanctions of the analyzed articles, with various types of fines and options for calculating them, and with the lack of clear criteria for replacing fines with other types of punishment. The difficulties in imposing a fine by a law enforcement officer are shown. The lack of uniformity in judicial practice has been demonstrated, which does not fully achieve the objectives of the fine. The conclusion is made about the insufficient effectiveness and preventive function of the fine. The proposals aimed at eliminating gaps in legislation are substantiated.

Keywords: corruption; anti-corruption policy; unconditional crimes of corruption; type and measure of punishment; multiple fine; court fine; purposes of the fine; methods of calculating the fine; compensation for damage; effectiveness of the fine

Cite as: Ivanova AA. A Fine as a Type and Measure of Punishment for Unconditional Crimes of Corruption. *Lex russica*. 2025;78(2):66-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.066-080

Введение

Системное и многоликое социально-правовое явление коррупции поразило буквально все без исключения сферы жизнедеятельности, дискриминируя важнейшие интересы граждан, общества, государства.

Не утратило актуальности положение п. 1 Национальной стратегии противодействия коррупции¹, рассматривающей ее в качестве одной из «угроз безопасности Российской Федерации». Подтверждением служит, в частности, рост числа обвинительных приговоров за преступления коррупционной направленности в 2023 г. на 7,3 % по сравнению с предыдущим годом². Более того, в 2022 г. замглавы управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры РФ А. Юсуфовым отмечен рост количества преступлений коррупционной направленности,

связанных с организацией преступного сообщества, в 1,5 раза по сравнению с предыдущим годом³, что свидетельствует об их растущей общественной опасности.

Особая угроза исходит от деяний ставших коррупционерами лиц, которые в силу замещаемой ими должности призваны охранять права и законные интересы граждан. Средства массовой информации содержат множество примеров осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности сотрудников правоохранительных органов⁴.

Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности⁵ включает более 70 составов таких деяний, содержащихся в различных главах УК РФ. Среди них безусловные преступления (п. 2 Перечня), отнесенные к перечню без каких-либо дополнительных условий, поскольку их коррупционная составляющая не вызывает сомнений. Перечнем № 23 охвачены

¹ Утверждена Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.

² О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 г. // URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 22.07.2024).

³ Резанова-Яцкевич Е. Генпрокуратура: за год в России уволили свыше 500 чиновников за утрату доверия // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/04/06/20152327.shtml> (дата обращения: 22.07.2024).

⁴ Бывшего борца с коррупцией осудили за взятку в Краснодарском крае // URL: <https://svpressa.ru/society/news/428272/>; В Москве осудили за коррупцию экс-сотрудников ОВД и руководителя фирмы // URL: <https://www.msk.kp.ru/online/news/5517861/>; За год 336 лиц с особым правовым статусом попались на коррупции: от депутатов до прокуроров // URL: https://zasudili.ru/news/za-god-336-lits-s-osobym-pravovym-statusom-popalis-na-korrupsii_-ot-deputatov-do-prokurorov/ (дата обращения: 04.09.2024).

⁵ Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-Rossii-n-3511-mvd-Rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupsionnoi/> (дата обращения: 22.07.2024).

также условные преступления (п. 3) и способствующие «совершению преступлений коррупционной направленности» (п. 4).

Безусловные преступления предстают как ядро коррупционной преступности, образуют «ядровую» коррупционную преступность, которая представляется первостепенным объектом государственной антикоррупционной политики и антикоррупционного противодействия.

В последние десятилетия антикоррупционная политика претерпевает значительные изменения в связи с меняющимися общественными отношениями в экономической, социальной, политической и других сферах.

Эти изменения нашли отражение в современном уголовном законодательстве РФ, затронули такой вид уголовного наказания, как штраф.

Основная часть

Прежде всего обратимся к проблемам терминологической лексики — к понятиям «вид» и «мера» наказания.

В доктрине, законодательстве и судебной практике отсутствует унифицированное представление об анализируемых терминах. На это, в частности, указывает Л. Р. Сафин, отмечая, что «вид и мера наказания — не однопорядковые категории. Второй термин обозначает конкретное наказание (его вид, срок и размер), назначенное судом виновному в совершении преступления. Таким образом, мера наказания означает не только качественную характеристику (то есть вид наказания), но и количественное его измерение»⁶. Далее он рассуждает о возможности совпадения этих понятий в случаях абсолютной определенности наказания или отсутствия его срока либо размера.

Применительно к наказаниям законодатель использует термин «вид» (ст. 44 УК РФ), то есть штраф предстает как вид в системе наказаний. Это вполне соответствует словарному объяснению термина «вид» как подчиненного понятия, входящего в состав другого, высшего — рода⁷. Вид предстает как единица классификации, от-

личающаяся многофункциональностью и особыми характеристиками. В то же время его составляющие обладают одинаковыми признаками. Представляется, что в качестве таких составляющих можно рассматривать способы исчисления штрафа, которые объединяются и отражаются в его сущности — денежном взыскании.

Словарное объяснение термина «мера» — единица измерения чего-либо; то, что служит основанием для оценки, измерения или сравнения; критерий; мерило⁸. Этот термин уместен к употреблению в отношении размера штрафа, предела санкции.

Кроме того, применительно к штрафу уместно говорить о мере государственного принуждения.

Поэтому термины «вид» и «мера» по отношению к штрафу не являются однопорядковыми, синонимичными, взаимозаменяемыми, а предстают как дополняющие друг друга, в совокупности позволяющие осмыслить и раскрыть сущностные особенности штрафа.

Следует отметить в качестве краткого исторического экскурса, что штраф за преступления коррупционной направленности впервые появился в УК РФ 1996 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в санкциях статей гл. III «Должностные (служебные) преступления» за составы, образующие взяточничество, предусматривал лишение свободы на определенный срок, а при отягчающих обстоятельствах — более строгое наказание, вплоть до расстрела с конфискацией имущества. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в санкциях статей гл. 7 «Должностные преступления» за аналогичные составы содержал срочное лишение свободы, а также конфискацию имущества. Уголовный кодекс РФ 1996 г. в санкциях статей за составы, образующие взяточничество, в первую очередь предусматривает штраф, а затем и иные виды наказания. Относительно такого вида, как лишение свободы, укажем, что срок соизмерим с содержащимися в предыдущих кодексах мерами, тем самым отмечаем наличие разумно необходимой преемственности. При этом выявлена тенденция смягчения наказания за взяточничество⁹.

⁶ Сафин Л. Р. Наказание в УК РФ или российской уголовно-правовой доктрине: понятие, система и классификация // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 164. Кн. 4. С. 103.

⁷ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М. : ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1. С. 288.

⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 2. С. 184, 186.

⁹ Бурлаков В. Н., Пряхина Н. И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 86.

Возвращаясь к изменениям в современном антикоррупционном законодательстве, обратимся к Федеральному закону от 04.05.2011 № 97-ФЗ¹⁰, установившему новый вид штрафа, размер которого кратен величине взятки или подкупа.

Сущностным признаком коррупционных деяний предстает подкуп-продажность, основным мотивом — корысть. Поэтому такой вид штрафа целенаправленно лишает субъектов коррупционной сделки полученных на ее основе выгод и преимуществ. Подобное ограничение материальных прав осужденных вполне соответствует политике противодействия коррупции. Кратный штраф отчасти призван заменить конфискацию имущества. Примером может послужить кассационное представление, в котором отражено несогласие с решением суда кассационной инстанции об исключении дополнительного наказания в виде штрафа¹¹, следствием которого стало неправомерное обогащение А. С. Зорко, поскольку в его распоряжении осталось полученное преступным путем имущество.

Так, кратный штраф стал ярким индикатором дальнейшего развития антикоррупционной политики, направленной, в частности, на превен-

цию коррупционных практик, в том числе путем создания условий их невыгодности.

Кратный штраф предусмотрен законодателем в санкциях шести из 14 статей за безусловные преступления коррупционной направленности (ст. 200.5, 204, 204.1, 290, 291, 291.1).

Так, санкция ч. 1 ст. 200.5 УК РФ предусматривает наложение штрафа в размере до 10-кратной суммы подкупа, при этом минимальная кратность не установлена.

С увеличением степени общественной опасности (например, совершенные группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, особо крупном размере, сопряженные с вымогательством), при дополнении состава квалифицирующими признаками размер (кратность) штрафа также увеличивается и достигает 50-кратной суммы подкупа (при этом указание на минимальную кратность отсутствует). Статья содержит указание на крупный и особо крупный размер подкупа. Таким образом, нетрудно определить максимальный размер штрафа, оказывающийся весомым.

Результаты проведенного анализа данных судебной статистики по делам коррупционной направленности¹² за период 2019–2023 гг. представлены в табл. 1–5 и на рис. 1.

Таблица 1

Штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности в 2019 г.

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	0	0	0	0
ст. 200.5 (не отражена в статистике)	—	—	—	—	—
ст. 201.1	1	0	0	1	100
ст. 204	389	57	14,65	24	6,17
ст. 204.1	21	6	28,57	0	0
ст. 204.2	286	8	2,8	0	0
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	0	0	0	0	0

¹⁰ Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113656/ (дата обращения: 22.07.2024).

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.06.2023 № 127-УДп23-6-К4 // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/shtraf_zh_korrupciyu/ (дата обращения: 22.07.2024).

¹² Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 22.07.2024).

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	16	2	12,5	0	0
ст. 290	2 697	305	11,31	403	14,94
ст. 291	1 742	819	47,01	169	9,7
ст. 291.1	418	87	20,81	57	13,64
ст. 291.2	2 677	1 560	58,27	0	0
Итого:	8 247	2 844	34,49	654	7,93

Таблица 2

**Штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности
в 2020 г.**

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	0	0	0	0
ст. 200.5	13	1	7,7	0	0
ст. 201.1	1	0	0	0	0
ст. 204	423	59	13,95	27	6,38
ст. 204.1	64	3	4,69	0	0
ст. 204.2	27	7	25,93	0	0
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	0	0	0	0	0
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	9	1	11,11	0	0
ст. 290	2 325	239	10,28	293	12,6
ст. 291	1 508	708	46,95	127	8,42
ст. 291.1	463	69	14,9	38	8,2
ст. 291.2	2 220	1 365	61,49	0	0
Итого:	7 053	2 452	34,76	485	6,88

Таблица 3

**Штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности
в 2021 г.**

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	0	0	0	0
ст. 200.5	14	2	14,29	2	14,29
ст. 201.1	2	1	50	1	50
ст. 204	527	74	14,04	28	5,31
ст. 204.1	36	14	38,89	2	5,56
ст. 204.2	98	13	13,26	0	0

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	1	0	0	0	0
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	9	2	22,22	1	11,11
ст. 290	2 452	262	10,68	303	12,36
ст. 291	2 089	985	47,15	152	7,28
ст. 291.1	538	82	15,24	49	9,11
ст. 291.2	2 981	1 810	60,72	0	0
Итого:	8 747	3 245	37,1	538	6,15

Таблица 4

**Штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности
в 2022 г.**

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	7	7	100	0	0
ст. 200.5	9	1	11,11	2	22,22
ст. 201.1	4	0	0	2	50
ст. 204	634	91	14,35	38	5,99
ст. 204.1	26	4		6	
ст. 204.2	91	12		0	0
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	1	0	0	0	0
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	8	2	25	1	12,5
ст. 290	3 491	272	7,79	407	11,66
ст. 291	2 419	1 131	46,75	207	8,56
ст. 291.1	681	124	18,21	76	11,16
ст. 291.2	4 232	2 162	51,09	0	0
Итого:	11 603	3 806	32,8	739	6,37

Таблица 5

**Штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности
в 2023 г.**

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	0	0	0	0
ст. 200.5	16	3	18,75	2	12,5
ст. 201.1 (не отражена в статистике)	—	—	—	—	—
ст. 204	1 042	179	17,18	68	6,53
ст. 204.1	30	14		2	
ст. 204.2	139	24		0	0

Статья УК РФ	Всего обвинительных приговоров	Штраф как вид наказания			
		основной		дополнительный	
		всего	%	всего	%
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	0	0	0	0	0
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	5	1	20	0	0
ст. 290	4 754	335	7,05	527	11,08
ст. 291	2 461	1 071	43,52	214	8,7
ст. 291.1	927	132	14,24	83	8,95
ст. 291.2	3 879	2 099	54,11	0	0
Итого:	13 253	3 858	29,11	896	6,76

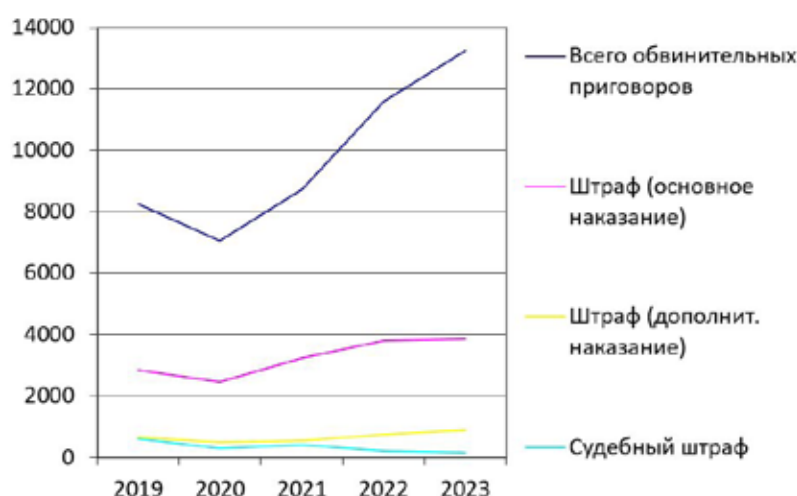

Рис. 1. Количество обвинительных приговоров и штраф за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности за период 2019–2023 гг.

Число обвинительных приговоров за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности в 2023 г. выросло по сравнению с 2019 г. на 60,7 % и достигло 13 253 (в 2019 г. — 8 247). Назначение штрафа как основного вида наказания достигло максимального уровня в 37,1 % среди всех видов наказания в 2021 г. и снизилось к 2023 г. до 29,11 % (возможно, такое снижение отчасти связано с трудностями его исполнения). При этом принятие судом решения о назначении штрафа по разным статьям УК РФ значительно различается. По статье 291.2 УК РФ штраф фигурировал в половине и больше обвинительных приговоров (максимум 61,49 % в 2020 г.); по ст. 291 УК РФ — почти в половине обвинительных приговоров

(максимум 47,15 % в 2021 г.). Штраф как дополнительный вид наказания за указанный период назначался на уровне 7 % всех обвинительных приговоров (максимум 7,93 % в 2019 г.). Применение его по разным статьям УК РФ также отличается неравномерностью, в основном больше по ст. 290 и ст. 291.1 УК РФ — в каждом 9-м и 11-м обвинительном приговоре.

Другим изменением современного законодательства стало введение Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ¹³ еще одного вида штрафа — судебного. Определены следующие основания с применением судебного штрафа как меры уголовно-правового характера (ст. 76.2 УК РФ): 1) преступление небольшой или средней тяжести совершено лицом впер-

¹³ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (дата обращения: 22.07.2024).

вые; 2) ущерб возмещен (или иным образом заглажен причиненный преступлением вред).

Статья 104.5 УК РФ устанавливает порядок определения размера судебного штрафа (не более половины максимального размера штрафа соответствующей статьи Особенной части УК РФ или — при отсутствии таковой меры — 250 тыс. руб.). Представляется, что этот вид

штрафа призван стать эффективной превентивной мерой в отношении анализируемых деяний.

К сожалению, анализ судебной практики пока свидетельствует об обратном. Данные о применении судебного штрафа за совершение безусловных преступлений коррупционной направленности за период 2019–2023 гг. представлены в табл. 6 и на рис. 1.

Таблица 6

**Судебный штраф за совершение безусловных преступлений
коррупционной направленности за период 2019–2023 гг.**

Статья УК РФ	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
ст. 141.1	0	0	0	0	0
ст. 184	0	0	0	0	0
ст. 200.5	—	1	2	0	0
ст. 201.1	0	0	0	0	—
ст. 204	28	40	12	1	7
ст. 204.1	6	7	0	3	1
ст. 204.2	10	19	3	1	3
п. «а» ч. 2 ст. 226.1	0	0	0	0	0
п. «б» ч. 2 ст. 229.1	0	0	0	0	0
ст. 289	2	5	2	0	1
ст. 290	16	19	5	2	3
ст. 291	80	142	62	49	47
ст. 291.1	17	1	6	3	0
ст. 291.2	437	64	306	166	93
Итого:	596	298	398	225	155

В основном судебный штраф применялся по ст. 291 и 291.2 УК РФ. В целом очевидна отрицательная тенденция, в 2023 г. суды задействовали эту меру почти в четыре раза реже, чем в 2019 г.

В доктрине есть и иная точка зрения на применение судебного штрафа в отношении коррупционных деяний. К примеру, Д. С. Кравченко предлагает полный запрет применения данной меры к коррупционерам, аргументируя, во-первых, отмеченным снисходительным отношением судей к виновным в коррупционных практиках лицам, во-вторых, общественной опасностью коррупционных деяний в целом¹⁴. Разделяя мнение автора о коррупционной угрозе в целом и недопустимости снисхождения к коррупционерам в частности, считаем вполне

оправданным примененный законодателем системный подход при введении судебного штрафа не только в уголовное и уголовно-процессуальное право, но также в гражданское и административное. Поэтому искусственно исключать его из сферы коррупционных отношений ненаучно, ошибочно и нецелесообразно. Сферы других охраняемых законом интересов (не только «околокоррупционные») не менее значимы, поэтому абсолютизировать какие-либо из них не следует. Возникающие на практике процессуальные особенности применения судебного штрафа отчасти компенсируются разъяснениями высших судов. Так, Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2

¹⁴ Кравченко Д. С. К вопросу о целесообразности применения судебного штрафа по делам о преступлениях коррупционной направленности // Вестник магистратуры. 2022. № 3-1 (126). С. 39.

УК РФ)¹⁵ в целом отметил востребованность института судебного штрафа в практике правоприменения.

Поэтому потенциал судебного штрафа как уголовно-правовой меры в отношении анализируемых деяний в настоящее время не раскрыт, и на практике еще предстоит дальнейшее повышение его эффективности.

Таким образом, законодательные изменения в части введения кратного и судебного штрафов вызвали смещение направленности вектора санкций норм Особенной части УК РФ, регулирующих безусловные преступления коррупционной направленности, в экономическую сторону. При этом именно кратный штраф призван оказать прицельное точечное воздействие на «ядровую составляющую» коррупционной преступности, общественная опасность которой выше по сравнению с «околокоррупционными», то есть связанными с преступлениями коррупционной направленности, деяниями.

По существу, штраф является наказанием в виде денежного взыскания, поэтому исполнение его в том числе пополняет государственный бюджет.

В 2012 г. из назначенных за преступления коррупционной направленности штрафов было взыскано лишь 7,75 %; в 2013 г. — 7,2 %¹⁶. В 2018 г., по данным главного судебного пристава РФ Д. Аристова, всего взыскано 20 % уголовных штрафов, причем им же отмечается, что наиболее сложно взыскать кратные штрафы за преступления коррупционной направленности¹⁷. В 2020 г., по сведениям ФССП, сумма долга по штрафам лиц, осужденных за коррупцию, составила 31 млрд руб.¹⁸

В 2023 г. судебные приставы взыскали с коррупционеров штрафов на сумму 1,6 млрд руб., что на 40 % больше, чем в 2022 г.¹⁹

Таким образом, за период более 10 лет со времени введения кратного штрафа в УК РФ взыскание штрафов за преступления коррупционной направленности стало, по мнению А. Юсуфова, «самым результативным направлением деятельности»²⁰ Федеральной службы судебных приставов.

Следовательно, в плане пополнения госбюджета функция штрафа выполняется недостаточно. Одна из основных причин этого — реальность исполнения наказания в виде штрафа. В большей степени это относится к кратному штрафу, размеры которого могут достигать 500 млн руб.

В случае отсутствия у лица достаточных средств для оплаты штрафа законодателем предусмотрена замена этого вида наказания другими. К примеру, неисполнение санкций ст. 200.1, 204, 290, 291, 291.1 УК РФ влечет лишение свободы. При этом, по мнению А. В. Крошкина и А. А. Горшенина, возникают замкнутый круг и парадокс²¹. Действительно, нацеленность законодателя на применение экономических мер по сравнению с императивными ослабевает, когда неуплата штрафа влечет лишение свободы. Как следствие, вместо ожидаемых поступлений в бюджет — дополнительные расходы на содержание осужденного.

В случае неисполнения анализируемого вида наказания суду предстоит установить факт уклонения (или его отсутствие) и выяснить, является ли невыплата следствием злостного уклонения или действия вновь сложившихся объективных факторов. Правовая позиция Вер-

¹⁵ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089/ (дата обращения: 22.07.2024).

¹⁶ Лобанова Л. В., Погосян А. Р. Проблемы обеспечения уплаты штрафа, назначенного за преступления, предусмотренные ст. 290–291.1 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 4. С. 39.

¹⁷ Осужденные российские коррупционеры накопили долги по штрафам на 32 млрд рублей // URL: <https://anticorr.media/osuzhdennye-rossijskie-korruptcionery-nakopili-dolgi-po-shtrafam-na-32-mlrd-rublej/> (дата обращения: 22.07.2024).

¹⁸ Взяточники в долгах: бюджет не досчитался 30 млрд штрафов по коррупционным преступлениям // URL: <https://pasm.ru/archive/296755/> (дата обращения: 22.07.2024).

¹⁹ С осужденных коррупционеров в 2023 г. взыскали 1,6 млрд рублей // URL: <https://tass.ru/proisshествiya/19496713> (дата обращения: 22.07.2024).

²⁰ Резанова-Яцкевич Е. Указ. соч.

²¹ Крошкин А. В., Горшенин А. А. О проблемах исполнения «кратного» штрафа // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 217.

ховного Суда РФ по этому вопросу содержится в постановлении Пленума от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»²², согласно которому замена штрафа (как основного наказания) иным видом наказания предваряется судебной проверкой причин неуплаты штрафа, при этом к уважительным могут быть отнесены вновь появившиеся объективные обстоятельства (потеря дееспособности, имущества и др.). Например, суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции о замене штрафа на том основании, что доводы осужденного о возникших уважительных причинах неуплаты не были проверены надлежащим образом²³.

Злостное же уклонение сопровождается избеганием уплаты штрафа при имеющейся у осужденного достаточной имущественной базе (к примеру, скрывает имущество, отказывается от трудоустройства).

Штраф как вид уголовного наказания преследует определенные цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Так, первостепенной целью предстает «восстановление социальной справедливости». В случае, когда осужденный нарушает порядок и условия отбывания наказания (например, не соблюдает сроки и размер уплаты штрафа в рассрочку), отмечается низкая степень восстановления социальной справедливости²⁴. Если же осужденный злостно уклоняется от уплаты штрафа, то о восстановлении социальной справедливости речь не идет (ее степень нулевая).

В доктрине недостаточная эффективность штрафа объясняется, в частности, отсутствием гибкости законодательной нормы²⁵. С подобным утверждением сложно согласиться, поскольку в отношении безусловных преступлений коррупционной направленности законодатель предоставил правоприменителю возможность выбора способа исчисления суммы денежного взыскания: 1) определенный в санкции статьи размер варьируется от минимального до максимального; 2) размер штрафа

зависит от заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период (по усмотрению правоприменителя); 3) размер штрафа зависит от суммы коммерческого подкупа или взятки, причем санкция статьи содержит указание на большой разброс кратности или предписание минимальной кратности вообще отсутствует.

Кроме того, при наличии достаточных оснований суды обращаются к ст. 64 УК РФ и назначают более мягкое наказание, чем содержащееся в санкции конкретной статьи. Назначение штрафа ниже низшего предела по санкциям составов коррупционной направленности за период 2019–2023 гг. представлено на рис. 2.

Отмечена константа на уровне 170 случаев в 2020–2022 гг. Наглядно продемонстрирован рост применения судами ст. 64 УК РФ, составивший 30,63 % в 2023 г. по сравнению с 2019 г. и достигший 290 случаев (в 2019 г. — 222).

Таким образом, регламентирующие вид, способ исчисления и размер штрафа нормы представляются достаточно гибкими. Поэтому у нас не находит поддержки предложение повышения эффективности исполнения наказания в виде штрафа путем снижения минимальной кратности штрафа²⁶. В качестве аргументов можно привести следующие: 1) минимальная кратность может вообще отсутствовать в санкции статьи, и правоприменитель действует по своему усмотрению; 2) штраф — это вид уголовного наказания, применение которого имеет определенные цели. В случае снижения минимальной кратности есть вероятность их недостижения. Цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) находятся под угрозой несбыточности. К примеру, низкая кратность и, соответственно, небольшой размер штрафа едва ли поспособствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений (как этим лицом, так и иными). Наоборот, это может воспитать вседозволенность и привычку уйти от должной ответственности не только у виновного лица, но и у других субъектов. Поскольку осужденное за

²² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2.

²³ Апелляционное постановление от 10.11.2020 № 22-2809/2020 по делу № 4/10-23/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RVnbX50ABnxj/> (дата обращения: 22.07.2024).

²⁴ Орлов В. Н. Система и виды наказаний // Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. проф. А. В. Наумова. М. : Илекса, 2007. С. 223.

²⁵ Тимченко А. В. Уголовные наказания имущественного характера: проблемы назначения и исполнения // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 2. С. 69, 70.

²⁶ Лобанова Л. В., Погосян А. Р. Указ. соч. С. 44 ; Тимченко А. В. Указ. соч. С. 69.

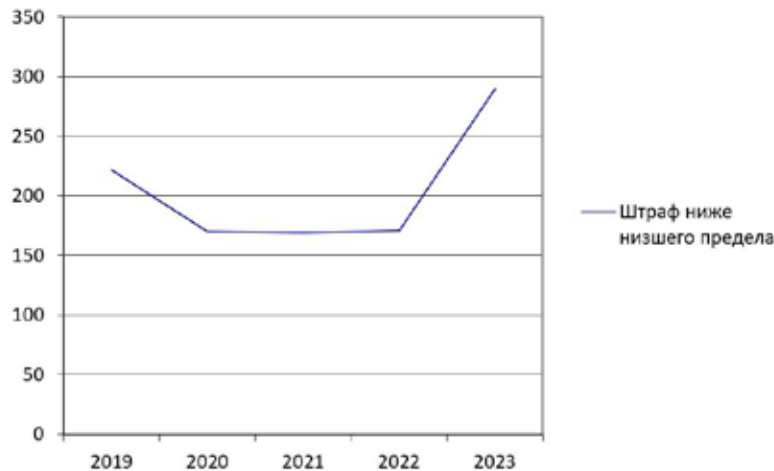

Рис. 2. Штраф ниже низшего предела по санкции (ст. 64 УК РФ) по составам коррупционной направленности за период 2019–2023 гг.

совершение преступления коррупционной направленности лицо, образно говоря, отделяется испугом и «малой кровью». В таком случае выгода от преступления превышает потери от наказания и, следовательно, цели наказания не достигнуты.

Низкую эффективность кратного штрафа отмечают В. Н. Бурлаков, Н. И. Пряхина²⁷. Такой вывод ученые обосновывают возможностью суда назначить разные штрафы за получение взятки в одинаковом размере, например по ч. 2 ст. 290 УК РФ, и, наоборот, — одинаковые штрафы за получение взятки разного размера.

На «мнимую гуманизацию» применения штрафа в отношении мелкого взяточничества сетует Н. В. Бугаевская, аргументируя равной кратностью штрафа для взяточников разного рода (мелких, средних и крупных)²⁸.

В связи с этим стоит отметить, что содержащиеся в санкциях статей фиксированные размеры штрафа вообще воспринимаются неоднозначно. Во-первых, они призваны по возможности унифицировать практику правоприменения; во-вторых, не всегда согласуются с кратными штрафами (пропорции между ними не определены); в-третьих, приходится учитывать инфляцию и периодически вносить коррективы. Поэтому представляется целесо-

образным учитывать в отечественном законодательстве опыт зарубежных стран по исчислению штрафа в дневных ставках или штрафо-днях.

К примеру, в соответствии с нормами § 40 Уголовного кодекса ФРГ²⁹ размер штрафа устанавливается в дневных ставках, при этом суд с учетом обстоятельств по делу определяет число ставок и саму величину ставки.

Еще пример: статья 131-5 Уголовного кодекса Франции³⁰ регламентирует способ определения штрафа с помощью двух критериев: ежедневного взноса и числа штрафо-дней. Они опять-таки рассчитываются судом с учетом конкретных обстоятельств, при этом имеют законодательное ограничение верхней границы.

Дальнейшее осмысление этих положений заставляет акцентировать внимание на отсутствии унификации судебной практики, что, в частности, подтверждают результаты проведенного нами исследования. Ранжирование ответов респондентов-судей на вопрос о наиболее распространенных видах наказания за преступления коррупционной направленности показало, что штраф занимает второе место в судебной практике г. Казани (после условного лишения свободы), г. Владимира и г. Сыктывкара (после реального лишения свободы), третье место в судебной практике г. Нижнего Новго-

²⁷ Бурлаков В. Н., Пряхина Н. И. Указ. соч. С. 89.

²⁸ Бугаевская Н. В. Назначение наказания за мелкое взяточничество (анализ назначения штрафа) // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12 (1–4). № 3. С. 357.

²⁹ Уголовный кодекс ФРГ (в ред. от 13.11.1998) // URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 22.07.2024).

³⁰ Уголовный кодекс Франции 1992 г. // URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 22.07.2024).

рода (после реального и условного лишения свободы).

Находясь на вершине иерархии системы уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ), штраф традиционно (и справедливо) воспринимается в качестве наиболее мягкого вида. Но в последние годы, с появлением возможности начисления кратного штрафа в десятки и сотни миллионов рублей, этот вид уголовного наказания перестает считаться таковым. Однако лишь наличие самого этого факта не подводит к выводу о необходимости снижения размера штрафа, как высказываются многие авторы (Л. В. Лобанова, А. Р. Погосян, А. В. Тимченко и др.).

В связи с этим предлагается использовать опыт более раннего уголовного законодательства. Предусмотренное Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. наказание в виде «возмещения ущерба» ввести в ст. 44 УК РФ и расположить первым в системе наказаний, то есть перед штрафом. Следовательно, в новой редакции статья 44 УК РФ предстает так: п. а) возмещение ущерба; п. б) штраф...

Это предложение уже находит соответствующий отклик в современном законодательстве. Например, как показано выше, в ст. 76.2 УК РФ возмещение ущерба является одним из императивных условий освобождения лица от уголовной ответственности.

Тем более что ущерб, причиненный преступлениями коррупционной направленности, неуклонно растет, что подтверждают статистические данные и результаты нашего исследования. По оценке Генеральной прокуратуры РФ, ущерб от преступлений коррупционной направленности в 2023 г. составил более 1 млрд руб.³¹

По результатам проведенного нами исследования, каждый восьмой осужденный респондент указал на значительный размер причиненного его преступлением ущерба — от 3 млн до 10 млн руб., каждый 12-й — от 1 млн до 3 млн руб.

Возвращаясь к проблеме неуплаты штрафа, отметим ее непосредственную связь с вопросами достижения целей наказания и необходимости учитывать это при поиске путей ее решения.

Средняя сумма долга по штрафу за преступления коррупционной направленности в 2021 г. составила почти 5 млн руб.³², а общая сумма долга осужденных коррупционеров превысила 30 млрд руб.

Низкая эффективность штрафа зачастую объясняется его трудной практической исполнимостью³³, при этом речь идет не только о его огромных размерах, но и о невысокой материальной обеспеченности осужденного.

Так, бывший губернатор Кировской области Н. Белых, осужденный по ч. 6 ст. 290 УК РФ, отбыл весь срок наказания (восемь лет), но не выплатил долг по штрафу (в качестве дополнительного наказания) (47,3 млн из присужденного в размере 48,2 млн руб.)³⁴. Видимо, в данном случае суд не учел объективные факторы, свидетельствующие о невозможности исполнения наказания, к примеру отсутствие имущества, стоимость которого была бы соизмерима с размером штрафа.

Таким образом, ситуация, когда осужденное лицо приговаривается к лишению свободы и штрафу, предстает еще более сложной с позиции исполнения наказания. И суды это понимают. Например, в отношении находящегося полгода под стражей осужденного судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ вдвое уменьшила размер штрафа с 200 тыс. руб. до 100 тыс.³⁵

Не являются исключением и случаи, когда суд, учитывая длительность нахождения лица под стражей, назначал подсудимому штраф, а затем освобождал его от отбывания наказания.

В связи с этим, кроме предложения уменьшения кратности штрафа за преступления коррупционной направленности, учеными предлагаются такие меры, как установление размера

³¹ Генпрокурор РФ оценил ущерб от коррупции в 2023 г. в 1 млрд рублей // URL: <https://dzen.ru/a/ZijxLfBkNEdYTXu> (дата обращения: 22.07.2024).

³² Долги осужденных взяточников по штрафам выросли за год на 1,3 млрд рублей // URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10941287> (дата обращения: 22.07.2024).

³³ Тимченко А. В. Указ. соч. С. 72.

³⁴ Кузнецов Е. И целой жизни мало: сколько лет будет возвращать долг 47 млн экс-губернатор Никита Белых, вышедший на свободу // URL: <https://life.ru/p/1667492> (дата обращения: 22.07.2024).

³⁵ Антонов А. П. Что будет в случае неуплаты штрафа за коррупционное преступление // URL: <https://pravo163.ru/chto-budet-v-sluchae-neuplaty-shtrafa-za-korrupcionnoe-prestuplenie/> (дата обращения: 22.07.2024).

штрафа в зависимости от суммы среднемесячного дохода осужденного, отсрочка штрафа до 10 лет, поощрение добровольной и своевременной уплаты³⁶.

По нашему мнению, все они достаточно обоснованны и заслуживают внимания законодателя.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Безусловные преступления коррупционной направленности (п. 2 Перечня № 23) предстают ядром коррупционной преступности и первостепенным объектом государственной антикоррупционной политики, изменения в которой, вызванные новыми общественными отношениями в различных сферах жизнедеятельности, отразились на ее векторной направленности в сторону экономических санкций.

2. Выявлена проблема неопределенности и многозначности специальных понятий в анализируемой сфере, решение которой способно привести к унифицированному и эффективному их применению в теории и практике назначения наказания. Так, термин «вид» по отношению к штрафу означает: 1) его принадлежность к системе наказаний; 2) единицу классификации; 3) сущностную характеристику его составляющих. «Мера» по отношению к штрафу определяется: 1) как принадлежность к системе средств государственного принуждения; 2) конкретное наказание (вид, срок и размер); 3) качественная и количественная характеристика; 4) критерий оценки, измерения, сравнения.

3. Эволюция уголовных наказаний за коррупционные преступления в российском законодательстве отражает определенную преемственность и сопровождается гуманизацией, проявлением которой стало закрепление штрафа в УК РФ 1996 г.

Изменения в современном антикоррупционном законодательстве нашли отражение в Федеральном законе от 04.05.2011 № 97-ФЗ, установившем кратный штраф — новый вид штрафа, размер которого кратен величине взятки или коммерческого подкупа.

Кратный штраф вполне соответствует духу и целям антикоррупционной политики (призван лишить полученных преступным путем выгод и

преимуществ, ограничить материальные права осужденных, отчасти заменить конфискацию имущества, сделать невыгодными коррупционные практики), поэтому может рассматриваться в качестве индикатора ее дальнейшего развития.

4. Анализ данных судебной статистики по делам коррупционной направленности за период 2019–2023 гг. показал неравномерное применение штрафа. Назначение штрафа как основного вида наказания отмечено в трети обвинительных приговоров (медианное значение 33,65 за указанный период), как дополнительного вида — в 7 % всех обвинительных приговоров.

5. Другим новшеством современного законодательства стало введение Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ еще одного вида штрафа — судебного. Отмеченная отрицательная тенденция его применения в отношении безусловных преступлений коррупционной направленности за анализируемый период свидетельствует о недостаточном раскрытии его превентивного потенциала.

6. Функция штрафа (в том числе кратного), заключающаяся в пополнении государственного бюджета, реализована не в полной мере. Одна из основных причин — сложность исполнения денежного взыскания. Предусмотренная законодателем замена штрафа как основного наказания иным должна предваряться судебной проверкой причин его неуплаты.

7. Правовые нормы, регламентирующие вид, способ исчисления и размер штрафа, представляются достаточно гибкими. Кроме того, статья 64 УК РФ позволяет назначить наказание ниже низшего предела, что практически осуществлено в отношении анализируемых деяний. Отмечен рост применения судами ст. 64 УК РФ касательно штрафа в 30,63 % в 2023 г. по сравнению с 2019 г.

8. Выявленные пробелы в законодательстве: 1) содержащийся в санкциях статей спектр видов наказаний и способов определения их размеров, в том числе различные виды штрафа и варианты его исчисления; 2) отсутствие четких критериев замены штрафа лишением свободы (имеется в виду перевод суммы штрафа в срок лишения свободы); 3) в большей степени оценочный критерий злостности уклонения от уплаты штрафа (суду не следует довольствоваться лишь нарушением срока исполнения

³⁶ Лобанова Л. В., Погосян А. Р. Указ. соч. С. 38–45 ; Крошкин А. В., Горшенин А. А. Указ. соч. С. 216–218.

наказания в виде штрафа как формальным признаком) — отчасти объясняют сложности назначения штрафа правоприменителем, его недостаточную эффективность, утрату свойства как самого мягкого уголовного наказания, отсутствие единообразия судебной практики, не позволяющие достичь целей анализируемого вида наказаний в полной мере.

9. В качестве предложений:

1) следует устранить выявленные пробелы в законодательстве: привести в соответствие различные виды штрафа и варианты его исчисления; установить пропорции между фиксиро-

ванными размерами штрафа и множителями кратного штрафа; закрепить четкие критерии замены штрафа иными видами наказания;

2) представляется целесообразным учитывать в отечественном законодательстве положительный опыт зарубежных стран по исчислению штрафа в дневных ставках или штрафо-днях;

3) ввести в ст. 44 УК РФ наказание в виде «возмещения ущерба» и расположить его первым в системе уголовных наказаний, тем более что это предложение созвучно изменениям в современном законодательстве (ст. 76.2 УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А. П. Что будет в случае неуплаты штрафа за коррупционное преступление // URL: <https://pravo163.ru/chto-budet-v-sluchae-neuplaty-shtrafa-za-korrupcionnoe-prestuplenie/> (дата обращения: 22.07.2024).

Бугаевская Н. В. Назначение наказания за мелкое взяточничество (анализ назначения штрафа) // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12 (1–4). № 3. С. 355–357.

Бурлаков В. Н., Прякина Н. И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85–95.

Кравченко Д. С. К вопросу о целесообразности применения судебного штрафа по делам о преступлениях коррупционной направленности // Вестник магистратуры. 2022. № 3-1 (126). С. 38–40.

Крошкин А. В., Горшенин А. А. О проблемах исполнения «кратного» штрафа // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 216–218.

Кузнецов Е. И целой жизни мало: сколько лет будет возвращать долг 47 млн экс-губернатор Никита Белых, вышедший на свободу // URL: <https://life.ru/p/1667492> (дата обращения: 22.07.2024).

Лобанова Л. В., Погосян А. Р. Проблемы обеспечения уплаты штрафа, назначенного за преступления, предусмотренные ст. 290–291.1 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 4. С. 38–45.

Орлов В. Н. Система и виды наказаний // Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. проф. А. В. Наумова. М. : Илекса, 2007. 1040 с.

Резанова-Яцкевич Е. Генпрокуратура: за год в России уволили свыше 500 чиновников за утрату доверия // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/04/06/20152327.shtml> (дата обращения: 22.07.2024).

Сафин Л. Р. Наказание в УК РФ и российской уголовно-правовой доктрине: понятие, система и классификация // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 164. Кн. 4. С. 99–112.

Тимченко А. В. Уголовные наказания имущественного характера: проблемы назначения и исполнения // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 2. С. 69–74.

REFERENCES

Antonov AP. What will happen in case of non-payment of a fine for a corruption crime. Available from: <https://pravo163.ru/chto-budet-v-sluchae-neuplaty-shtrafa-za-korrupcionnoe-prestuplenie/> [cited 2024 July 22]. (In Russ.).

Bugaevskaya NV. The imposition of punishment for petty bribery (analysis of the imposition of a fine). *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*. 2017;12(3):355–357. (In Russ.).

Burlakov VN, Pryakhina NI. The efficiency of punishment for bribery. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2013;1:85–95. (In Russ.).

Kravchenko DS. On the question of the expediency of applying a court fine in cases of corruption-related crimes. *Vestnik magistratury*. 2022;3-1(126):38-40. (In Russ.).

Kroshkin AV, Gorshenin AA. On the problems of executing a «multiple» fine. *Molodoy uchenyy*. 2018;16(202):216-218. (In Russ.).

Kuznetsov E. And a lifetime is not enough: How many years will ex-governor Nikita Belykh, who was released, repay the debt of 47 million? Available from: <https://life.ru/p/1667492> [cited 2024 July 22]. (In Russ.).

Lobanova LV, Pogosyan AR. Problems of ensuring payment of a fine imposed for crimes under Articles 290–291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2015;4:38-45. (In Russ.).

Orlov VN. System and types of punishments. In: Naumov AV, editor. *Modern Criminal Law. General and Special parts: A textbook*. Moscow: Ilekta Publ.; 2007. (In Russ.).

Rezanova-Yatskevich E. Prosecutor General's Office: Over 500 officials were fired in Russia for loss of trust. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/04/06/20152327.shtml> [cited 2024 July 22]. (In Russ.).

Safin LR. Punishment in the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian criminal law doctrine: Concept, system and classification. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Scientific Notes of Kazan University. The Humanities Series]*. 2022;164(4):99-112. (In Russ.).

Timchenko AV. Property-related criminal penalties: Problems of awarding and execution. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki»*. 2016;2:69-74. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» д. 25/12, Б. Печерская ул., г. Нижний Новгород 603155, Российская Федерация
ivanova-anna2004@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
ivanova-anna2004@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 8 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 04.08.2024.

Revised 08.09.2024.

Accepted 15.01.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.081-101

А. И. Цыреторов

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве

Резюме. В статье исследуется возможность определения эффективности отдельных норм (институтов) уголовного судопроизводства. Подчеркивается, что, хотя в юридической науке нет единства в вопросе наполнения категории «эффективность права» и отсутствует общепризнанная система критериев эффективности, в большинстве подходов фигурирует в той или иной форме (интерпретации) такой критерий, как частота применения, то есть количественный показатель. Отмечается, что частота применения не является универсальным, применимым ко всем ситуациям критерием эффективности из-за невозможности учета им общественных ценностей, содержащихся в правовых предписаниях. Кроме того, термины «эффективно» или «неэффективно» являются полярными утверждениями, не отражающими всю предметную область, состоящую из бесконечного множества альтернатив в рамках нечеткой логики. Обосновывается справедливость применения дихотомической пары «эффективно — неэффективно» к ситуациям, когда явление изменилось со временем. На примере института кассации посредством сравнения абсолютных, относительных показателей и анализа результатов, полученных в ходе обработки этих показателей рядом методов прикладной статистики, а также с помощью исследования характера связей между приведенными показателями, подтверждается гипотеза о возможности определения эффективности уголовно-процессуальной нормы (института) на основе количественных данных.

Ключевые слова: эффективность уголовного судопроизводства; определение эффективности уголовного судопроизводства; корреляционные связи между показателями уголовно-процессуальной деятельности; количественные показатели в уголовном судопроизводстве; анализ абсолютных и относительных показателей уголовного судопроизводства; прикладная статистика в уголовном судопроизводстве

Для цитирования: Цыреторов А. И. Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 81–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.081-101

Благодарности. Автор выражает благодарность разработчикам программы Stattech за предоставленный доступ к программному продукту.

Determining the Efficiency of Legal Impact on Real Processes and Actual Results in Criminal Proceedings

Aleksey I. Tsyretorov

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper explores the possibility of determining the efficiency of certain norms (institutions) of criminal proceedings. It is emphasized that although there is no consensus in the legal science on the issue of filling the category of «law efficiency» and there is no generally recognized system of efficiency criteria. In most approaches

© Цыреторов А. И., 2025

there is a criterion in one form or another (interpretation) such as frequency of application, that is, a quantitative indicator. It is noted that the frequency of application is not a universal criterion of efficiency applicable to all situations due to the inability to take into account the social values contained in legal regulations. In addition, the terms «efficiently» or «inefficiently» are polar statements that do not reflect the entire subject area, consisting of an infinite number of alternatives within the framework of fuzzy logic. The validity of the application of the dichotomous pair «efficient — inefficient» to situations where the phenomenon has changed over time is substantiated. Studying the Institute of cassation, comparing absolute and relative indicators and analyzing the results obtained during the processing of these indicators by a number of methods of applied statistics, as well as examining the nature of the relationships between these indicators, the hypothesis was confirmed that it is possible to determine the efficiency of a criminal procedure norm (institute) based on quantitative data.

Keywords: criminal proceedings efficiency; determining criminal proceedings efficiency; correlations between indicators of criminal procedural activity; quantitative indicators in criminal proceedings; analysis of absolute and relative indicators of criminal proceedings; applied statistics in criminal proceedings

Cite as: Tsytetorov A.I. Determining the Efficiency of Legal Impact on Real Processes and Actual Results in Criminal Proceedings. *Lex russica*. 2025;78(2):81-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.081-101

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to the developers of the Stattech program for providing access to the software product.

Введение

Категория «эффективность» является краеугольным камнем всех сфер человеческой деятельности, хотя в каждой из них она и может иметь специфическое выражение. Само слово «эффективный» является синонимом слова «действенный», то есть способный действовать, активный¹. Правовое воздействие государства на общественные отношения также может оцениваться на предмет его эффективности. При этом само понятие «право» приобретает смысл только при условии его действительности, обеспечиваемой силой принуждения. Следует признать, что действенность правовых норм может быть разной, они могут реализовываться в различном объеме. Так, Р. Алекс, давая свое определение праву, отмечает такую его черту, как «обладание определен-

ным минимумом социальной действенности или потенциальной возможности действительности»².

Необходимость достижения (повышения) эффективности правового регулирования является движущей силой законодательного процесса. Так, пожалуй, в подавляющем числе законопроектов категория «эффективность» фигурирует в той или иной вариации, содержатся указания на необходимость принятия соответствующего законопроекта с целью повышения эффективности правового регулирования. Например, в области уголовного судопроизводства можно встретить указания на то, что законопроект будет способствовать «эффективному расследованию»³, позволит лицу «эффективно защищаться»⁴, будет отвечать потребностям «эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод»⁵, уstra-

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 65 тыс. слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс ; Мир и образование, 2008. С. 732.

² Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем.: А. Лаптев, Ф. Кальшойер ; пред., сост. — В. Бергманн ; науч. ред. — Т. Яковлева. М., 2011. С. 157.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (впоследствии Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 1161 и частью первой ста-

нит препятствия к «наиболее эффективному распределению сил и средств»⁶ и др.

Понятие и детерминанты эффективности: постановка проблемы

В юридической науке нет единства как по вопросу наполнения категории «эффективность права», так и в отношении какой-либо общепризнанной системы критериев эффективности. Причиной этому, по справедливому замечанию М. В. Антонова, является существование в современном мире различных дискурсов о праве, разных исходных установок в понимании права («типы правопонимания»)⁷. Вместе с тем автором аргументируется необходимость обсуждения исследуемой проблематики в ракурсе позитивистских подходов к праву, «поскольку различные варианты непозитивизма склонны понимать природу права в свете тех ценностей, определению и защите которых должно служить право и в этом смысле перемещать дискуссию в область неправового знания»⁸.

По замечанию В. П. Беляева и Г. С. Беляевой, наиболее распространен подход, согласно которому при оценке эффективности права, правовых норм, правового регулирования главное заключается в соотношении поставленных целей и достигнутых результатов, что вполне коррелирует и с эффективностью процессуально-правового регулирования и его механизма. В приоритет, по мнению авторов, следует поставить результативность, которая выступает главным критерием эффективности процессуально-правового регулирования⁹. Данный подход созвучен с дискурсной моделью научной

рациональности, в соответствии с которой понятие рациональности представимо — в первом приближении — двухместным предикатом: X рационально в отношении Y , где X — некое действие, или определенная деятельность; Y — цель этой деятельности. Причем X — не просто деятельность, а наиболее эффективная деятельность, или, точнее, наиболее эффективный способ этой деятельности¹⁰.

Первое, что представляется в рассуждениях об эффективности какой-либо деятельности, это ее экономичность. Государство, устанавливая определенный порядок в какой-либо сфере общественных отношений, безусловно, принимает во внимание вопрос экономической возможности правового воздействия. Наглядный пример: к проектам федеральных законов прилагаются финансово-экономические обоснования, отражающие расходы федерального бюджета, которые возникнут в случае принятия закона. Очевидно, что при отсутствии необходимых ресурсов государство не сможет осуществлять эффективное правовое регулирование. При всем этом экономическая эффективность не может, по нашему мнению, ставиться в приоритет и тем более идти вразрез с фундаментальными ценностями права. Так, Т. Famulski в своей работе, отмечая отсутствие общепринятого понимания экономической эффективности в юриспруденции и экономике, обосновывает недопустимость противоречия экономической эффективности справедливости (или, в более широком смысле, нравственности) в силу того, что справедливость считается той ценностью, которая должна быть реализована законом¹¹.

Интересный подход к определению эффективности тех или иных правовых явлений пред-

тью 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (впоследствии Федеральный закон от 07.10.2022 № 382-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106966-8> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М. : Проспект, 2017. С. 26.

⁸ Эффективность правового регулирования : монография. С. 27.

⁹ Беляев В. П., Беляева Г. С. Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11. С. 31.

¹⁰ Зуев К. А., Кротков Е. А. Рациональность: дискурсный подход : монография. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 8–9.

¹¹ Famulski T. Economic Efficiency in Economic Analysis of Law // *Finanse i Prawo Finansowe*. 2017. № 3 (15). Р. 27–39. URL: https://www.researchgate.net/publication/320836125_Economic_Efficiency_in_Economic_Analysis_of_Law/stats#fullTextFileContent (дата обращения: 01.07.2024).

лагает в своей монографии М. Ю. Осипов. По его мнению, правовое явление необходимо исследовать не с позиции «цель — результат», а с несколько иной позиции, которая предполагает: а) раскрытие смысла и назначения того или иного правового явления в правовой системе общества; б) анализ функций данного правового явления в правовой системе; в) оценку значимости данных функций для общества в целом, для субъектов права; г) выявление последствий взаимодействия данного правового явления с иными правовыми явлениями; д) оценку значимости последствий взаимодействия данного правового явления с иными правовыми явлениями; е) качественно-количественную оценку последствий взаимодействия данного правового явления с иными правовыми явлениями и др.¹² При этом автор справедливо разграничивает эффективность правотворчества, эффективность регулирования и эффективность реализации¹³.

Представители отраслевых наук также не обошли вниманием вопросы эффективности права применительно к конкретным отраслям. Так, В. Т. Томин, М. П. Поляков и А. П. Попов называют эффективным уголовным процессом такой, который успешно решает задачи, для достижения которых он создан¹⁴. Эффективное уголовное судопроизводство характеризуется, по мнению приведенных ученых, следующими основными чертами:

1) в состоянии удовлетворить если не все, то по крайней мере большинство заявок на обслуживание; иными словами, эффективно прореагировать на большинство поводов к возбуждению уголовного дела;

2) в состоянии достичь цели уголовного процесса по большинству уголовных дел в стране;

3) своими результатами способно удовлетворить чувство справедливости (как общественного, так и индивидуального);

4) в конкретных ситуациях в состоянии разумно разрешить объективно существующее противоречие между интересами достижения

цели уголовного процесса и необходимостью обеспечения прав и свобод граждан, оказавшихся к нему прикосновенными;

5) уголовный процесс можно назвать эффективным лишь в том случае, если он выполняет свои задачи, затрачивая лишь те средства, которые выделены ему бюджетом;

6) уголовное судопроизводство не может быть эффективным, если его исход непосредственно зависит от финансовых и иных внесудебных возможностей стороны;

7) уголовный процесс не может быть эффективным, если установленные участвующими в нем ведомствами оценочно-учетные показатели для своих подразделений позволяют положительно оценивать их деятельность по тем делам, по которым цель уголовного процесса оказалась не достигнутой¹⁵.

Справедливым видится утверждение о том, что эффективность уголовного судопроизводства тесно связана с эффективностью регулирующих его отраслей права¹⁶, но, разумеется, не только ими детерминирована. Так, О. И. Даровских указывает, что показатель эффективности может характеризовать как систему в целом, так и какую-то ее отдельную часть. При этом, по мнению автора, следует учитывать, что при взаимозависимости указанных частей системы отсутствие эффективности какой-то части влияет или может влиять на эффективность системы в целом¹⁷.

По мнению Ю. А. Тихомирова, определение эффективности закона приводится как по собственно юридическим, так и по фактическим индикаторам. Это позволяет установить результаты деятельности органа, соотношение (влияние) принятых и реализованных правовых актов, совершенных юридических действий с плановыми и фактическими показателями деятельности органа. Ю. А. Тихомиров пишет, что нужна мера правового опосредования этих индикаторов для определения «доли правового воздействия» на их достижение, для чего требуется анализ корреляционных зависимо-

¹² Осипов М. Ю. Системы в праве и правовые процессы : монография 3-е изд. М. : РИОР : Инфра-М, 2019. С. 270.

¹³ Осипов М. Ю. Указ. соч. С. 286.

¹⁴ Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография / под ред. проф. В. Т. Томина. М. : Директ-Медиа, 2015. С. 10.

¹⁵ Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Указ. соч. С. 12–15.

¹⁶ Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Указ. соч. С. 21.

¹⁷ Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 18.

стей правовых средств между собой, а также между ними и внешней средой¹⁸. Вместе с тем в литературе можно встретить подход к определению эффективности правового регулирования, вбирающий в себя более широкий спектр критериев. Так, А. В. Полякова, В. В. Денисенко и М. А. Беляева указывают на особенность проблематизации эффективности правового регулирования, до настоящего времени слабо заметную в статьях, книгах и диссертациях, публикуемых в нашей стране, которая состоит в сближении юридического, административного (здесь — управленческого) и экономического взгляда на правовое воздействие и, соответственно, критерии его качества¹⁹.

Количественные данные как индикаторы эффективности уголовно-процессуальных норм

Среди приведенных точек зрения на критерии эффективности практически везде фигурирует в той или иной форме (интерпретации) частота их применения, то есть показатель, выраженный в количественных величинах. Хотя в литературе можно встретить и несколько иной подход. Так, существует позиция²⁰, согласно которой эффективность уголовного судопроизводства складывается из количественной (скорость судебного разбирательства) и качественной (принятие правового решения) составляющих или вообще отождествляется со скоростью уголовного судопроизводства. Разумеется, мы не являемся сторонниками так называемого юридического фетишизма²¹ и исходим из того, что закон не может быть безупречен и удовлетворять всем потребностям на всем протяжении времени его действия. Тем не менее в своей работе мы хотим сконцентрировать внимание на эффективности закона, конкретных правовых норм в отдельных промежутках времени — для нас представляют особый интерес вопросы допустимости (возможности) определения эффек-

тивности правовой нормы (института) по количественным показателям. В качестве гипотезы выдвинем предположение о том, что *является возможным определить эффективность правовой нормы (института) на основе количественных данных*. В ходе исследования мы будем обращаться как к абсолютным, так и к относительным показателям. Кроме того, будет предпринята попытка установить наличие или отсутствие корреляционных связей между этими показателями.

Прежде чем приступить к анализу количественных данных, считаем необходимым сделать некоторые разъяснения. С. Д. Хайтун определяет математику как средство абстракции, анализа и обобщения данных, отмечая, что не правы те, кто полагает, будто любой объект и любая сторона объекта поддаются какой угодно математизации²². Действительно, не всегда представляется возможным выносить суждения об эффективности или неэффективности конкретного уголовно-процессуального института, используя лишь математический инструментарий, позволяющий отразить частоту применения института, выраженную в абсолютных величинах. Так, очевидно, что в условиях снижения уровня преступности логично ожидать снижения количества примененных мер пресечения, а при обратной ситуации — ухудшении криминогенной обстановки — увеличение числа примененных мер пресечения не будет свидетельствовать о повышении их эффективности.

В отдельных случаях внедрение в законодательство какого-либо правового института, который впоследствии показал редкую применяемость, можно объяснить желанием законодателя предвосхитить потребности, возникновение которых прогнозируется в будущем, и тем, что общество еще не созрело для принятия этого института, еще не возникли объективные предпосылки для его широкого применения. В качестве примера: в 2023 г. из 94 051 удовлет-

¹⁸ Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023. С. 141.

¹⁹ Эффективность правового регулирования : монография. С. 5.

²⁰ См. более подробно: *Simović M., Šikman M.* Efficiency of Criminal Proceedings — Between Expectations and Reality // *Journal of Criminology and Criminal Law*. 2018. № 56 (3). P. 12.

²¹ Юридический фетишизм в интерпретации Ю. А. Тихомирова представляет собой приверженность идее, согласно которой именно закон должен решить любую острую проблему. См.: Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 101.

²² Хайтун С. Д. Количественный анализ социальных явлений: проблемы и перспективы. 2-е изд. М., 2005. С. 6.

воренных судами ходатайств об избрании меры пресечения²³ лишь 66, или 0,07 %, составляли ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога. Тот факт, что данная мера применяется редко, не свидетельствует о ее неэффективности и в целом нецелесообразности существования в системе мер пресечения. Мы полагаем, что ее существование увеличивает процессуальные возможности обвиняемых и в какой-то мере отражает аксиологическую значимость права. В этом вопросе следует согласиться с А. В. Поляковым, В. В. Денисенко и М. А. Беляевой, указывающими на ценностное содержание права и невозможность его учета математической теорией эффективности²⁴. В целом эту ситуацию можно сравнить с запасным колесом в автомобиле: хотя и редко кому приходится, занимая место, но лучше его иметь.

Как известно, с 1 июня 2018 г. была существенно расширена²⁵ сфера возможного применения института присяжных заседателей, что ожидаемо привело к увеличению числа рассматриваемых данным составом уголовных дел. Как видно из диаграммы (рис. 1), частота применения этого института увеличилась более чем в три раза, и наглядно прослеживается тренд²⁶ (красная линия) на увеличение, хотя можно предположить, что произошел выход на «статистическое плато», и в последующие годы частота применения этого института будет колебаться в пределах 800–1 100 (вероятностный сценарий). Закономерен вопрос: могут ли данные выкладки свидетельствовать о повышении эффективности института присяжных?

Очевидно, что институт присяжных заседателей стал более эффективным, чем был до 2018 г., в первую очередь по причине создавшейся возможности рассмотрения дел с участием присяжных заседателей в районных судах, расширения перечня подсудных составов пре-

Рис. 1. Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей

ступлений. Несмотря на то что данная категория дел по-прежнему составляет чуть более 0,1 % от всех рассмотренных по существу уголовных дел, что меньше статистической погрешности, увеличение в разы частоты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных наглядно свидетельствует о повышении эффективности этого института и всё большей гуманизации отечественного уголовного процесса, преодолении его репрессивности, хотя и не весь потенциал данного института был раскрыт.

Процесс гуманизации затронут неслучайно: любое расширение процессуальных возможностей для подозреваемых и обвиняемых — несомненное достижение. Конечно, сторонники финансовой экономии будут оценивать данный подход как неэффективный, поскольку очевидно, что привлечение присяжных для государственного бюджета — дело затратное. Здесь мы сталкиваемся с извечной проблемой — поиском баланса между правами обвиняемого и ресурсами системы и необходимостью эффективного расследования с высокой степенью точности определения вины²⁷. В этом вопросе, как мы указывали ранее, экономическая эффективность не может ставиться во главу угла, и приоритетное значение имеет расширение процессуальных гарантий подозреваемых и обвиняемых, и наоборот, взгляд на правосудие как исключительно вопрос,

²³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 01.07.2024).

²⁴ Эффективность правового регулирования : монография. С. 6.

²⁵ Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3859.

²⁶ Основная тенденция, формируемая методом аналитического выравнивания (линейного). Более подробно по данному вопросу см.: Теория статистики : учебник / под ред. проф. Г. Л. Громыко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2005. С. 305–309.

²⁷ Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее / пер. с англ. Д. А. Печегина ; под ред. М. А. Кудратова. М. : Инфотропик Медиа, 2019. С. 182.

требующий подхода в стиле «дебет-кредит», деструктивен.

Пожалуй, самые большие затруднения при определении эффективности какого-либо явления вызывает то обстоятельство, что термины праксиологии «эффективно» и «неэффективно» являются крайними утверждениями, не отражающими всю предметную область, состоящую из бесконечного множества альтернатив в рамках нечеткой логики (нечеткое множество), что приводит к упрощенному восприятию окружающей действительности. Другими словами, кроме «эффективно» и «неэффективно», воплощающих в себе утвердительный и отрицательный ответы соответственно, есть бесконечное множество промежуточных вариантов (условно: «в большинстве случаев эффективно», «в целом эффективно, за исключением редких случаев», «скорее эффективно, чем неэффективно», «неэффективно, за исключением редких случаев» и т.д.).

В свою очередь, применение дихотомической пары «эффективно — неэффективно» справедливо по отношению к ситуациям, вписывающимся в двоичную логику, в которой вся формальная система условно поделена на два поля некой разделительной линией. Применительно к праву в качестве ситуации, подходящей под эту логику, допустимо назвать практику реализации какой-либо нормы (института), испытавшей на себе в известное время изменения, которые выступают в качестве разделительной линии. Сравнивая актуальные показатели правоприменительной практики с прошлыми, можно, по нашему мнению, установить наличие или отсутствие положительных результатов законодательных изменений. Наиболее подходящим для подобного исследования мы считаем институт кассации — как претерпевший, по нашему мнению, наиболее существенные изменения. Само исследование мы полагаем целесообразным провести на двух уровнях — теоретическом и эмпирическом. Это необходимо по причине того, что, как справедливо замечает К. Хюбнер, «аргументация, не являющаяся эмпирической, может иметь только вспомогательное значение и никогда

не способна поставить точку в споре о судьбе конкретного утверждения»²⁸.

Теоретико-эмпирическое исследование результатов деятельности кассационной инстанции в контексте произошедших изменений

В ходе так называемой процессуальной реформы были приняты и вступили в силу 1 октября 2019 г. изменения²⁹, в результате которых апелляционные и кассационные инстанции выделились в отдельные суды, действующие в пределах соответствующих судебных округов. Наряду с созданием новых звеньев судебной системы была введена «сплошная кассация», «когда поданные жалобы рассматриваются судом, по существу, “автоматически”, без их предварительного отбора по каким-либо признакам, кроме формального соответствия установленным требованиям (если они поданы в надлежащем порядке)»³⁰.

Трудно переоценить значимость этих нововведений: если ранее апелляционная и кассационная жалобы и представления могли рассматриваться в стенах одного и того же суда, то в результате реформы был воплощен в жизнь принцип «один суд — одна инстанция». Теоретически создание новых экстерриториальных судов должно было способствовать укреплению независимости судебной власти и минимизировать коррупционные риски. Беремся предположить, что такая система, в которой судья рассматривает жалобу на приговор другого, территориально удаленного от первого судьи, более эффективна, то есть в большей степени обеспечивает справедливое разбирательство и исправление судебных ошибок, поскольку нивелируется так называемый человеческий фактор: первому судье психологически легче отменить решение последнего. Сплошной характер кассации, воплощая собой обязательный контроль за деятельностью судов, теоретически должен был способствовать более полной и всесторонней проверке законности приговоров и тем самым повысить качество правосудия.

²⁸ Цит. по: Зуев К. А., Кротков Е. А. Указ. соч. С. 13.

²⁹ Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

³⁰ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : авторский курс : учеб. пособие. М. : Эксмо, 2022. С. 311–312.

По справедливому замечанию Ю. А. Тихомирова, в публикациях преобладает своего рода «инструментально-статичный аспект», когда элементы права и закона рассматриваются сами по себе, без выявления причинной связи между ними и явлениями, процессами в социально-экономической и политической сферах³¹. Это упущение мы постараемся исправить и в рамках эмпирической части предпримем попытку изучить динамику изменения института и исследовать корреляционные связи между показателями правоприменительной практики в данной области.

Эмпирической базой для проверки (подтверждения или опровержения) гипотезы будут выступать статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ (сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей по годам)³². Указанные данные представляют собой генеральную совокупность, фактически весь массив интересующих нас действий правоприменителей в стране (сплошное исследование), чем обеспечивается репрезентативность выборки, распадающейся на две характеристики: гомогенность (однородность переменных, то есть сопоставимость по времени и территории) и объем выборки, определяющий статистическую достоверность результатов, а также воспроизводимость измерений³³. Дополнительно в пользу гомогенности выборки и уместности анализа статистики разных лет говорит и то, что какие-либо правовые катаклизмы, реформы в данной сфере уголовной юстиции (кроме тех, анализ которых будет осуществлен) или существенные изменения в социально-экономической сфере не происходили.

В таблице 1 содержатся статистические данные за 2014–2023 гг.: о рассмотренных первой инстанцией уголовных делах по существу с вынесением приговора; о рассмотренных кассацией делах по приговорам и иным решениям суда по существу дела; об отмененных кассацией обвинительных приговорах первой и апелляционной инстанций; об измененных кассацией обвинительных приговорах (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со

снижением наказания). Для удобства представления данных вместе с абсолютными показателями приведены относительные величины (в процентах), где за базовую точку отсчета взяты показатели 2014 г. (100 %), а показатели последующих лет приведены по отношению к этому году, — подобное преобразование значений переменных не меняет отношений между элементами одного ряда, облегчает представление и восприятие информации. Индикатор «Рассмотрено первой инстанцией дел по существу с вынесением приговора» позволяет выявить общее движение — показать в широком контексте тренд уголовной юстиции, это своего рода базовый индикатор. Показатели «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела», «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» и «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)» позволяют установить наличие или отсутствие изменений после обновления института кассации (с 2020 г.), сформировать целостную картину правоприменительной практики в исследуемой сфере. В статистику целенаправленно были включены только данные по тем уголовным делам, где по итогу произошло улучшение положения осужденного.

При сравнении показателей из представленной таблицы видно, что на фоне четко выраженного снижения количества рассмотренных судом первой инстанции уголовных дел с вынесением приговоров с 2020 г. произошло многократное увеличение количества уголовных дел, рассмотренных кассацией по приговорам и иным решениям суда по существу дела, и более чем двукратное увеличение числа измененных кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания). Таким образом, большее количество обвинительных приговоров подверглось проверке, по результатам которой большее количество приговоров было отменено или изменено в пользу осужденного, и тем самым были достигнуты

³¹ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 91.

³² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.07.2024).

³³ Хайтун С. Д. Указ. соч. С. 145.

Таблица 1

**Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ
(относительные величины приведены к уровню 2014 г.)**

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Рассмотрено первой инстанцией дел по существу с вынесением приговора	692 073 100 %	707 867 102 %	712 508 103 %	673 695 97 %	635 289 92 %	579 857 84 %	530 744 77 %	566 430 82 %	578 433 84 %	555 145 80 %
Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела	6 680 100 %	6 981 105 %	7 179 107 %	7 566 113 %	7 423 111 %	7 036 105 %	19 621 294 %	39 902 597 %	42 297 633 %	35 468 531 %
Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций	1 371 100 %	1 526 111 %	1 639 120 %	1 766 129 %	1 744 127 %	1 828 133 %	3 233 236 %	3 794 277 %	4 124 301 %	3 966 289 %
Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)	4 428 100 %	4 839 109 %	5 979 135 %	7 021 159 %	6 959 157 %	5 724 129 %	7 852 177 %	8 725 197 %	7 242 164 %	5 928 134 %

справедливость, законность и обоснованность приговоров.

Для выявления тенденций (закономерностей подъемов и падений) визуализируем имеющиеся данные посредством диаграммы с трендами (рассчитаны по скользящей средней и обозначены линиями) (рис. 2).

Анализ диаграммы подтверждает ранее сделанные выводы о тенденции увеличения числа

дел, рассмотренных кассационной инстанцией по приговорам и иным решениям суда по существу, а также увеличения числа отмененных и измененных кассацией обвинительных приговоров в период с 2020 по 2022 г. Снижение этих показателей в 2023 г. имеет рациональное объяснение³⁴. Примечательно, что на фоне роста числа дел, рассмотренных кассационной инстанцией, и увеличения числа отмененных и

³⁴ Федеральным законом от 28.06.2022 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4617) в УПК РФ были внесены правки, вступившие в силу с 26 декабря 2022 г., которые установили, что в порядке сплошной кассации могут быть

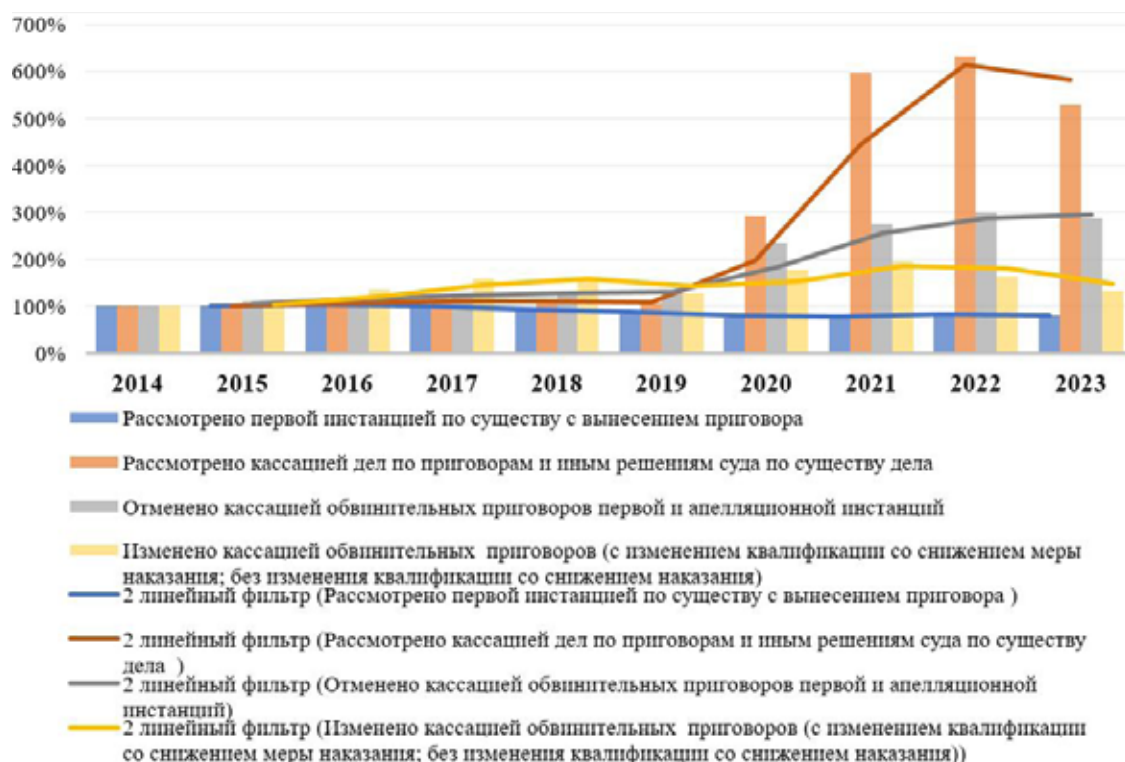

Рис. 2. Динамика приговоров судов первой инстанции, рассмотрения уголовных дел кассационной инстанцией в 2014–2023 гг. (в относительных величинах к 2014 г.)

измененных ею приговоров, в апелляционной инстанции (рис. 3)³⁵ не наблюдается каких-либо аномальных уровней. Более того, средние скользящие значения этих показателей (обозначены пунктирными линиями) демонстрируют сходные траектории, что указывает на устойчивость наблюдаемых явлений.

Кроме того, для установления влияния процессуальной реформы на показатели апелляции («Поступило в апелляцию дел», «Отменено или изменено апелляцией обвинительных приговоров», «Изменены апелляцией (с измене-

нием квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания)») был применен *U*-критерий Манна — Уитни³⁶ ($U_{\text{ЭМН}}$) (табл. 2). Этот непараметрический метод не требует наличия нормального распределения сравниваемых совокупностей и пригоден для сравнения малых выборок, то есть наиболее подходит к имеющимся показателям и позволяет оценить различия между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно.

обжалованы итоговые судебные решения, являвшиеся предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции. В пояснительной записке к законопроекту данное решение обосновывалось необходимостью стимулирования участников процесса активнее использовать механизм апелляционного обжалования судебных решений, предусматривающий более широкий спектр процессуальных средств и возможностей для исправления судебных ошибок, чем кассационное производство. Фактически эти изменения привели к сужению сферы применения института кассации. Тем не менее делать предположения об эффективности или неэффективности этих изменений мы считаем преждевременным.

³⁵ Для удобства представления данных приведены относительные величины (в процентах), где за базовую точку отсчета взяты показатели 2014 г. (100 %), а показатели последующих лет приведены по отношению к этому году.

³⁶ Рассчитывается следующим образом: сначала из обеих сравниваемых выборок составляется единый ранжированный ряд путем расставления единиц наблюдения по степени возрастания признака и присвоения меньшему значению меньшего ранга. В случае равных значений признака у нескольких единиц каждой из них присваивается среднее арифметическое последовательных значений рангов. В составленном едином ранжированном ряду общее количество рангов получится равным: $N = n_1 + n_2$, где

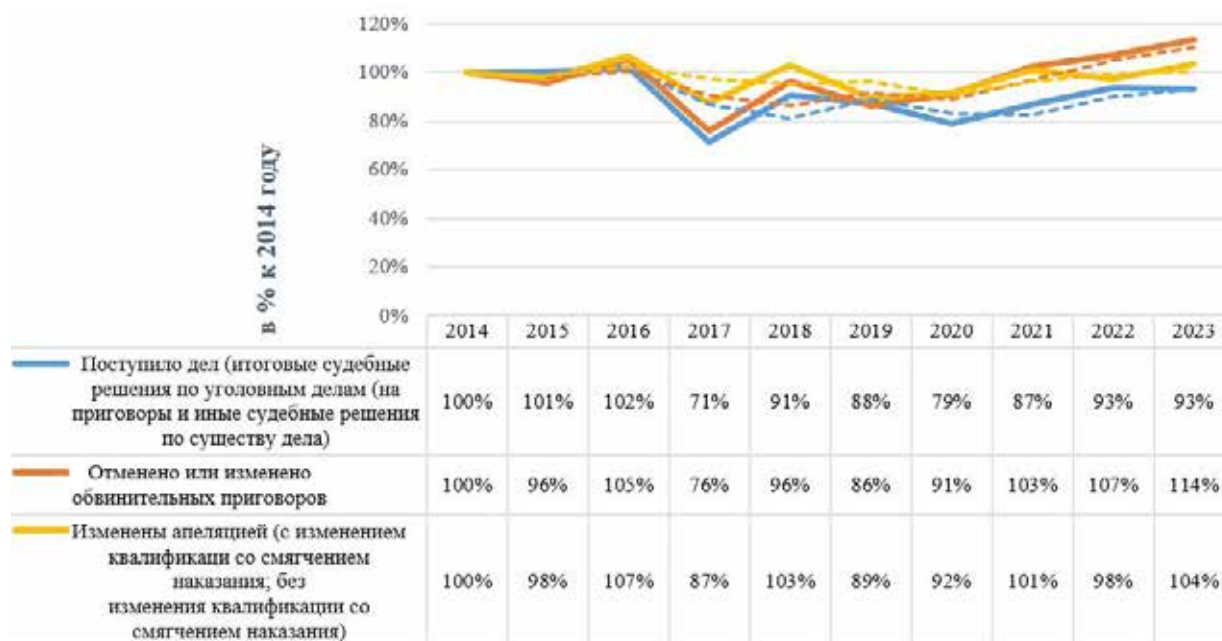

Рис. 3. Динамика апелляционного обжалования в 2014–2023 гг.
(приведена в относительных величинах к показателям 2014 г.)

Таблица 2

**Анализ показателей апелляционной инстанции
(на основе разбивки на дореформенный и послереформенный периоды)**

Показатели	Категории	Медиана	Нижний и верхний квартили	n	UЭмп
Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела))	2014–2019 гг.	134 613,50	124 794,25 — 141 675,00	6	8
	2020–2023 гг.	126 838,50	119 725,25 — 131 427,50	4	
Апелляция (отменено или изменено обвинительных приговоров)	2014–2019 гг.	23 826,00	21 989,00 — 24 562,00	6	5
	2020–2023 гг.	26 012,50	24 743,00 — 26 966,00	4	
Апелляция (изменены с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания)	2014–2019 гг.	13 944,00	12 901,75 — 14 437,25	6	11
	2020–2023 гг.	14 001,00	13 556,75 — 14 329,75	4	

n_1 — количество элементов в первой выборке, а n_2 — количество элементов во второй выборке. Далее вновь разделяем единый ранжированный ряд на два, состоящие соответственно из единиц первой и второй выборок, запоминая при этом значения рангов для каждой единицы. Подсчитываем отдельно сумму рангов, пришедшихся на долю элементов первой выборки, и отдельно — на долю элементов второй выборки. Определяем большую из двух ранговых сумм (T_x), соответствующую выборке с n_x элементами. Наконец, находим значение U-критерия Манна — Уитни по формуле: $U = n_1 \cdot n_2 + \frac{n_x \cdot (n_x + 1)}{2} - T_x$.
Более подробно о применении данного метода см.: Блог StatTech (Статтех). URL: <https://blog.stattech.ru/> (дата обращения: 01.07.2024); Крохалев В. Я., Скопинов С. А., Телешев В. А. Статистика : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УГМУ, 2018. С. 67.

Результаты расчетов ($U_{\text{эмп}} = 8$, $U_{\text{эмп}} = 5$, $U_{\text{эмп}} = 11$) позволяют сделать вывод об отсутствии статистически значимых различий в показателях «Поступило в апелляцию дел», «Отменено или изменено апелляцией обвинительных приговоров», «Изменены апелляцией (с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания)» в зависимости от времени: до процессуальной реформы (2014–2020 гг.) и после (2020–2023 гг.). Другими словами, все представленные показатели деятельности апелляционной инстанции примерно одинаковы на всем протяжении временного ряда (до и после реформы), что позволяет утверждать: произошедшие законодательные изменения принципиально не сказались на результативности апелляционной инстанции.

Применение U-критерия Манна — Уитни к показателям деятельности кассации (до и после реформы) показало:

1. Выявлены статистически значимые различия показателя «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела», которые графически можно выразить следующим образом (рис. 4).

2. Установлены статистически значимые различия показателя «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций», которые можно выразить графически (рис. 5).

Представленные показатели деятельности кассационной инстанции до и после реформы существенно различаются, и это дает основание

полагать, что изменение показателей деятельности кассационной инстанции было результатом процессуальной реформы в части, затронувшей институт кассации.

Далее наше внимание переключается на вопрос зависимостей между показателями. Даже беглый взгляд на тренды (скользящие средние), отраженные на рис. 2, дает основание для предположения о наличии определенных закономерностей (связей), хотя к таким утверждениям и следует подходить с должной осторожностью. Усматривается закономерность: увеличение количества рассмотренных кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела коррелирует с ростом числа отмененных кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций и измененных кассацией обвинительных приговоров.

Установление отсутствия или наличия связи между приведенными показателями и его характера даст нам основание сделать вывод о статистической значимости показателей приведенных временных рядов, что, в свою очередь, усилит аргументацию или позволит опровергнуть проверяемую гипотезу. Стоит оговориться: если в естественных науках исследователи, как правило, имеют дело со строгими (функциональными) зависимостями, где каждому значению какой-либо переменной соответствует единственное значение другой, то в социальных науках таких строгих зависимостей нет, так как при анализе взаимосвязей невозможно учесть весь спектр влияющих факторов, некоторые из

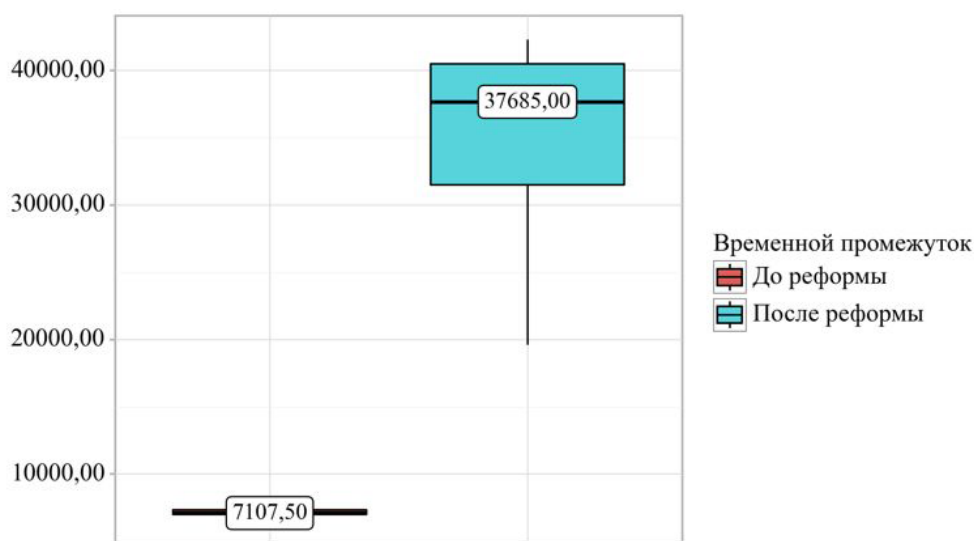

Рис. 4. Анализ показателя «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела»

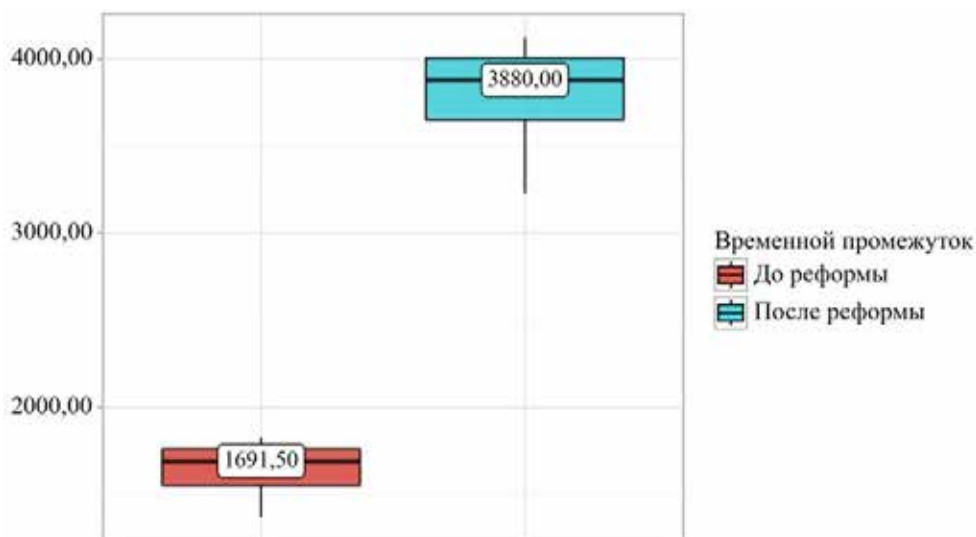

Рис. 5. Анализ показателя «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций»

которых могут быть случайными. В силу этого мы можем лишь выявить наличие или отсутствие корреляционной (статистической) зависимости, под которой понимается «статистическая взаимосвязь двух или более случайных величин (либо величин, которые можно с некоторой допустимой степенью точности считать таковыми), и при этом изменения значений одной или нескольких из этих величин сопутствуют систематическому изменению значений другой или других величин»³⁷. Это требует обращения к более сложным статистическим инструментам.

В целях установления наличия или отсутствия корреляционной связи (тесноты связи между переменными) был проведен корреля-

ционный анализ нижеприведенных временных рядов (табл. 3).

В указанных целях направление и теснота корреляционной связи между количественными показателями оценивались³⁸:

1) с помощью коэффициента корреляции Пирсона³⁹ (при нормальном распределении сопоставляемых показателей), который принимает значения от -1 до +1 (+1 означает наличие полной положительной линейной связи, а значение -1 — наличие полной отрицательной линейной связи);

2) с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена⁴⁰ (при распределении, отличном от нормального).

³⁷ Саадалов Т., Мырзабраимов Р., Абдуллаева Ж. Д. Методика расчета коэффициента корреляции Фехнера и Пирсона, и их области применения // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 10. С. 271.

³⁸ Все расчеты производились с использованием российской статистической программы StatTech (Статтех) v. 4.2.7 (разработчик — ООО «Статтех», Россия).

³⁹ Коэффициент корреляции Пирсона характеризует существование линейной зависимости между двумя величинами. Применяемый к выборке обозначается r_{xy} и называется коэффициентом корреляции Пирсона выборки:

$$r_{xy} = \frac{\sum x_i y_i - n \bar{x} \bar{y}}{\sqrt{\sum x_i^2 - n \bar{x}^2} \sqrt{\sum y_i^2 - n \bar{y}^2}}, \text{ где } x_i, y_i \text{ — элементы выборки, } n \text{ — размер выборки, а } \bar{x} = \frac{1}{n} \sum x_i = \bar{X}_i \text{ — выборочное среднее значение параметра } x \text{ (аналогично для } \bar{y}).$$

⁴⁰ Корреляция Спирмена является ранговой, то есть для оценки силы связи используются не численные значения, а соответствующие им ранги. Этот метод применяется для статистического изучения связи между явлениями посредством определения фактической степени параллелизма между двумя количественными рядами и дает оценку тесноты установленной связи с помощью количественно выраженного коэффициента. Проведение корреляционного анализа с использованием метода Спирмена выполняется по следующему алгоритму: парные сопоставимые признаки располагаются в два ряда, один из которых обозначается с помощью X , другой — Y ; значения ряда X располагаются в порядке возрастания либо убывания; последовательность расположения значений ряда Y определяется их соответствием значениям ряда X ; для каждого значения в ряду X определить ранг — присвоить порядковый номер от мини-

Таблица 3

Корреляционный анализ временных рядов

Годы	Приговоры первой инстанции	Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела))	Отменено или изменено апелляцией обвинительных приговоров	Изменены апелляцией (с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания)	Апелляция (отменено оправдательных приговоров)	Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела	Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций	Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)
2014	692 073	141 105	24 784	14 111	948	6 680	1 371	4 428
2015	707 867	141 865	23 756	13 777	790	6 981	1 526	4 839
2016	712 508	144 204	26 130	15 088	829	7 179	1 639	5 979
2017	673 695	100 533	18 822	12 339	548	7 566	1 766	7 021
2018	635 289	128 122	23 896	14 546	570	7 423	1 744	6 959
2019	579 857	123 685	21 400	12 610	579	7 036	1 828	5 724
2020	530 744	111 770	22 622	12 935	656	19 621	3 233	7 852
2021	566 430	122 377	25 450	14 238	900	39 902	3 794	8 725
2022	578 433	131 810	26 575	13 764	834	42 297	4 124	7 242
2023	555 145	131 300	28 139	14 605	801	35 468	3 966	5 928

Сила корреляционной связи между наблюдаемыми величинами определялась с использованием шкалы Чеддока:

- r_{xy} менее 0,3 — слабая корреляция;
- r_{xy} от 0,3 до 0,5 — умеренная корреляция;
- r_{xy} от 0,5 до 0,7 — заметная корреляция;
- r_{xy} от 0,7 до 0,9 — высокая корреляция;
- r_{xy} более 0,9 — весьма высокая корреляция.

Прогностическая модель, характеризующая зависимость количественной переменной от факторов, разрабатывалась с помощью метода линейной регрессии⁴¹.

В силу ограниченности объемов статьи не представляется возможным отразить все результаты и математические расчеты корреляционного анализа, и в этой связи считаем целе-

мального значения к максимальному; для каждого из значений в ряду Y также определить ранг (от минимального к максимальному); вычислить разницу (D) между рангами X и Y, прибегнув к формуле $D = X - Y$; полученные значения разницы возвести в квадрат; выполнить суммирование квадратов разниц рангов;

выполнить расчеты по формуле: $p_{xy} = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2-1)}$. Более подробно по данному вопросу см.: Корнилова А. С., Никонова Р. А., Дрягина Д. Р. Метод ранговой корреляции и его применение // Современные инновации: теоретический и практический взгляд : сборник научных трудов по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Москва, 21–22 января 2018 г. М. : Проблемы науки, 2018. С. 52–53.

⁴¹ В нашем случае применена парная линейная регрессия, представляющая собой достаточно простой и надежный способ описания зависимости (построения прогностической модели) одного количественного показателя от другого, тоже количественного. По сути, применение данного метода представляет

сообразным привести выдержки по наиболее значимым из них:

1. Установлена высокой тесноты прямая связь между «Рассмотрено кассацией дел по

приговорам и иным решениям суда по существу дела» и «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций»:

Показатель	Характеристика корреляционной связи		
	Р	Теснота связи по шкале Чеддока	Р
Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела — Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций	0,915	Весьма высокая	< 0,001*

* Различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

Полученный результат свидетельствует о существовании значимой прямой зависимости показателя «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» от показателя «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела», что позволяет описать их как «цепную структуру, в рамках которой одно явление оказывает влияние на другое»⁴². В практическом плане данная прямая связь означает, что увеличение числа рассмотренных кассацией уголовных дел влечет увеличение числа отмененных этой инстанцией приговоров.

Наблюдаемая зависимость «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» (Y_0) от «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» (X_p) описывается уравнением парной линейной регрессии:

$$Y_0 = 0,072 \times X_p + 1\,199,414.$$

Приведенное уравнение имеет прогностическое значение.

При увеличении «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» на 1 следует ожидать увеличения «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» на 0,072. Полученная модель объясняет 94,2 % наблюдаемой дисперсии «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций».

Это свидетельствует о том, что в результате реформы кассация стала не просто рассматривать больше жалоб на приговоры, но и чаще их отменять.

2. Установлена высокой тесноты прямая связь между «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» и «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)»:

Показатель	Характеристика корреляционной связи		
	Р	Теснота связи по шкале Чеддока	Р
Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела — Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)	0,830	Высокая	0,003*

* Различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

собой математическое моделирование неизвестного показателя на основе выявленных особенностей изменения показателей явлений в прошлом, своего рода экстраполяция в прогностических целях. Имеющиеся статистические данные соответствуют минимальному объему выборки для линейной регрессии. В результате применения метода мы получаем уравнение следующего вида: $Y = A \times X + B$, где Y — зависимый количественный показатель, X — независимый количественный показатель, A — коэффициент регрессии, B — константа. По этой формуле возможно прогнозировать показатель Y при известном значении показателя X .

⁴² Баллод Б. А. Методы и средства социологических исследований : учеб. пособие. СПб. : Лань, 2019. С. 95.

Наблюдаемая зависимость «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)» ($Y_{и}$) от «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» (X_p) описывается уравнением парной линейной регрессии:

$$Y_{и} = 0,05 \times X_p + 5\,566,282.$$

При увеличении «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» на 1 следует ожидать увеличения «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)» на 0,05. Полученная модель объясняет 32,7 % наблюдаемой дисперсии «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением

квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)».

Имеющиеся результаты говорят о том, что в результате реформы не только произошло увеличение количества рассматриваемых кассацией жалоб, но оно еще и сопровождалось увеличением количества измененных обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания).

3. Установлена высокой тесноты прямая связь между «Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела))» и «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания»:

Показатель	Характеристика корреляционной связи		
	r_{xy}	Теснота связи по шкале Чеддока	P
Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела) — Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания	0,743	Высокая	0,014*

* Различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

Наблюдаемая зависимость «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания» ($Y_{и}$) от «Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела))» ($X_{п}$) описывается уравнением парной линейной регрессии:

$$Y_{и} = 0,049 \times X_{п} + 7\,556,218.$$

При увеличении «Поступило в апелляцию дел (итоговые судебные решения по уголовным делам (на приговоры и иные судебные решения по существу дела))» на 1 следует ожидать увеличения «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания» на 0,049. Полученная мо-

дель объясняет 55,2 % наблюдаемой дисперсии «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания».

На первый взгляд данная связь представляется очевидной: чем больше поступает в апелляцию уголовных дел, тем больше количество измененных приговоров. При более вдумчивом отношении можно заключить, что выявленная связь свидетельствует о неслучайности приведенных количественных показателей и наличии закономерностей в их соотношении.

4. Установлены:

А. Высокой тесноты обратная связь между следующими парами:

— «Приговоры первой инстанции» — «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела»;

— «Приговоры первой инстанции» — «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций».

Обратная связь предполагает, что увеличению одного показателя противостоит снижение другого, и наоборот. Снижение числа приговоров первой инстанции (в какой-то мере объяснимое снижением уровня регистрируемых преступлений) на фоне увеличения количества рассмотренных и измененных кассацией уголовных дел косвенно свидетельствует о повышении эффективности института кассации, и установленная обратная связь свидетельствует о *неслучайности* имеющихся показателей. Другими словами, *несмотря на снижение общего количества выносимых приговоров, кассация стала чаще рассматривать жалобы на них и чаще отменять*. Это также со всей очевидностью свидетельствует о повышении эффективности кассации.

Б. Слабой тесноты прямая или обратная связь между следующими парами:

— «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания» — «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций»;

— «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания» — «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)»;

— «Отменено апелляцией оправдательных приговоров» — Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания);

— «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» — «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания»;

— «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)» — «Изменено апелляцией приговоров с изменением квалификации со смягчением наказания; без изменения квалификации со смягчением наказания».

Слабые корреляционные связи между кассационными и апелляционными показателями косвенно свидетельствуют о произошедших в институте кассации изменениях, в результатах которых существенно изменились частота применения кассации и соотношение показателей этих двух инстанций.

Подводя итоги проведенного исследования, можно резюмировать:

1. На фоне происходящего снижения количества выносимых первой инстанцией приговоров после реформирования кассации произошло многократное увеличение количества уголовных дел, рассмотренных кассацией по приговорам и иным решениям суда по существу дела, и более чем двукратное увеличение измененных кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания).

2. Посредством U-критерия Манна — Уитни не установлено статистически значимых различий в показателях апелляции на всем протяжении исследованного промежутка (как до, так и после процессуальной реформы), то есть между показателями дореформенной и послереформенной апелляции нет значительной разницы, что позволяет говорить об отсутствии влияния или о слабом влиянии процессуальной реформы на результативность деятельности этой инстанции.

3. Посредством U-критерия Манна — Уитни установлены статистически значимые различия (до и после процессуальной реформы) показателей «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» и «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций», свидетельствующие о положительном влиянии законодательных изменений на результативность кассации.

4. Установленные высокой (весьма высокой) тесноты прямые связи между «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» и «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» и между «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» и «Изменено кассацией обвинительных приговоров (с изменением квалификации со снижением меры наказания; без изменения квалификации со снижением наказания)» свидетельствуют о том, что в результате реформы кассация стала не просто

рассматривать больше жалоб на приговоры, но и чаще их отменять и изменять последние в сторону улучшения положения осужденного.

5. Установленные высокой тесноты обратные связи между «Приговоры первой инстанции» и «Рассмотрено кассацией дел по приговорам и иным решениям суда по существу дела» и между «Приговоры первой инстанции» и «Отменено кассацией обвинительных приговоров первой и апелляционной инстанций» показывают, что, несмотря на снижение общего количества выносимых первой инстанцией приговоров, кассация стала чаще рассматривать жалобы на них и чаще их отменять.

6. Установленные слабые корреляционные связи между кассационными и апелляционными показателями косвенно свидетельствуют о произошедших в институте кассации изменениях, в результатах которых при сохранении динамики апелляции существенно изменилась в сторону увеличения частота применения кассации и, соответственно, изменилось соотношение показателей этих двух инстанций.

В центре нашего исследования была категория «эффективность», в сознании большинства ассоциирующаяся не с количественными, а с качественными показателями. По этому поводу С. Д. Хайтун отмечает, что «один лишь количественный анализ ничего не дает без уяснения качественной специфики исследуемых явлений»⁴³, с чем мы согласиться не можем, склоняясь к позиции М. Линдгрена, обосновавшего «невозможность проводить демаркационную линию между количественным и качественным, так как первое всегда несет последнее в качестве своего ядра»⁴⁴.

Суммируя приведенные результаты, мы обоснованно приходим к выводу: абсолютные и относительные показатели, а также выявленные корреляционные связи между переменными наглядно свидетельствуют об увеличении эффективности кассационной инстанции вследствие произошедших законодательных изменений. В рамках дихотомической пары «эффективно — неэффективно» эти изменения можно однозначно охарактеризовать как эффективные.

Заключение

Полагаем, что представленные расчеты и аргументы, в основу которых положены количественные данные, дают релевантные результаты, то есть четко показывают причинно-следственную связь событий и в достаточной степени подтверждают повышение эффективности (качественной стороны) института кассации. Таким образом, выдвинутую нами гипотезу о возможности определения эффективности правовой нормы (института) на основе количественных данных при указанных условиях считаем убедительно подтвержденной и являющейся справедливой для аналогичных ситуаций. Институт кассации в новом формате стал более эффективным, в результате реформы на фоне снижения количества выносимых первой инстанцией приговоров большее количество обвинительных приговоров стало подвергаться проверке, по результатам которой большее их количество было отменено или изменено в пользу осужденного, и тем самым была достигнута справедливость, законность и обоснованность приговоров.

Проведенное исследование не претендует на непогрешимость, в ходе него допускались упрощения и игнорировались вторичные факторы (изменение численности судебного корпуса и аппарата суда; возникновение факторов, затрудняющих рассмотрение дел в судах (например, пандемия COVID-19), и др.). Кроме того, при корреляционном анализе не учитывался лаг — промежуток между введением института кассации и временем его широкого применения. Помимо сказанного, примененные инструменты не позволяют установить вклад (интенсивность влияния) отдельных факторов, составивших данную реформу. Другими словами, остается неизвестным, что повлияло сильнее на изменение рассмотренной динамики кассации: создание экстерриториальных судов — кассационных судов общей юрисдикции — или широкое внедрение сплошной кассации. Примененные методы не позволяют вычленивать каждый из этих факторов, если это вообще возможно. В этой связи следует помнить, что право в целом, как и любое другое сложное социальное явление, находится под воздействием множества факторов, и учесть

⁴³ Хайтун С. Д. Указ. соч. С. 6.

⁴⁴ Линдгрен М. Философия в зеркале рациональности. СПб. : Алетея, 2016. С. 84.

индивидуальное влияние каждого из них на него не представляется возможным.

Хотя использованные в исследовании методы имеют широкое применение в области социальных наук, нам остается лишь констатировать, что большинство правоведов редко в своей аргументации прибегает к использованию более сложных, нежели сравнение относительных показателей, методов исследования. Вероятно, найдутся критики, которые сочтут излишним использование приведенных методов. Мы, в свою очередь, полагаем, что их использование усиливает аргументацию и позволяет вскрыть новые стороны исследуемых явлений, в какой-то

мере спрогнозировать их состояние в будущем. Разумеется, не абсолютизируя прогностическое значение использованных методов, следует учитывать, что корреляция в математической статистике в конечном счете — это вероятностная зависимость, строго не детерминирующая будущее по причине невозможности учета случайных факторов. Ведь, как справедливо замечает С. Д. Хайтун, «все методы измерения в социальных исследованиях имеют одну — вероятностную — природу, и потому в их основе лежит один математический аппарат — математическая статистика»⁴⁵, и появления более точного инструментария не предвидится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем.: А. Лаптев, Ф. Кальшойер ; предисл., сост. — В. Бергманн ; науч. ред. — Т. Яковлева. М., 2011. 192 с.
- Баллод Б. А. Методы и средства социологических исследований : учеб. пособие. СПб. : Лань, 2019. 184 с.
- Беляев В. П., Беляева Г. С. Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11. С. 29–38.
- Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.
- Зуев К. А., Кротков Е. А. Рациональность: дискурсный подход : монография. М. : Изд-во РАГС, 2010. 178 с.
- Корнилова А. С., Никонова Р. А., Дрягина Д. Р. Метод ранговой корреляции и его применение // Современные инновации: теоретический и практический взгляд : сборник научных трудов по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Москва, 21–22 января 2018 г. М. : Проблемы науки, 2018. С. 52–53.
- Крохалев В. Я., Скопинов С. А., Телешев В. А. Статистика : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УГМУ, 2018. 114 с.
- Линдгрен М. Философия в зеркале рациональности. СПб. : Алетейя, 2016. 100 с.
- Осипов М. Ю. Системы в праве и правовые процессы : монография. 3-е изд. М. : РИОР : Инфра-М, 2019. 277 с.
- Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее / пер. с англ. Д. А. Печегина ; под ред. М. А. Кудратова. М. : Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.
- Саадалов Т., Мырзаibraимов Р., Абдуллаева Ж. Д. Методика расчета коэффициента корреляции Фехнера и Пирсона и их области применения // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 10. С. 270–276.
- Теория статистики : учебник / под ред. проф. Г. Л. Громыко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2005. 476 с.
- Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023. 240 с.
- Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография / под ред. проф. В. Т. Томина. М. : Директ-Медиа, 2015. 165 с.
- Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : авторский курс : учеб. пособие. М. : Эксмо, 2022. 368 с.
- Хайтун С. Д. Количественный анализ социальных явлений: проблемы и перспективы. 2-е изд-е. М., 2005. 280 с.
- Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М. : Проспект, 2017. 240 с.

⁴⁵ Хайтун С. Д. Указ. соч. С. 8.

Famulski T. Economic Efficiency in Economic Analysis of Law // *Finanse i Prawo Finansowe*. 2017. № 3 (15). P. 27–39. DOI: 10.18778/2391-6478.3.15.03. URL: https://www.researchgate.net/publication/320836125_Economic_Efficiency_in_Economic_Analysis_of_Law/stats#fullTextFileContent (дата обращения: 01.07.2024).

Simović M., Šikman M. Efficiency of Criminal Proceedings — Between Expectations and Reality // *Journal of Criminology and Criminal Law*. 2018. № 56 (3). P. 23–42.

REFERENCES

Aleksi R. The concept and validity of law (a response to legal positivism). Translated from German by Laptev A, Kalshoyer F; preface, comp. by Bergmann V; edited by Yakovleva T. Moscow; 2011. (In Russ.).

Ballod BA. Methods and means of sociological research: A study guide. St. Petersburg: Lan Publ., 2019. (In Russ.).

Belyaev VP, Belyaeva GS. Procedural law regulation: The problem of efficiency. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):29–38. (In Russ.).

Darovskikh OI. Theoretical, legal and organizational foundations of ensuring the effectiveness of criminal procedural activities. Dr. Diss. (Law). Chelyabinsk; 2022. (In Russ.).

Famulski T. Economic Efficiency in Economic Analysis of Law. *Finanse i Prawo Finansowe*. 2017;3(15). DOI: 10.18778/2391-6478.3.15.03. Available from: https://www.researchgate.net/publication/320836125_Economic_Efficiency_in_Economic_Analysis_of_Law/stats#fullTextFileContent [cited 2024 July 01].

Gromyko GL, editor. Theory of statistics: A textbook. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Infra-MM Publ.; 2005. (In Russ.).

Khaytun SD. Quantitative analysis of social phenomena: Problems and prospects. 2nd ed. Moscow: KomKniga Publ.; 2005. (In Russ.).

Kornilova AS, Nikonova RA, Dryagina DR. The method of rank correlation and its application. Modern innovations: A theoretical and practical view. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 21–22, 2018. Moscow: Problemy nauki Publ.; 2018. Pp. 52–53. (In Russ.).

Krokhalev VYa, Skopinov SA, Teleshev VA. Statistics. A Study Guide. Ekaterinburg: Publishing house of UGMU; 2018. (In Russ.).

Lindgren M. Philosophy in the mirror of rationality. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2016. (In Russ.).

Osipov MYu. Legal systems and legal processes: A monograph. 3rd ed. Moscow: RIOR: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

Pizzi U. Judicial proceedings without the truth: Why our criminal justice system has become an expensive mistake and what we need to do to restore it. Transl. from Eng. by Pechegin DA; edited by Kudratov MA. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2019. (In Russ.).

Polyakov AV, Denisenko VV, Belyaev MA, editors. The efficiency of legal regulation: A monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2017. (In Russ.).

Saadalov T, Myrzaibraimov R, Abdullayeva ZhD. Methodology for calculating the correlation coefficient of Fechner and Pearson and their fields of application. *Byulleten nauki i praktiki*. 2021;7(10):270–276. (In Russ.).

Simović M., Šikman M. Efficiency of Criminal Proceedings — Between Expectations and Reality. *Journal of Criminology and Criminal Law*. 2018;56(3):23–42.

Smirnov AV, Kalinovsky KB. Criminal procedure: Original course. A study guide. Moscow: Eksmo Publ.; 2022. (In Russ.).

Tikhomirov YuA. Law: Forecasts and risks. A monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Tomin VT, Polyakov MP, Popov AP. Essays on the theory of efficient criminal procedure. A monograph. Edited by Prof. Tomina VT. Moscow: Direkt-Media Publ.; 2015. (In Russ.).

Zuev KA, Krotkov EA. Rationality: A discursive approach. A monograph. Moscow: RAGS Publishing House; 2010. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
д. 1, Летчика Пилютова ул., г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация
alex.tsi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey I. Tsyretorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation
alex.tsi@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 2 октября 2024 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 31.07.2024.

Revised 02.10.2024.

Accepted 15.01.2025.

Е. К. Нечаева
М. В. Некотенева
А. В. Кубышкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект

Резюме. Статья посвящена исследованию правового регулирования общественных отношений в сфере синтетической биологии. Цель статьи — выявить ключевые признаки понятия «синтетическая биология»; провести исследование нормативных правовых актов на глобальном уровне, уровне межгосударственных интеграционных объединений Российской Федерации, которые посвящены регулированию в сфере синтетической биологии; выявить основные аспекты и направления, в которых используется понятие «синтетическая биология»; сформулировать предложения по правовому регулированию соответствующих отношений на уровне Российской Федерации. Проанализированы различные определения понятия «синтетическая биология» в российских и зарубежных доктринальных источниках, а также в международно-правовых документах и документах международных организаций. Проведен анализ нормативного регулирования общественных отношений в сфере синтетической биологии. При исследовании использовались догматический и формально-логический методы, аксиологический подход и метод сравнения. По итогам анализа выделены существенные признаки понятия «синтетическая биология», сделаны выводы об основных аспектах и направлениях, в рамках которых используется данное понятие. Сформулированы предложения по правовому регулированию соответствующих отношений на уровне Российской Федерации, согласно которым целесообразно развивать регулирование применения технологий синтетической биологии для возможного создания патогенных организмов и других угроз в области биобезопасности, при этом регулировать применение технологий синтетической биологии в рамках других направлений нецелесообразно, поскольку соответствующие общественные отношения подпадают под уже существующее регулирование в более общих областях, таких как регулирование научных исследований и регулирование в сфере биотехнологий, биоэкономики, генетических технологий.

Ключевые слова: синтетическая биология; правовое регулирование; биологическое разнообразие; международное право; генетические технологии; биотехнологии; биоэкономика

Для цитирования: Нечаева Е. К., Некотенева М. В., Кубышкин А. В. Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 102–111. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.102-111

Development of Legal Regulation of Synthetic Biology: Integration and Legal Aspect

Elena K. Nechaeva

Maria V. Nekoteneva

Aleksey V. Kubyshev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of the legal regulation of public relations in the field of synthetic biology. The purpose of the paper is to identify the key features of the concept of «synthetic biology»; to conduct a study of regulatory legal acts at the global level, the level of interstate integration associations, and the Russian Federation, which are devoted to regulation in the field of synthetic biology; to identify the main aspects and directions in which the concept of «synthetic biology» is used; to formulate proposals for the legal regulation of relevant relations at the level of the Russian Federation. The various definitions of the concept of «synthetic biology» in Russian and foreign doctrinal sources, as well as in international legal documents and documents of international organizations are analyzed. The analysis of the statutory regulation of public relations in the field of synthetic biology is carried out. The research utilizes dogmatic and formal logical methods, an axiological approach and a method of comparison. Based on the results of the analysis, the essential features of the concept of «synthetic biology» are identified, conclusions are drawn about the main aspects and directions in which this concept is used. Proposals have been formulated for the legal regulation of relevant relations at the level of the Russian Federation, according to which it is advisable to develop regulation of the use of synthetic biology technologies for the possible creation of pathogenic organisms and other threats in the field of biosafety, while regulating the use of synthetic biology technologies in other areas is impractical, since the relevant public relations fall under existing regulation in more general areas — regulation of scientific research and regulation in the field of biotechnology, bioeconomics, and genetic technologies.

Keywords: synthetic biology; legal regulation; biological diversity; international law; genetic technologies; biotechnologies; bioeconomics

Cite as: Nechaeva EK, Nekoteneva MV, Kubyshev AV. Development of Legal Regulation of Synthetic Biology: Integration and Legal Aspect. *Lex russica*. 2025;78(2):102-111. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.102-111

Введение

Синтетическая биология — относительно новая сфера деятельности и отрасль знаний, которая предполагает использование достижений генетики, химии, биологии, медицины и информатики, а также применение инженерных методов для проектирования и создания организмов и биологических систем с заданными свойствами.

В последнее время синтетическая биология, являясь частью сферы биотехнологий, развивается бурными темпами. Применение полученных с использованием методов синтетической биологии достижений науки способствует развитию таких отраслей, как химическая промышленность, сельское хозяйство, микробиология, промышленная биология, фармакология, энергетика и др. Между тем, помимо очевидных преимуществ, возникающих при использовании синтетической биологии в гражданских

отраслях экономики, синтетическая биология может использоваться как технология двойного назначения, что может привести к созданию угроз безопасности и защищенности человека, общества, государства.

Кроме того, применение методов синтетической биологии вызывает к жизни много этических вопросов, требующих своего разрешения. В связи с этим, например, Международным комитетом по биоэтике Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) был подготовлен концептуальный доклад относительно этических вопросов, связанных с ускорением развития синтетической биологии, целью которого является предоставление этических рекомендаций в целях ответственного развития синтетической биологии¹.

Всё это обуславливает актуальность изучения вопросов регулирования общественных

¹ SHS/IBC-31/2024/2, Paris, 22 August 2024.

отношений, возникающих в сфере синтетической биологии, с целью анализа и выработки направлений правового регулирования в указанной сфере.

Основная часть

Впервые понятие «синтетическая биология» мир узнал в начале XX в., когда французский ученый Стефан Ледук (Stéphane Leduc) опубликовал труд, который назвал *La Biologie Synthétique*². Наиболее активно это понятие стало использоваться в научном и практическом обороте после 2000-х гг., с развитием генетических технологий, геномной инженерии, биотехнологий и наук о жизни (медицины, биологии, генетики). Однозначного и общепринятого определения понятия «синтетическая биология» нет ни в международных правовых актах, ни в актах межгосударственных интеграционных объединений, ни в национальных нормативных правовых актах, ни в доктрине.

Так, например, Международным комитетом по этике ЮНЕСКО под синтетической биологией понимается зарождающаяся междисциплинарная область науки, которая применяет принципы инженерии к биологии с целью создания организмов или биологических систем с новыми функциями, которые не существуют в природе. Связанная с геномными технологиями, синтетическая биология может рассматриваться как побочный продукт биотехнологии³.

В США под синтетической биологией понимают, в частности, междисциплинарную область биотехнологии, которая включает в себя конструирование генетического материала организмов, таких как вирусы, бактерии, дрожжи,

растения или животные, для придания им новых характеристик. Она имеет потенциал для создания полезных изменений в сельскохозяйственных культурах, улучшенных лекарственных средствах, более прочных материалах и более эффективных промышленных процессах. Ученые также изучают применение синтетической биологии для решения экологических проблем путем конструирования организмов для использования углекислого газа, производства биотоплива для транспортных средств и преобразования метана в биоразлагаемые пластики⁴.

В доктрине содержатся различные подходы к определению понятия «синтетическая биология». Так, например, некоторые авторы считают, что синтетическая биология — это междисциплинарная область, сочетающая биологию с инженерией, физикой, математикой, химией и информатикой⁵. Согласно рабочему определению, сформулированному Конференцией участников Конвенции о биологическом разнообразии⁶, проходившей в 2016 г., «синтетическая биология — это дальнейшее развитие и новое измерение современной биотехнологии, которое объединяет науку, технологию и инженерию для облегчения и ускорения понимания, проектирования, перепроектирования, модификации производства, генетических материалов, живых организмов и биологических систем»⁷.

В некоторых российских доктринальных источниках синтетическая биология определяется как область, в которой применяются методы и техники молекулярной биологии для формирования заданного поведения клеток на основе теоретически сконструированных регуляторных сетей с применением инженерных подходов⁸.

² Патрушев М. В., Борисова А. А., Намсараев З. Б. Синтетическая биология: основные характеристики направления // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18. № 3. С. 311–319. DOI: 10.56304/S1992722323030081.

³ SHS/IBC-31/2024/2, Paris, 22 August 2024.

⁴ Science & Tech Spotlight: Synthetic Biology / GAO-23-106648 (2023. Apr 17) // URL: <https://www.gao.gov/products/gao-23-106648> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵ Getie B., Andualem B. Synthetic Biology and International Regulatory Law // Annual Research & Review in Biology. 2023. Vol. 38 (11). P. 39–53. URL: <https://doi.org/10.9734/arrb/2023/v38i1130617>.

⁶ Конвенция о биологическом разнообразии (заключена 5 июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 14.04.2024).

⁷ Synthetic Biology / Secretariat of the Convention on Biological Diversity. CBD Technical Series No. 100. Montreal, 2022. P. 13. URL: <https://www.cbd.int/doc/publications/cbd-ts-100-en.pdf> (дата обращения: 14.04.2024).

⁸ Васильев Р. А., Черникович В. Ю., Евтеева М. А., Сахаров Д. А., Патрушев М. В. Синтетическая биология. Современное состояние и применение // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. 2021. № 39 (1). С. 18–30. URL: <https://doi.org/10.17116/molgen20213901118>.

Как видим, определения достаточно разнообразны, но все содержат сходные ключевые признаки, а именно: синтетическая биология является междисциплинарной отраслью общественных отношений, включающей различные науки и сферы деятельности, является частью биотехнологий, имеет своим предметом проектирование, создание и модификацию генетических материалов, организмов и биологических систем.

Регулирование общественных отношений в сфере синтетической биологии на глобальном уровне

На глобальном уровне к основным международным источникам в области регулирования отношений, связанных с применением синтетической биологии, относятся следующие международные правовые акты:

— *Конвенция ООН «О биологическом разнообразии» 1992 г.*⁹ — общий документ, устанавливающий ключевые цели и задачи, к достижению которых должны стремиться договаривающиеся страны с учетом использования генетических ресурсов;

— *Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г.*¹⁰ — общий документ, устанавливающий ключевые принципы в области защиты и безопасной обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом также рисков для здоровья человека и с уделением особого внимания трансграничному перемещению;

— *Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 г.*¹¹ — общий документ, устанавливающий обеспечение

совместного использования на справедливой и равной основе выгод от применения генетических ресурсов, в том числе путем обеспечения надлежащего доступа к генетическим ресурсам и надлежащей передачи соответствующих технологий, учитывая все права на данные ресурсы и на технологии, и путем надлежащего финансирования, содействуя таким образом сохранению биологического разнообразия и устойчивому использованию его компонентов.

В рамках системы Конвенции о биологическом разнообразии решением Конференции участников Конвенции от 19.12.2022 № 15/31¹² была создана многопрофильная специальная техническая экспертная группа по синтетической биологии (multidisciplinary ad hoc technical expert group on synthetic biology, ANTEG) для поддержки процесса широкого и регулярного сканирования горизонта, мониторинга и оценки в области синтетической биологии. Указанной экспертной группой проводятся регулярные исследования научных статей и других публикаций в сфере синтетической биологии, регулярные встречи и готовятся отчетные материалы.

Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (СФС/SPS), заключенное в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.¹³, принятое в рамках Всемирной торговой организации, применяется ко всем санитарным и фитосанитарным мерам, которые могут прямо или косвенно оказывать негативное воздействие на международную торговлю. Такие меры будут разрабатываться и осуществляться в соответствии с положениями данного Соглашения. Некоторые проявления результатов применения синтетической биологии могут считаться представляющими риск для жизни или здоровья человека или животных из-за добавок, загрязняющих организмов в пищевых продуктах, напитках или кормах. Эти риски могут возникать из-за проникновения, укоренения или распространения вредителей, болезней или болезнетворных организмов¹⁴. Члены ВТО имеют право принимать санитарные и фитосанитарные меры, которые

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

¹¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

¹² URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-31-en.pdf> (дата обращения: 14.04.2024).

¹³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902340082?section=text> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁴ Synthetic Biology / Secretariat of the Convention on Biological Diversity.

необходимы для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений, даже если такие меры приводят к торговым ограничениям, однако эти действия должны соответствовать положениям Соглашения СФС (ст. 2, п. 1 Соглашения СФС). Меры должны, например, основываться на научных принципах, не должны оказывать дискриминирующего влияния на экспорт других членов ВТО и налагать больше торговых ограничений, чем требуется для достижения целевого уровня санитарной или фитосанитарной защиты (ст. 2, 3 и 5 Соглашения СФС).

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.¹⁵ касается вопросов, связанных с применением инструментов синтетической биологии для создания угроз биологической безопасности человека, общества и государства. В соответствии со ст. 1 Конвенции каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять: микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей; оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. С использованием инструментов синтетической биологии могут создаваться объекты и биологические агенты, подпадающие под действие указанной Конвенции.

В Европейском Союзе среди актов, относящихся к тем или иным направлениям деятельности в рамках синтетической биологии, можно назвать: Директиву 2001/18/ЕС Европейского

парламента и Совета от 12.03.2001 о преднамеренном выпуске в окружающую среду генетически модифицированных организмов и об отмене Директивы Совета 90/220/ЕЕС¹⁶, Регламент (ЕС) № 1829/2003 Европейского парламента и Совета от 22.09.2003 о генетически модифицированных продуктах питания и кормах¹⁷, Регламент (ЕС) № 1946/2003 Европейского парламента и Совета от 15.07.2003 о трансграничном перемещении генетически модифицированных организмов¹⁸ и др.

При этом отдельного нормативного правового регулирования, которое затрагивало бы применение синтетической биологии как технологии особого рода, на уровне международных организаций и межгосударственных интеграционных объединений не имеется. Синтетическая биология упоминается как одна из разновидностей технологий либо в сфере биотехнологий и производства продуктов питания, лекарств, биотоплива и других биотехнологических продуктов, либо как технология, использование которой может угрожать биологической безопасности, либо как направление научных исследований.

Так, в докладе Российской Федерации на заседании Рабочей группы по укреплению Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) токсинного оружия и об их уничтожении¹⁹, который был подготовлен 7 августа 2023 г., указывается, что в последние годы в ряде стран активно разрабатываются технологии создания искусственных микроорганизмов с заданными свойствами, наделяющие существующих в природе бактерий, вирусов и грибов «нехарактерными» качествами или усиления уже имеющихся особенностей. Кроме того, расширяются исследования механизмов избирательного воздействия на генетический аппарат, иммунную систему, микробиом и метаболизм человека.

¹⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁶ URL: <https://base.garant.ru/2570404/>.

¹⁷ Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC — Commission Declaration // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32001L0018> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁸ Regulation (EC) No. 1946/2003 of the European Parliament and of the Council of 15 July 2003 on transboundary movements of genetically modified organisms // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32003R1946:EN:HTML> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁹ URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G2315994&t=doc>.

Синтетическая биология сегодня позволяет не только производить манипуляции с существующими генами и геномами, но и создавать совершенно новые биологические системы путем изменения последовательности нуклеиновых кислот. К тому же технологии синтетической биологии увеличивают биологические риски, создавая инструменты для повышения вирулентности и патогенности микроорганизмов.

Разработка технологий синтетической биологии осуществляется в условиях отсутствия эффективных механизмов международного контроля, быстрого совершенствования научно-производственного и лабораторного оборудования, которое становится всё более доступным для частных потребителей. Это повышает вероятность появления биологических поражающих агентов нового поколения, не поддающихся идентификации традиционными методами, осуществления бесконтрольной опасной биотехнологической деятельности, а также попадания «чувствительных» разработок к террористическим организациям.

В докладе Австралии, представленном 23 июля 2019 г. на Совещании государств — участников Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении под названием «Обзор достижений в области науки и техники, связанных с Конвенцией: синтетическая биология»²⁰ говорится, что синтетическая биология — это способность проектировать и создавать искусственные биологические системы или реконструировать существующие биологические системы для исследований, инженерии и медицинского применения. Быстрый прогресс последних лет привел к повышению эффективности, относительно высокой точности и низкой стоимости этих технологий, что сделало их основными методами, доступными для академических, правительственных или промышленных лабораторий и, возможно, даже для гражданских лабораторий. Эти характеристики вызвали некоторую обеспокоенность по

поводу того, как быстро будут разрабатываться и распространяться приложения для полезных или вредных целей.

Синтетическая биология находит применение в биотехнологии и биопроизводстве и, как ожидается, будет оказывать всё более сильное воздействие на решение текущих проблем, связанных со здоровьем человека, снабжением продовольствием, а также производством биотоплива, химикатов и ферментов²¹. Примерами в области здравоохранения являются перекондиционирование вирусов для получения ослабленных версий, которые могут служить в качестве вакцин, что, как уже было продемонстрировано, защищает животных от смертельной дозы вируса дикого типа (грипп, полиовирусы)²². Синтетическая биология также может быть использована для производства антибиотиков и других молекул, для которых рутинный синтез слишком сложен или экономически нецелесообразен. Синтез вакцин и усовершенствованных противомикробных препаратов открывает широкие перспективы для совершенствования систем здравоохранения²³.

Несмотря на то что большинство приложений для новых технологий являются полезными, всегда есть возможности для злоупотребления. Проблемы двойного назначения были сосредоточены вокруг способности генерировать микроорганизмы с измененной вирулентностью, повышенной трансмиссивностью, способностью дольше оставаться заразными, повышенной способностью заражать или распространяться среди хозяев или уклоняться от терапевтических или диагностических методов, устойчивостью к противомикробным агентам, вооружением и созданием или восстановлением уничтоженного или вымершего агента или токсина.

Таким образом, в докладе Австралии синтетическая биология рассматривается как технология двойного назначения, применение которой в части обеспечения безопасности необходимо контролировать.

Подобный подход содержится и в докладе США, представленном на Совещании госу-

²⁰ URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G1922438&t=doc>.

²¹ Synthetic biology advances and applications in the biotechnology industry: a perspective / L. Katz, Y. Y. Chen, R. Gonzalez [et al.] // J. Ind. Microbiol. Biotechnol. 2018. No. 45. P. 449–461.

²² Wimmer E., Mueller S., Tumpey T. M., Taubenberger J. K. Synthetic viruses: a new opportunity to understand and prevent viral disease // Nat. Biotechnol. 2009. No. 27. P. 1163–1172.

²³ Synthetic Biology in Australia: An Outlook to 2030. Report for the Australian Council of Learned Academies, 2018 / P. Gray, S. Meek., P. Griffiths [et al.] // URL: <http://www.acola.org.au/>.

дарств — участников Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 30 июля 2008 г. под названием «Синтетическая биология: преобразующая технология»²⁴.

В докладе отмечается, что синтетическая биология относится к проектированию и созданию биологических компонентов и систем, которые еще не существуют в мире природы, а также к перепроектированию существующих компонентов и систем с приданием новых биологических функций. Будучи междисциплинарной областью, включающей биологов, инженеров, химиков и специалистов по компьютерному моделированию, и развивающейся областью, выходящей за рамки традиционной геномной инженерии, синтетическая биология готова стать следующей значительной трансформационной технологией для наук о жизни и за ее пределами.

Синтетическая биология обладает рядом особенностей, отличающих ее от традиционной геномной инженерии или технологии рекомбинантной ДНК, в числе которых тот факт, что нет необходимости в существующем генетическом материале (т.е. целые или частичные геномы могут быть синтезированы химическим путем) и что достижения в области автоматизированного синтеза нуклеиновых кислот позволяют гораздо быстрее проводить и последующее тестирование вновь разработанных генетических последовательностей.

Синтетическая биология, включая синтетическую геномику, обладает огромным потенциалом для содействия прогрессу в развитии различных дисциплин. К ним относится быстрое, недорогое и эффективное производство фармацевтических препаратов, таких как вакцины, средства диагностики и лечения.

Одной из ключевых концепций синтетической биологии является проектирование и разработка стандартных биологических частей, методов проектирования и инструментов, позволяющих использовать инженерный подход при создании сложных живых систем.

В то время как синтетическая геномика (синтетическая биология) имеет потенциально широкие полезные приложения для понимания жизненных процессов и разработки промыш-

ленных приложений для улучшения качества жизни, она также может быть использована не по назначению. Та же технология может позволить неуполномоченным лицам или потенциальным террористам обойти существующие механизмы контроля патогенов и получить доступ к последовательностям и организмам, вызывающим озабоченность, посредством синтеза *de novo*. Обеспокоенность по поводу этой возможности привлекла внимание различных заинтересованных сторон, включая членов научного сообщества, индустрию синтетических нуклеиновых кислот и правительство США.

В 2006 г. Национальный научный консультативный совет США по биобезопасности (NSABB)²⁵, консультативный комитет при правительстве США, выпустил ряд рекомендаций (Решение проблем биобезопасности, связанных с синтезом избранных агентов²⁶) для правительства США относительно использования синтетической геномики для синтеза генетических последовательностей избранных агентов. Отдельные агенты являются особо опасными патогенами, подпадающими под действие национальной системы надзора и регулирования биобезопасности, которая включает в себя регистрацию объектов, процедуры проверки безопасности для исследователей и контроль за передачей и инвентаризацией. Задача NSABB, которая привела к разработке этого отчета, заключалась в том, чтобы изучить потенциальные проблемы биобезопасности, возникающие в связи с синтезом отдельных агентов, оценить адекватность текущей внутренней нормативно-правовой базы США для защиты от неправомерного использования синтетических технологий, а также рекомендовать потенциальные стратегии для решения любых проблем биобезопасности.

Регулирование общественных отношений в сфере синтетической биологии в Российской Федерации

Понятие «синтетическая биология» используется в законодательстве Российской Федерации. Так, в пункте 22 Указа Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких

²⁴ URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G0862536&t=doc>.

²⁵ URL: <https://osp.od.nih.gov/policies/national-science-advisory-board-for-biosecurity-nsabb#tab0/>.

²⁶ URL: https://osp.od.nih.gov/wp-content/uploads/2013/06/Final_NSABB_Report_on_Synthetic_Genomics.pdf.

технологий»²⁷ в числе сквозных технологий упоминаются технологии, основанные на методах синтетической биологии и геной инженерии.

Кроме того, в Указе Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу»²⁸ (п. 8) к числу основных биологических угроз относится проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии. Создание в Российской Федерации системы мониторинга разработок в области синтетической биологии, в том числе продукции, созданной с использованием технологий синтетической биологии, является одной из основных задач государственной политики в рамках обеспечения химической и биологической безопасности в части, касающейся совершенствования нормативно-правового регулирования и государственного управления в этой сфере (пп. 16 п. 14 Указа).

В постановлении Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации»²⁹ упоминаются услуги, связанные с разработкой продукции агропромышленного комплекса с использованием технологий синтетической биологии.

В Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р³⁰, определяется, что

исследования в области синтетической биологии направлены на создание технологий и инструментов целенаправленного изменения и конструирования геномов с целью создания организмов и их компонентов, содержащих не встречающиеся в природе биосинтетические пути. В результате этих работ в дальнейшем предполагается формирование подходов к разработке технологий создания полностью искусственных живых организмов. Биотехнология и синтетическая биология включены в Перечень приоритетных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 годы по направлению «Биология развития и эволюция живых систем».

Легальное определение понятия «синтетическая биология» содержится в Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»³¹, в соответствии с которым синтетическая биология — междисциплинарное научное направление, связанное с проектированием и созданием не имеющих аналогов в природе биологических систем и объектов с заданными свойствами и функциями. Законом также устанавливается, что проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии относится к основным биологическим угрозам (ст. 8); предупреждение и предотвращение опасной техногенной деятельности, в том числе возможного бесконтрольного использования генетических материалов и технологии синтетической биологии, названы в числе мер защиты населения и охраны окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и предотвращения биологических угроз (ст. 9). Согласно п. 1 ч. 3 Закона для предупреждения и предотвращения бесконтрольного осуществления опасной техногенной деятельности с применением биологических технологий проводится мониторинг разработок в области биологической безопасности, а также разработок продукции, в том числе созданной с использованием гено-инженерных технологий и технологий синтетической биологии, в порядке, установленном Правительством РФ.

Кроме того, определение синтетической биологии содержится в ГОСТ Р 22.0.04–2020

²⁷ СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

²⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44066>.

²⁹ СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 3141.

³⁰ СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 609.

³¹ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 31.

«Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 11.09.2020 № 643-ст)³². Стандарт закрепляет термины и определения понятий в области безопасности в биологических чрезвычайных ситуациях. Термины, предусмотренные стандартом, обязательны для применения во всех видах документации и литературы по безопасности в чрезвычайных ситуациях, входящих в сферу работ по стандартизации и/или использующих результаты этих работ.

В соответствии с указанным ГОСТом синтетическая биология — искусственное проектирование биологических систем и живых организмов с заданными свойствами и функциями, в том числе и тех, которые не имеют аналогов в природе, для применения в биотехнологической промышленности или биологических исследованиях.

Заключение

Анализ содержащихся в международных правовых актах, а также в законодательстве Российской Федерации определений и направлений использования понятия позволяет сделать следующие выводы.

Комплексное регулирование общественных отношений в сфере синтетической биологии на международно-правовом уровне отсутствует.

Понятие «синтетическая биология» используется в нескольких аспектах:

- как направление научных исследований;
- как технология для производства в сфере агропромышленного комплекса и других гуманитарных сферах;

— как технология, которая может быть применена для создания патогенов, которые угрожают биологической безопасности, в отношении которой необходимо принимать меры предупреждения и предотвращения биологических угроз и проводить соответствующий мониторинг биологических разработок.

На уровне Российской Федерации отдельное правовое регулирование синтетической биологии в первых двух аспектах нецелесообразно, так как в этих случаях соответствующие общественные отношения подпадают под уже существующее регулирование в более общих областях: регулирование научных исследований и регулирование в сфере биотехнологий, биоэкономики, генетических технологий.

Между тем целесообразно развитие регулирования применения технологий синтетической биологии для возможного создания патогенных организмов и других угроз в области биобезопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Р. А., Черникович В. Ю., Евтеева М. А., Сахаров Д. А., Патрушев М. В. Синтетическая биология. Современное состояние и применение // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. 2021. № 39 (1). С. 18–30. URL: <https://doi.org/10.17116/molgen20213901118>.

Патрушев М. В., Борисова А. А., Намсараев З. Б. Синтетическая биология: основные характеристики направления // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18. № 3. С. 311–319. DOI: 10.56304/S1992722323030081.

Getie B., Andualem B. Synthetic Biology and International Regulatory Law // Annual Research & Review in Biology. 2023. Vol. 38 (11). P. 39–53. URL: <https://doi.org/10.9734/arrb/2023/v38i1130617>.

Science & Tech Spotlight: Synthetic Biology / GAO-23-106648 (2023. Apr. 17) // URL: <https://www.gao.gov/products/gao-23-106648> (дата обращения: 14.04.2024).

Synthetic Biology / Secretariat of the Convention on Biological Diversity. CBD Technical Series No. 100. Montreal, 2022. 196 p. URL: <https://www.cbd.int/doc/publications/cbd-ts-100-en.pdf>.

Synthetic biology advances and applications in the biotechnology industry: a perspective / L. Katz, Y. Y. Chen, R. Gonzalez [et al.] // J. Ind. Microbiol. Biotechnol. 2018. No. 45. P. 449–461.

Synthetic Biology in Australia: An Outlook to 2030. Report for the Australian Council of Learned Academies, 2018 / P. Gray, S. Meek., P. Griffiths [et al.] // URL: <http://www.acola.org.au/>.

Wimmer E., Mueller S., Tumpey T. M., Taubenberger J. K. Synthetic viruses: a new opportunity to understand and prevent viral disease // Nat. Biotechnol. 2009. No. 27. P. 1163–1172.

³² URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200175573?ysclid=m6ewtarhe5235062379>.

REFERENCES

Getie B, Andualem B. Synthetic Biology and International Regulatory Law. *Annual Research & Review in Biology*. 2023;38(11):39-53. Available from: <https://doi.org/10.9734/arrb/2023/v38i1130617>.

Gray P, Meek S, Griffiths P, Trapani J, Small I, Vickers C, Waldbly C, Wood R. Synthetic Biology in Australia: An Outlook to 2030. Report for the Australian Council of Learned Academies. 2018. Available from: <http://www.acola.org.au/>.

Katz L, Chen YY, Gonzalez R, Peterson TC, Zhao H, Baltz BH. Synthetic biology advances and applications in the biotechnology industry: a perspective. *Journal of Industrial Microbiology and Biotechnology*. 2018;45:449-461.

Patrushev MV, Borisova AA, Namsaraev ZB. Synthetic biology: Main characteristics of the field. *Rossiyskie nanotekhnologii*. 2023;18(3):311-319. (In Russ.). DOI: 10.56304/S1992722323030081.

Science & Tech Spotlight: Synthetic Biology GAO-23-106648. Apr. 17, 2023. Available from: <https://www.gao.gov/products/gao-23-106648> [cited 2024 April 14].

Secretariat of the Convention on Biological Diversity. Synthetic Biology. CBD Technical Series. 2022; No. 100. 196 p. Available from: <https://www.cbd.int/doc/publications/cbd-ts-100-en.pdf>.

Vasiliev RA, Chernikovich VYu, Evteeva MA, Sakharov DA, Patrushev MV. Synthetic biology. Current state and application. *Molekulyarnaya genetika, mikrobiologiya i virusologiya*. 2021;39(1):18-30. (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.17116/molgen20213901118>.

Wimmer E, Mueller S, Tumpey TM, Taubenberger JK. Synthetic viruses: A new opportunity to understand and prevent viral disease. *Nature Biotechnology*. 2009;27:1163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нечаева Елена Константиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
eknechaeva@msal.ru

Некотенева Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mvnekoteneva@msal.ru

Кубышкин Алексей Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры медицинского права, старший научный сотрудник НОЦ правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avkubyskin@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena K. Nechaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eknechaeva@msal.ru

Maria V. Nekoteneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvnekoteneva@msal.ru

Aleksey V. Kubyskin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Medical Law, Senior Researcher, Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
avkubyskin@msal.ru

Материал поступил в редакцию 10 мая 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 января 2025 г.
Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 10.05.2024.
Revised 14.01.2025.
Accepted 15.01.2025.

А. М. Анисов

Институт философии РАН
г. Москва, Российская Федерация

О. В. Малюкова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Учение о понятии и современные юридические штудии

Резюме. В современных юридических исследованиях активно используется логическая информация устаревшего типа. В статье показано, что традиционная логика в принципе не способна к адекватному анализу понятий-отношений, что резко сужает ее возможности. В ходе исследования было установлено, что любое понятие не является мыслью об объекте, а представляет собой свойство или отношение, т.е. *n*-местный предикат. Следовательно, деление понятий на конкретные и абстрактные лишено смысла. Представление о содержании понятия — самое слабое место традиционной логики, ибо вопросы о составе содержания, количестве признаков содержания даже не ставятся. В статье доказывается, что содержание любого понятия — это всегда бесконечное множество формул (признаков). И поскольку объемы понятий могут содержать любое количество элементов, то никакой количественной связи между объемом и содержанием понятий не существует, что представляет собой не критику закона об обратном отношении, а его отрицание. Проведенный средствами современной логики анализ учения о понятии существенно расширяет возможности как обыденной, так и научной практики, в частности современных юридических изысканий.

Ключевые слова: юридическая наука; судопроизводство; традиционная логика; современная логика; понятие; определение понятий; абстрактное понятие; конкретное понятие; объем понятия; содержание понятия; признаки понятия; деление понятий; типизация; классификация; закон обратного отношения

Для цитирования: Анисов А. М., Малюкова О. В. Учение о понятии и современные юридические штудии. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 112–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.112-129

The Doctrine of the Concept and Modern Legal Studies

Aleksandr M. Anisov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Olga V. Malyukova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Abstract. In modern legal research, outdated logical information is actively used. The paper shows that traditional logic, in general, is not capable of an adequate analysis of concepts and relations, which sharply narrows its

possibilities. In the course of the study, it was found that any concept is not a thought about an object, but a property or relation, i.e., an *n*-local predicate. Therefore, the division of concepts into concrete and abstract ones is meaningless. The idea of the content of a concept is the weakest point of traditional logic, because questions about the composition of the content and the number of features of the content are not even raised. The paper proves that the content of any concept is always an infinite set of formulas (signs). Since the volumes of concepts can contain any number of elements, there is no quantitative relationship between the volume and the content of concepts, which is not a criticism of the law of the inverse relation, but its denial. The analysis of the doctrine of the concept carried out by means of modern logic significantly expands the possibilities of both everyday and scientific practice, in particular modern legal research.

Keywords: legal science; court procedure; traditional logic; modern logic; concept; definitions of concepts; abstract concept; concrete concept; scope of the concept; content of the concept; signs of the concept; division of concepts; typification; classification; law of the inverse relation

Cite as: Anisov AM, Malyukova OV. The Doctrine of the Concept and Modern Legal Studies. *Lex russica*. 2025;78(2):112-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.112-129

Введение

Учение о понятии своими корнями уходит в «теорию идей» Платона. Согласно этой теории, все идеи-понятия образуют строгую иерархию, вершиной которой является идея блага, а нижние уровни образуют конкретные единичные понятия, соотносимые с единичными объектами «мира вещей». Эта «идеальная» схема была скорректирована Аристотелем, но концептуально осталась прежней. В философском плане она является, по меткому выражению А. М. Анисова, «архаической традиционно-логической доктриной эссенциализма», более того, «путанное и рыхлое учение традиционной логики о понятии является рецидивом схоластики, и его давно пора отправить на кладбище идей»¹.

К архаизмам учения о понятии можно отнести убежденность в том, что наличие термина означает существование понятия, которому надо найти определение, желательно в формате через род и видовое отличие, в котором зафиксированы некие сущностные признаки. Эти сущностные признаки, или сущность, понимание которых различно в различных философских системах, и есть содержание понятия, связанное с объемом через закон обратного соотношения. Хорошо известны проблемы, обусловленные операциями обобщения и ограничения, эти операции хорошо выглядят только на примерах, на деле же ситуации добавления или отбрасывания признака оказываются не такими простыми. Традиционное учение о понятиях до сих пор обходится без формул.

Период возникновения и формирования «архаического» учения о понятии представляет собой отдельную историко-логическую тему, поскольку судьба конкретных произведений Аристотеля и других античных авторов драматична и запутанна. Определение их конкретного вклада в учение о понятии выходит за рамки настоящего исследования. В классическом произведении поздней Античности «Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциан Капелла устами дамы Диалектики представляет «шесть сводов правил, согласно которым строятся прочие дисциплины». «В первом разделе рассматривается, что такое род, форма, отличительное свойство, случайное свойство, собственное свойство, определение, целое, часть, каким образом производится подразделение, а каким — деление на части...»². В этом перечне легко усматривается структура учения о понятии, приводимая в современных учебниках и задачниках по логике для гуманитариев.

Структура учения о понятии, приводимая в задачниках, включает в себя теоретические и практические элементы. В теоретическом плане дается определение того, что такое понятие, каковы его объем и содержание, существенные и отличительные признаки, виды понятий по объему и содержанию, употребление в различном смысле, логическая характеристика понятия. В качестве упражнений предлагается указать общие, единичные и нулевые понятия; среди общих понятий выделить регистрирующие и нерегистрирующие понятия; определить собирательные понятия; установить, в каком

¹ Анисов А. М. Современная логика и онтология. М. : Ленанд, 2022. Кн. 1. С. 65.

² Капелла М. Бракосочетание Филологии и Меркурия. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. С. 145.

смысле — собирательном или разделительном — употребляются выделенные понятия; отметить конкретные и абстрактные понятия, положительные и отрицательные понятия, безотносительные и соотносительные понятия; дать логическую характеристику понятиям. Раскрываются отношения между понятиями, а именно: понятия сравнимые и несравнимые; сравнимые понятия — совместимые (три вида) и несовместимые (три вида); круговые схемы — круги Эйлера; отношения рода и вида и части и целого.

В качестве упражнений предлагается также определить вид отношений между совместимыми понятиями и изобразить их с помощью кругов Эйлера; к данным понятиям подобрать равнообъемные понятия или понятия, находящиеся в отношении пересечения к данным, или подчиненные и подчиняющие понятия; указать, какие понятия выражают отношение рода и вида, а какие — части и целого; определить виды отношения между несовместимыми понятиями с помощью кругов Эйлера; подобрать понятия, находящиеся в соотношении соподчинения к родовым понятиям, или понятия, противоположные и противоречащие исходным. Специально анализируются операции с понятиями: обобщение понятий, ограничение понятий, закон обратного отношения между объемом и содержанием понятий. С этой целью используются упражнения по обобщению и ограничению понятий, а также проверка правильности сделанных обобщений и ограничений. Особое внимание уделяется операции определения, рассматриваются структура определения, виды определения, правила определения, оstenсивные определения, приемы, заменяющие определения.

В практических заданиях предлагается указать вид определения (номинальное или реальное, явное или неявное), выделить определения через род и видовое отличие, а также приемы, заменяющие определение; произвести анализ определений через род и видовое отличие, указать определяемое и определяющее понятия, в последнем — род и видовое отличие; установить правильность приведенных определений, а в неправильных указать, какое правило нарушено. Операция деления понятий раскрывается через определение данной операции, структуру деления, виды де-

ления, правила деления, деление понятия и расчленение целого на части, классификацию. В упражнениях по теме предлагается указать вид деления, делимое понятие, члены деления, основание деления приведенных понятий; указать, где произведено деление объема понятия, а где — расчленение целого на части; разделить объемы предложенных понятий по любому основанию; проверить правильность деления понятий, в неправильных указать, какие правила нарушены.

Приведенная терминология до настоящего времени используется в юридической документации и аргументации. Хорошо известно, что логика и практическая юриспруденция на протяжении многих веков шли рука об руку. С момента официального становления логики в формате аристотелевской силлогистики излюбленным объектом исследования и применения логики становится судопроизводство. Со своей стороны, юристы пытаются использовать логические знания для придания юридическим рассуждениям убедительности и доказательности. Логическая и риторическая теория аргументации во многом является результатом совместной деятельности логиков и юристов. Более того, имеются убедительные данные о том, что именно появление логики прекратило кризис судопроизводства, возникший в античном мире вследствие деятельности софистов. По мнению Д. Е. Пономарева, «право — один из конститутивных элементов европейской культуры, выражающий лежащую в ее духовно-смысловой основе идею рациональности. Логическое учение, транслирующее рациональность в сферу юридических практик, было разработано греческой философией для борьбы с судебной и политической софистикой как социально деструктивной интеллектуальной технологией».

Последующее усвоение древнегреческого логического наследия определило сущностные черты европейского права и правоведения³. С Античности и до настоящего времени логика является обязательным предметом юридического образования. Советским юристам она преподавалась даже тогда, когда в 20-е и 30-е гг. XX в. логика была практически запрещена. Первыми советскими учебниками по логике были учебник М. С. Строговича «Логика» 1946 г. для слушателей Военно- юриди-

³ Пономарев Д. Е. Право и рациональность: у истоков юридического мышления // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 9–14.

ческой академии, «Логика (стенограммы лекций)» А. А. Чудова 1947 г. с пометкой «только для школ МВД», «Логика» В. Ф. Асмуса 1947 г. Наиболее востребованными разделами для изучения были «учение о понятии» и «учение о силлогизме». В адвокатских историях В. Лившица приводится такой пример: «Что касается науки, то здесь всё просто: в одну руку берешь норму права (в качестве общего правила), в другую — рассказ клиента (в качестве частного случая) и нахлобучиваешь одно на другое. Если не получается — добавляешь нужные детали или убираешь ненужные. Это называется построение силлогизма и относится к формальной логике, которую проходят на первом курсе университета»⁴. Востребованность в юридической науке и юридической практике учения о понятии привела к появлению учебных пособий с названием «Юридическая логика», а также к попыткам, к счастью нереализованным, создать науку с аналогичным наименованием.

К современным юридическим исследованиям (как и в других областях научного знания) можно отнести монографические и диссертационные тексты, а также их публичное обсуждение. Эти тексты активно используют логические данные из сферы учения о понятии, а именно объем и содержание понятий, обобщение и ограничение понятий, операции определения и деления объема понятий, а также классификацию. Сама логическая информация берется из любого учебника по логике. Примером, хорошо подтверждающим всё сказанное выше, может служить защита докторской диссертации по юридическим наукам (с ней можно ознакомиться по ссылке: URL: <https://academy-skrf.ru/dissov/infoszash2023.php>). На защите в качестве неофициального оппонента выступил д. ю. н. Л. В. Голоскоков, для создания отрицательного отзыва он использовал учебники А. Д. Гетмановой 2011 г. издания и Г. В. Челпанова 1917 г. издания. Ошибочность диссертационного исследования им сформулирована следующим образом:

«Классификация является разновидностью деления понятия, и для нее обязательно выполнение всех правил, сформулированных относительно операции деления понятия. Диссертант не применяет эти правила, поэтому все его дальнейшие операции с созданием клас-

сификаций не основаны на науке. Для доказательства этого приведем правила из учебника логики:

“1. Соразмерность деления: объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления. Нарушение этого правила ведет к ошибкам двух видов: а) неполное деление, когда перечисляются не все виды данного родового понятия; б) деление с лишними членами.

2. Деление должно проводиться только по одному основанию.

Это означает, что нельзя брать два или большее число признаков, по которым бы производилось деление. Неправильным является такое деление: ‘Транспорт делится на наземный, водный, воздушный, транспорт общего пользования, транспорт личного пользования’, — ибо допущена ошибка ‘подмена основания’, т.е. деление произведено не по одному основанию. Сначала в качестве основания деления берется вид среды, в которой осуществляются перевозки, а затем за основание деления берется назначение транспорта.

3. Члены деления должны исключать друг друга, т.е. не иметь общих элементов, быть соподчиненными понятиями, объемы которых не пересекаются”.

Диссертант пошел против всех этих трех правил логики:

1) привел неполное деление, когда перечислил не все виды данного родового понятия, — видов транспорта намного больше четырех;

2) допустил (на с. 82) подмену основания — подобную той, что приводит учебник логики 2011 г., рассматривая типичную ошибку. Если бы диссертант почитал этот учебник, то увидел бы свою т.н. “классификацию”, которая приводится в учебнике для демонстрации ошибки деления понятия, и у диссертанта мы видим подобную ошибку, но он считает, что его ошибка — это: 1) классификация; 2) научное открытие; 3) новизна; 4) основа его новой теории. Одну ошибку он превращает в четыре “достижения”. Сложность темы экспертиз не отменяет законы логики, которые универсальны, и об этом написал Р. С. Белкин в своем “Курсе криминалистики” на с. 288;

3) члены деления (у диссертанта это 1) автомобильный и 4) рельсовый транспорт) являют-

⁴ Лившиц В. Защита Лившица : адвокатские истории. М. : АСТ, 2009.

ся наземными видами транспорта, а это общий элемент»⁵.

Дальнейший текст отзыва, состоящего из 21 страницы, изобилует отсылками к ошибкам в классификации, методам образования понятий и созданию новых понятий вида «концепция теории», способам определения. И это далеко не единственный пример столь активного использования логического инструментария в современной юридической науке. Типичная тематика юридических конференций выглядит следующим образом.

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России) 23 апреля 2024 г. проводит научно-практическую конференцию «Денацификация Украины: теория и практика». Соорганизатором конференции выступает Мариупольский государственный университет юстиции имени А. И. Куинджи. В рамках проведения научно-практической конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Вопросы понятийного аппарата денацификации.
2. Рассмотрение видов, форм и методов денацификации.
3. Анализ существующего нормативно-правового обеспечения видов, форм и методов денацификации.
4. Идеологическая война в настоящее время: конструктор и его прекращение.
5. Как интегральный национализм перевоплотился в современную форму государственного террора.

Базовым направлением исследований выступает понятийность в форме поиска определений и классификации. Хорошим примером современного использования учения о понятии является написание в 2024 г. нового Комментария (еще не опубликованного) к Кодексу судебной этики под ред. В. В. Момотова, председателя Совета судей РФ, д. ю. н., профессора. Традиционно Комментарий включает главу, в данном случае № 1, ст. 3 «Понятия, используемые в Кодексе судебной этики», а одной из целей обновления Комментария является закрепление определения судебной ошибки и ее признаков, при наличии которых она может

служить основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Не следует забывать и о том, что любое юридическое диссертационное исследование в обязательном порядке включает в себя настойчивые поиски определения понятий изучаемых объектов.

Традиционная логика как логика свойств. Объем понятия в традиционной и современной логике

Учебная дисциплина под названием «Логика», которая преподается юристам и другим гуманитариям, на самом деле оказывается традиционной логикой. *Традиционная логика* была создана Аристотелем в IV в. до н. э. и просуществовала в, по сути, неизменном виде более двух тысяч лет. Это беспрецедентный случай в истории науки. Все другие науки менялись, зачастую весьма радикально. Лишь логика оставалась в стороне от совершавшихся больших и малых научных революций. Говоря словами И. Канта, не каждое исследование сразу вступило на верный путь науки, но к логике это не относится.

«Логика с древнейших времен уже пошла этим надежным путем. Это видно из того, что со времен Аристотеля она не принуждена была сделать *ни одного шага назад*, если не принимать в расчет исключение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, так как эти улучшения ведут скорее к изяществу, чем к упрочению научности. Замечательно, что логика до сих пор не могла также сделать *ни одного шага вперед* и, по-видимому, имеет [совершенно] замкнутый, законченный характер»⁶.

Действительно, ни одного шага назад, ни одного шага вперед! Ни в Античности, ни в Средние века, ни в Новое время никаких существенных трансформаций в логике не произошло. Сказанное могут оспаривать, но по гамбургскому счету Кант здесь совершенно прав. Как правы и те современные логики, которые так или иначе присоединяются к оценке немецкого мыслителя. Ограничимся одной цитатой: «Труды Аристотеля сыграли огромную роль во всей дальнейшей истории логики. Философы и логики многих последующих веков, по существу, лишь ограничи-

⁵ *Голоскоков Л. В.* Отзыв на диссертацию Ильина Николая Николаевича «Транспортные экспертизы в уголовном судопроизводстве России: теория и практика», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» // URL: <https://academy-skrf.ru/dissov/infoszash2023.php>.

⁶ *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. С. 30.

вались комментариями и изложениями логики Аристотеля»⁷. Могли меняться философские толкования логики, наборы терминов, логические примеры, появляться отдельные дополнения и уточнения — при всем этом ядро традиционной логики оставалось неизменным.

Это ядро состояло из трех частей: учение о *понятии*, учение о *суждении* и учение об *умозаключении*. В учебной литературе по традиционной логике схема изложения выстраивалась в виде цепочки *понятие — суждение — умозаключение*. Эта схема может показаться очень разумной. Ведь умозаключением в традиционной логике называют (если отвлечься от апеллирующих к мышлению) выведение из посылок заключения. А это не что иное, как рассуждение. Рассуждение состоит из высказываний. Но высказывание — это то же самое, что и суждение. Отсюда получается, что рассуждение (и, значит, умозаключение также) состоит из суждений. В свою очередь, суждения строятся из понятий подобно тому, как предложения строятся из слов. Например, суждение «Собаки — это животные» включает в себя понятия «собаки» и «животные». Значит, чтобы разобраться в умозаключениях, надо прежде исследовать суждения, а для этого вначале требуется уяснить, что такое понятие. Стало быть, необходимо идти от понятий к суждениям, а от них — к умозаключениям. Такой порядок традиционной логикой представлялся неизменным.

Ввиду обилия литературы по традиционной логике на русском языке, каждый год пополняющейся вновь издаваемыми и переиздаваемыми книгами, нет необходимости в очередной раз пересказывать известное со времен Античности содержание учебников, каждый может сделать это самостоятельно. Но есть и более важная причина для отказа от подробного изложения. Дело в том, что традиционная логика безнадежно устарела и ныне представляет лишь исторический интерес. Более того, как это ни покажется парадоксальным, традиционная логика устарела уже в момент ее возникновения, поскольку была совершенно не в состоянии анализировать своими средствами доказательные математические рассуждения своего времени. Более двух тысячелетий логи-

ка и математика шли своими путями, хотя шла, по-видимому, только математика.

Как в учении о высказываниях и силлогизмах, так и в учении о понятиях в традиционной логике имеются существенные неясности, не позволяющие успешно применять эту логику на практике, в том числе в юриспруденции. Так, в отношении учения о силлогизмах возникающие там ошибки можно устранить средствами современной логики⁸. Но этого не удалось сделать в отношении традиционно-логического учения о понятиях. В данной статье будет предпринята попытка хотя бы частично прояснить ситуацию применительно к учению о понятиях.

Теория понятий в современной логике существует и подробно изложена в ряде монографий и специализированных учебников⁹, а также в монографии Е. К. Войшвилло¹⁰. Теория понятий современной логики — это логика предикатов первого порядка, которая предоставляет адекватные средства анализа понятий с семантической и синтаксической точек зрения. Однако, и это следует признать, эти адекватные средства, к сожалению, совершенно не сочетаются с традиционным учением о понятиях, за исключением, пожалуй, вопросов, связанных с *объемами* понятий. Что касается проблем с *содержанием* понятий, то современная логика обходится без уточнения того, что следует иметь в виду под этим содержанием. Тем самым рушится традиционно-логическое учение о неразрывной связи объема и содержания понятий, явно выраженное в так называемом законе об обратном отношении объема и содержания. Рассмотрение учения о понятиях по традиции начинается с объема понятия.

Объемом понятия *P* традиционная логика называет совокупность, класс, множество (в этой логике данные термины, как правило, не различаются) тех предметов, объектов, вещей (вновь эти термины не различаются), которые *мыслятся* в данном понятии.

Сам термин «мыслятся» отбрасывает нас к архаичному представлению о логике как науке о мышлении. Несостоятельность данного представления достаточно подробно продемонстрирована А. М. Анисовым¹¹. Не повторяя сказанного там, ограничимся только одним

⁷ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. С. 603.

⁸ Анисов А. М. Современная логика и онтология. Кн. 1, гл. 3.

⁹ Анисов А. М. Современная логика и онтология. Кн. 1, гл. 7.

¹⁰ Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. Логико-философский анализ. М. : Либроком, 2019.

¹¹ Анисов А. М. Современная логика и онтология. Кн. 1, гл. 1.

контрдоводом. Вряд ли разумно отрицать, что надлежащим образом запрограммированные компьютеры могут сопоставлять понятийные термины и некоторые конкретные множества объектов. Однако отсюда не следует, что компьютеры мыслят. Так что в приведенном определении слово «мыслят» следует заменить хотя бы только что использованным нейтральным термином «сопоставляются»: множество предметов, которые *сопоставляются* с данным понятием.

В трактовке объема понятий традиционной логикой можно обнаружить и более существенный и неустранимый изъян. Обычно приводимые в учебниках примеры понятий представляют собой *свойства*, хотя многие уверены, что это объекты, и объекты достаточно наглядные: Животное, Человек, Юрист, Преступник, Студент, Город, Натуральное число и т.д. Тогда как на практике часто приходится иметь дело с понятиями, представляющими *отношения* двух и более индивидов: Больше, Меньше, Старше, Находится между, Встретил и т.д. С современной точки зрения между понятиями первого и второго ряда пролегает логическая пропасть. Оказалось, в частности, что логика свойств *разрешима*, тогда как логика отношений *неразрешима*. Разрешимость логики свойств означает, что существует алгоритм, позволяющий по произвольной формуле этой логики определить, будет формула законом логики или не будет. Для логики отношений доказано, что такого алгоритма не существует, так что эта логика неразрешима. На практике это означает, что работа с законами логики отношений сложнее, чем работа с законами логики свойств.

Традиционная логика представляет собой *теорию свойств*, да еще и упрощенную, и весьма несовершенную. Тогда как современная логика есть *логика отношений*, включающая в себя логику свойств как свой фрагмент, причем в случае традиционной логики — «убогий фрагмент», как выразился выдающийся логик Я. Лукасевич, специально занимавшийся этим вопросом¹². Современная логическая форма понятий-свойств представлена записью $P(x)$, которая может быть прочитана как «объект x обладает свойством P », в то время как понятия-отношения представлены формой $R(x_1, x_2, \dots, x_n)$ (где натуральное $n > 0$ и называется *местностью* отношения), которая читается как «объекты $(x_1, x_2, \dots, x_n)$ находятся в отношении R ». При $n = 1$ отношение R превращается в свойство, что

позволяет определить свойство как одностное отношение.

В случае двухместных (бинарных) отношений знак отношения принято ставить посередине записи, так что вместо, например, $> (x, y)$ разрешается писать $x > y$ для выражения отношения «Больше». Но трехместные (тернарные) отношения и отношения с большим количеством мест так не запишешь, поэтому остается только универсальная форма $R(x_1, x_2, x_3)$, $R(x_1, x_2, x_3, x_4)$ и т.д. Правда, естественный язык позволяет нарушать это правило, как в случае с тернарным отношением «Находится между». Например, вместо формально правильного «*Находится между* (Бологое, Москва, Санкт-Петербург)» привычнее сказать: «Бологое *Находится между* Москвой и Санкт-Петербургом». Или вместо стандартной формы «*Встретил* (x, y, s, t) » записать « x *Встретил* y в месте s в момент времени t ». Но эти лингвистические нюансы не меняют сути.

А суть заключается в том, что *традиционная логика в принципе не способна к адекватному анализу понятий-отношений*. Она этим и не занимается. И поскольку в обучении будущих юристов и представителей других общественных и гуманитарных дисциплин образовательные стандарты ограничиваются традиционной логикой, то дальнейшее рассмотрение вопросов, связанных с характеристиками объемов и содержаний понятий, будет направлено исключительно на логический анализ понятий-свойств, проводимый в рамках современной логики.

Данный анализ предполагает четкое различение *семантических* и *синтаксических* структур. Любое понятие-свойство синтаксически может быть представлено формой вида $P(v)$, где P — знак понятия, а v — символ индивидуальной переменной из списка x, y, z (возможно, с нижними индексами). Например, свойства «Животное», «Смертный», «Человек», «Юрист», «Грек» могут быть записаны в форме «*Животное* (x) », «*Смертный* (x) », «*Человек* (y) », «*Юрист* (y) », «*Грек* (z) ». Этим синтаксические формы семантически сопоставляются с множеством объектов, обладающих свойствами животных, смертных существ, людей, юристов и греков. Разумеется, указанное семантическое сопоставление имеет абстрактный характер, поскольку в действительности мы не располагаем перечисленными множествами. Но в науке это обычная ситуация. В конце концов, в действи-

¹² Лукасевич Я. О детерминизме // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 185.

тельности мы не располагаем и множеством натуральных чисел ввиду его бесконечности.

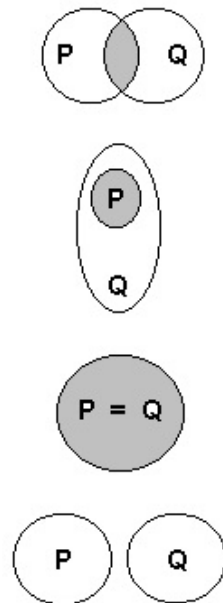
Объемом понятия $P(v)$ в современной логике называется *множество* V , семантически сопоставленное с понятием $P(v)$. Для объема V допускаются все возможные количественные характеристики: V может быть пустым ($V = \emptyset$) или непустым ($V \neq \emptyset$), содержать один-единственный элемент или несколько элементов, быть конечным или бесконечным.

Раз уж мы использовали понятие *множество*, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать это понятие, не входя в тонкости теории множеств, лежащей далеко за пределами традиционной логики. Каждое множество M , за исключением пустого, состоит из *элементов*, *принадлежащих* к этому множеству. Отношение принадлежности элемента m к множеству M записывается в виде формулы $m \in M$. В соответствии с принципом **экстенциональности**¹³ два множества M и W считаются *равными* тогда и только тогда, когда они состоят из одних и тех же элементов: $M = W \Leftrightarrow \forall x((x \in M) \leftrightarrow (x \in W))$. Далее следует ввести основные операции на множествах: *объединения* ($M \cup W$), *пересечения* ($M \cap W$) и теоретико-множественной *разности* (M / W).

Хотя традиционная логика не в состоянии систематически заниматься анализом отношений, в некоторых простейших случаях ей удается решать задачи с отношениями и представлять эти отношения в виде кругов Эйлера. Например, задача о возможных отношениях

между двумя объемами **P** и **Q** в традиционной логике получает вполне удовлетворительное решение. Есть всего четыре возможных варианта: **P** *пересекается*¹⁴ с **Q**, **P** *включается* в **Q**, **P** *совпадает* с **Q** и **P** *исключает* **Q**¹⁵. Но тот же естественный вопрос, сколько существует вариантов соотношений между тремя, четырьмя и вообще n объемами понятий, в традиционной логике даже не ставится¹⁶, не говоря уже о его решении, хотя конкретные задачи на соотношение трех и более понятий в задачниках по логике обычно присутствуют.

Все четыре варианта могут быть описаны в терминах атрибутивных суждений, которые используются в силлогистике. Так, в случае пересечения **P** и **Q** будут истинными суждения «Некоторые **P** есть **Q**», «Некоторые **Q** есть **P**», «Некоторые **P** не есть **Q**», «Некоторые **Q** не есть **P**». В случае включения **P** в **Q** истинными будут суждения «Все **P** есть **Q**» и «Некоторые **Q** не есть **P**». В случае совпадения **P** и **Q** истинными будут суждения «Все **P** есть **Q**» и «Все **Q** есть **P**». Наконец, в случае исключения **P** и **Q** характеризуют истинные суждения «Ни одно **P** не есть **Q**» и «Ни одно **Q** не есть **P**».

¹³ Принцип экстенциональности, или объемности, — это принцип теории множеств, суть которого в том, что два множества, состоящие из одних и тех же элементов, равны (совпадают, являются равнообъемными). Применительно к логике данный принцип можно сформулировать так: два понятия могут быть отождествлены друг с другом, коль скоро они имеют один и тот же объем. Так, множества, соответствующие понятиям «равносторонние прямоугольники» и «равноугольные ромбы», одни и те же: они представляют собой множество квадратов. В логике этот принцип широко используется. Но в гуманитарных науках данный принцип постоянно нарушается: приходится различать равнообъемные понятия по свойствам, которые в них зафиксированы. Так, два понятия — «животное, способное производить орудия труда» и «животное, обладающее мягкой мочкой уха» — равнообъемны: они выделяют один и тот же класс — класс людей. Но во многих случаях мы не можем их отождествлять, например когда пытаемся дать определение человека как общественного существа. Из двух определений — «человек есть животное, способное производить орудия труда» и «человек есть животное, обладающее мягкой мочкой уха» — будет, безусловно, выбрано первое определение.

¹⁴ Необходимо отметить, что *операция* пересечения и *отношение* пересечения — это разные вещи: операция пересечения двух множеств обязательно даст в итоге третье множество (результат операции), тогда как два множества либо находятся, либо не находятся в отношении пересечения.

¹⁵ Вариант **P** *исключает* **Q** в учебниках обычно представлен тремя видами несовместимых понятий.

¹⁶ Академик Б. М. Кедров, не будучи профессиональным логиком, поставил этот вопрос в своей лекции для студентов философского факультета МГУ в конце 1970-х гг., на которой присутствовали авторы данной статьи.

Круги Эйлера, применяемые для демонстрации отношений между понятиями, были предложены Л. Эйлером. В 1738 г. он читал логику в Санкт-Петербургском университете и для русских студентов, плохо знающих как латынь, так и немецкий язык, стал применять в преподавании учения о понятиях круговые схемы, ибо понятие он определял как «некое пространство или круг», внутри которого находится бесчисленное количество индивидуальных объектов.

Синтаксис и семантика.

Постановка проблемы «содержания понятия»

В предыдущем разделе мы облагородили традиционную логику, приписав ей отсутствующую на самом деле способность различать синтаксические и семантические структуры.

В рассматриваемой ситуации **P** и **Q** — это *множества*, т.е. объекты, относимые к области семантики. Тогда как **P** и **Q** — это *понятия*, являющиеся синтаксическими знаками, обозначающими соответствующие семантические денотаты, представленные множествами. Столь же четко современная логика отличает семантические и синтаксические операции:

1. В семантике операций с множествами пересечение запишется как $P \cap Q$, учитывая требование $P \cap Q \neq \emptyset$.
2. Отношение включения будет представлено в виде семантической формулы $P \subset Q$.
3. Совпадение множеств — это их равенство (как и изображено на рисунке): $P = Q$.
4. Наконец, отношение исключения означает, что результат семантической операции пересечения пуст: $P \cap Q = \emptyset$.

Соответствующие семантическим операциям и отношениям множеств синтаксические конструкции приобретут вид, заметно отличающийся от примитивных записей традиционной логики:

1. Семантическое пересечение описывается синтаксической формулой $\exists x(P(x) \wedge Q(x)) \wedge \exists x(P(x) \wedge \neg Q(x)) \wedge \exists x(\neg P(x) \wedge Q(x))$.
2. Включение — формулой $\forall x(P(x) \rightarrow Q(x)) \wedge \exists x(\neg P(x) \wedge Q(x))$.
3. Совпадение — формулой $\forall x(P(x) \leftrightarrow Q(x))$.
4. Исключение — формулой $\neg \exists x(P(x) \wedge Q(x))$.

Благодаря логическим связкам и кванторам выразительные возможности синтаксической части современной логики свойств оставляют далеко позади традиционную логику свойств. Этих выразительных возможностей, как бу-

дет показано далее, окажется достаточно для адекватного уточнения загадочного термина «признак» традиционной логики, которая так и не сумела придать этому термину сколько-нибудь определенного значения. В результате не только термину «объем понятия», но и термину «содержание понятия» будет придан точный смысл. Уточнение термина «объем понятия» не потребовало далеко идущих обобщений. Некоторые читатели могут даже отнести его к несущественным, посчитав, что приведенные определения этого термина в традиционной и современной логике отличаются лишь в деталях. Авторы так не считают, сознательно избегая антропоморфных рецидивов при описании и истолковании формально-логических конструкций, вроде ссылок на таинственные мыслительные процессы. Как бы там ни было, следует признать, что особых проблем с трактовкой объемов понятий-свойств в традиционной логике не возникало. Чего нельзя сказать о трактовке термина «содержание понятия», даже если соотносить его только с понятиями-свойствами, не затрагивая при этом понятия-отношения.

Проблема классификации в учении о понятии

Логика со времен Канта двигалась вперед семимильными шагами. Одним из направлений этого движения стали изменения в понимании такой значимой темы, как операции с понятиями. Рассмотрим эти изменения применительно к проблеме классификации. Современная логика обосновала не только классификацию, базирующуюся на *делении* объемов понятий, но и классификацию, основанную на *типологизации* объемов понятий. В случае типологизации условие, по которому «члены деления должны исключать друг друга, т.е. не иметь общих элементов, быть соподчиненными понятиями, объемы которых не пересекаются» (в учебниках это условие обычно именуется пунктом 3 правил деления понятия), перестает быть обязательным, ибо разные типы могут пересекаться.

В гуманитарных дисциплинах сплошь и рядом провести жесткое разделение объемов понятий затруднительно из-за специфики объектов изучения этих дисциплин. Например, в психологии широко используется понятие темперамента. Выделяют четыре *типа* темперамента: холерики, сангвиники, флегматики и

меланхолики. При этом не исключается, что некоторый человек может обладать чертами темпераментов нескольких типов. Иначе говоря, не исключается, что объемы этих типов частично пересекаются.

Операция типизации (ни под этим названием, ни под другим) не встречается в учебниках логики, в отличие от ее подвида — операции деления, которой уделяется много внимания в теме операций с понятиями. Более того, нарушение условия 3 традиционно считается логической ошибкой. Проблема, однако, в том, что в гуманитарных и обществоведческих дисциплинах операция типизации количественно преобладает над операцией деления. Особенности связанной с человеком и его деятельностью реальности затрудняют или делают вовсе невозможным строгое определение понятий с последующим четким делением их объемов. А вот типизация применяется в указанных областях познания сплошь и рядом.

В таких условиях требование доводить типизацию до конца, превращать ее в деление оказывается и несправедливым, и нереалистичным. Для этих областей познания бывает большим достижением удачное выделение типов. Такие типы широко используются не только в познавательной деятельности, но и в практической жизни. Даже бытовые типы оказываются весьма полезными на практике. Например, такие бинарные характеристики людей, как добрый и злой, ответственный и безответственный, порядочный и непорядочный и им подобные, находят широкое повседневное применение. Но эти характеристики явно не делят понятие «человек» в логическом смысле, а выделяют именно соответствующие типы, допускающие непустые пересечения.

Другое дело такая дисциплина, как юриспруденция. Здесь важна именно операция деления, соответствующая введению отношения эквивалентности на объеме исходного понятия, обеспечивающая разбиение объема на непустые непересекающиеся классы. Это позволяет вводить однозначные юридические нормы, не допускающие двусмысленных толкований.

Современная логика дает подробное описание обеим операциям, т.е. типизации и делению, рассматривая их как частный случай более общих логических теорий, а именно теории сходства и теории эквивалентности.

Оказывается, операция типизации соответствует теории *сходства*, а операция деления — теории *эквивалентности*. Теория сходства — это теория рефлексивного и симметричного бинарного отношения, тогда как в теории эквивалентности к этим двум свойствам добавляется транзитивность. Формально-логически теория сходства T_c задается в языке $L = \{\approx\}$ принятием следующих двух аксиом:

- 1) $\forall x (x \approx x)$ — аксиома рефлексивности;
- 2) $\forall x \forall y ((x \approx y) \rightarrow (y \approx x))$ — аксиома симметричности.

Согласно аксиомам теории T_c каждый объект сходен с самим собой, и если первый объект сходен со вторым, то и второй сходен с первым.

Теория эквивалентности T_e в языке $L = \{\sim\}$ получается из T_c заменой предиката сходства $\approx$ на предикат эквивалентности $\sim$ и добавлением третьей аксиомы транзитивности:

- 1) $\forall x (x \sim x)$ — аксиома рефлексивности;
- 2) $\forall x \forall y ((x \sim y) \rightarrow (y \sim x))$ — аксиома симметричности;
- 3) $\forall x \forall y \forall z (((x \sim y) \& (y \sim z)) \rightarrow (x \sim z))$ — аксиома транзитивности.

Очевидно, что всякое отношение эквивалентности является и отношением сходства. Обратное утверждение неверно. Не всякое отношение сходства будет отношением эквивалентности.

Если ввести на каком-либо многоэлементном классе объектов отношение сходства между ними, то мы получим некоторую типологию этих объектов. При этом принадлежность объекта к одному типу не исключает, что он может принадлежать и к другому типу. Но если на том же самом классе мы зададим отношение эквивалентности, то гарантированно получим разбиение этого класса на непустые непересекающиеся таксоны. Верно и обратное. Если мы выделили в исходном классе подмножества, некоторые из которых частично пересекаются, то это означает, что на этом классе введено отношение сходства. Но если мы сумели исключить пересечения между выделенными подмножествами, то тем самым ввели на данном классе отношение эквивалентности¹⁷.

Смысл проведенного привязывания традиционной понятийной операции к современной логике состоит в устранении архаизма, связанного с принципами создания классификаций и

¹⁷ Анисов А. М. Современная логика и онтология. Кн. 2, гл. 1.

типологий на основе операции деления и т.д. Этим архаизмом активно пользуются гумани-тари. Проведенная процедура концептуали-зации¹⁸ возвращает обновленное учение о де-лении понятий в научное и обыденное знание.

О признаках объектов, мыслимых в понятии

Некоторые архаизмы в традиционной логике возводятся в ранг законов. К ним относится уже упоминавшийся «закон» обратного соотноше-ния между объемом и содержанием понятия. Что такое объем — на этот вопрос уже был дан ответ. Но что такое содержание — проблема. В традиционной логике в вопросе о содержа-нии понятий изрядно напутали. Например, в пользовавшейся успехом книге по традицион-ной формальной логике, в написании которой приняли участие такие известные философы и логики, как В. Ф. Асмус, Д. П. Горский, П. В. Та-ванец и некоторые другие авторы, читаем: «Мыслимые в понятии существенные признаки предмета составляют *содержание* понятия»¹⁹. Оставим в стороне таинственную существен-ность и попытаемся понять хотя бы, что такое признак? «То, в чем предметы оказываются или сходными между собой, или отличными друг от друга, называется *признаками предме-та*. Признаки предмета, отраженные в нашей мысли о предмете, называются *признаками понятия*»²⁰.

Итак, в традиционной логике говорят о не-ких *признаках* объектов, мыслимых в поняти-ях. Но что такое «признак»? В действительно-сти, если судить по приводимым примерам, это тоже понятия. Так, в учебнике²¹ читаем: «Содержанием понятия “машина” [являются] признаки, характеризующие орудие производ-ства, имеющее определенный исполнительный механизм, заменяющий рабочие руки, и т.д.». Очевидно, что «орудие производства», «испол-нительный механизм» — это понятия, требую-щие разъяснения, которого в тексте учебника нет. Хуже того: перечень признаков не завер-

шен, скрыт за пресловутым оборотом «и т. д. и т. п.».

В качестве примера признака возьмем свой-ство «Красный». По-видимому, свойство «Крас-ный» будет примером признака, поскольку спелые помидоры по нему сходны, а зеленые помидоры и, скажем, натуральные числа по данному признаку отличны от спелых плодов. Остается гадать, надо ли отличающий признак «Не красный» включать в понятия о зеленых помидорах и о натуральных числах. Кроме того, в традиционной логике зачастую признак предмета является и признаком понятия, так что *понятие* «Спелый помидор» само является красным, что, мягко говоря, странно.

В итоге совершенно не ясно, какие призна-ки и каким образом собираются в содержание понятия. Даже если отбросить проблему отли-чающих признаков, не видно никакого способа отбора признаков сходства группы предметов. Как их выделить? Сколько получится таких при-знаков, будет ли их число конечным или нет? Можно ли обойтись ограниченным набором признаков сходства без ущерба для понима-ния и т.д.? Но без ответов на эти и подобные вопросы невозможно сравнивать понятия по содержанию. Авторы приводят тривиальные примеры таких сравнений, которые хорошо работают²². Однако существуют и менее про-стые и очевидные случаи. В учебниках по тра-диционной логике утверждается, что понятия с противоречивым содержанием имеют пустой объем. В этом качестве обычно разбирается²³ пример понятия «Круглый квадрат» с пустым, по мнению авторов, объемом. Каково его со-держание, входит ли оно в содержание понятий «Круглый» и «Квадратный», или наоборот? Или содержание «пустых» понятий «скудно, не ото-бражает всех необходимых, существенных при-знаков предмета»²⁴? Кстати, откуда взялась уве-ренность в пустоте объема понятия «Круглый квадрат»? Из интуиции? Но логический анализ понятий вне содержащей эти понятия теории лишен смысла. Между тем безапелляционно утверждается: «Совершенно очевидно, что не

¹⁸ Малюкова О. В., Матренина Л. Ф. Технология научного познания. М. : Проспект, 2021.

¹⁹ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 43.

²⁰ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 29.

²¹ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 43.

²² Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 50.

²³ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 44.

²⁴ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 43.

существует ни одного квадрата, который соответствовал бы этому понятию»²⁵.

«Совершенно очевидно, что не существует» круглый квадрат

К редко критикуемым тезисам традиционной логики относится положение о существовании понятий с нулевым объемом. Это «естественный спутник Меркурия» или «летающий человек», с объемами которых всё понятно, ибо такие объекты по разным причинам не случились. Однако к этой же группе относят ведьм, леших, домовых и иных сказочных персонажей, с которыми дело обстоит уже не так благостно. И наконец, понятия вида «самая удаленная точка вселенной» и «круглый квадрат», которого якобы нет, ибо не существует квадрата, который бы соответствовал этому понятию.

Рассмотрим следующий рисунок. На нем изображено девятиэлементное множество точек $M = \{a, b1... b8\}$, снабженное определенной структурой. Точки, соединенные отрезками, считаются *соседними*. В этом случае пишем $(x \text{ сос } y)$. Так, точка a имеет восемь соседей, остальные точки — по три соседа. Фигура со сторонами $(b1 — b3)$, $(b3 — b5)$, $(b5 — b7)$, $(b7 — b1)$ и прямыми углами $(b8, b1, b2)$, $(b2, b3, b4)$, $(b4, b5, b6)$, $(b6, b7, b8)$ образует прямоугольник Q , центральной точкой которого является элемент a . Никаких других точек, кроме отмеченных девяти, Q не содержит.

Зададим функцию расстояния p между точками. Положим $p(x, x) = 0$,

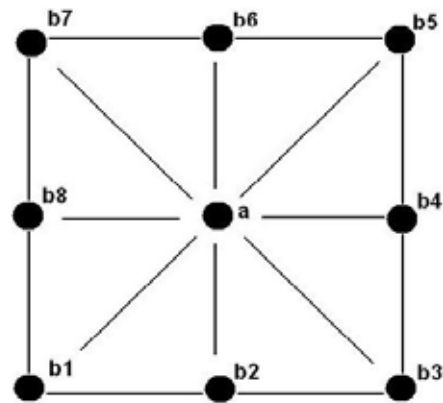
$$p(x, y) = p(y, x),$$

$$(x \text{ сос } y) \rightarrow p(x, y) = 1,$$

$$\neg(x \text{ сос } y) \rightarrow p(x, y) = 2.$$

Действительно, наглядно видно, что из любой точки в любую другую можно попасть либо за один шаг, либо за два шага. Так определенное расстояние превращает множество точек M в метрическое пространство. Длина каждой стороны построенной фигуры равна 2. Значит, фигура Q оказалась *квадратом*.

Окружностью с центром a и радиусом r называют множество точек, удаленных от a на расстояние r . Положим $r = 1$. Тогда $C = \{x \mid p(a, x) = 1\}$ образует *окружность* с центром a и единичным радиусом. Превратим эту окружность в *круг* K , добавив точки внутри окружно-

сти: $K = C \cup \{a\}$. Но тогда $K = Q$. Таким образом, квадрат Q является кругом K , и наоборот, круг K является квадратом Q . Стало быть, перед нами квадратный круг или круглый квадрат, что и требовалось. Получается, что даже в таких якобы очевидных случаях, как круглые квадраты, ссылка на интуитивную очевидность может подвести.

В логике нельзя голословно утверждать, что некоторое понятие противоречиво. Если утверждаете, что противоречиво — будьте любезны эту противоречивость предъявить в явном виде. В примере с круглым квадратом достаточно указать, что свойство «круглый» влечет отрицание свойства «квадратный», и наоборот, наличие свойства «квадратный» влечет отрицание свойства «круглый». В символическом виде $\text{Круглый}(x) \rightarrow \neg\text{Квадратный}(x)$ и $\text{Квадратный}(x) \rightarrow \neg\text{Круглый}(x)$. Эти две импликации — не что иное, как аксиомы простейшей теории соотношения свойств *Круглый* и *Квадратный*. Если теперь предположить, что некий объект x сразу и круглый, и квадратный, т.е. что $\text{Круглый}(x) \wedge \text{Квадратный}(x)$, то, удаляя конъюнкцию, получим, что $\text{Круглый}(x)$ и что $\text{Квадратный}(x)$. Имея $\text{Круглый}(x)$ и импликацию $\text{Круглый}(x) \rightarrow \neg\text{Квадратный}(x)$, по известному с древности правилу *modus ponens* получим следствие $\neg\text{Квадратный}(x)$. Применяя введение конъюнкции к формулам $\text{Квадратный}(x)$ и $\neg\text{Квадратный}(x)$, получаем явное противоречие $\text{Квадратный}(x) \wedge \neg\text{Квадратный}(x)$ (аналогичным образом можно получить и явное противоречие $\text{Круглый}(x) \wedge \neg\text{Круглый}(x)$).

Итак, мы доказываем теорему ($\text{Круглый}(x) \rightarrow \neg\text{Квадратный}(x)$) методом от противного. Допустим, что:

1) ($\text{Круглый}(x) \wedge \text{Квадратный}(x)$) — допущение;

²⁵ Логика / под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. С. 44.

- 2) *Круглый*(x) — удаление конъюнкции;
 3) *Квадратный*(x) — удаление конъюнкции;
 4) (*Круглый*(x) $\rightarrow$ $\neg$ *Квадратный*(x)) — допущение;
 5) $\neg$ *Квадратный*(x) — правило отделения;
 6) (*Квадратный*(x) $\wedge$ $\neg$ *Квадратный*(x)) — введение конъюнкции.

Неумение выявлять противоречия между признаками в явном виде — только одна из слабостей традиционной логики. Традиционные логики путаются в признаках, используя вместо них понятия, зачастую более сложные и неясные, чем исходное понятие, как в случае с «самой удаленной точкой Вселенной». Или, определяя человека как «разумное животное», оставляют без разъяснений ключевой признак «разумный». С античных времен непреодолимым для традиционной логики барьером остается предъявление исчерпывающих признаков таких понятий, как «мужество», «добро», «красота», «истина». (Современная логика смогла дать строгое определение понятия «истина», однако сделано это было не путем перечисления неких существенных признаков истины.) Поневоле возникает ассоциация *признак* — *призрак*. В итоге никаких определенных результатов в учении традиционной логики о содержании понятий получено не было. Зато имел место своего рода антирезультат, т.е. путаница и неразбериха.

«Закон» обратного отношения объема и содержания

Содержание понятия является существенным элементом хорошо известного закона об обратном отношении между объемом и содержанием понятия, который не раз подвергался критике: ведь получалось, что чем более обширный класс взят в качестве объема понятия, тем уже (меньше) его содержание. Отсюда следовал абсурдный вывод, что наибольшее содержание заключено в понятии о единичных вещах, тогда как знание общего содержательно ущербно. Может быть, это и приемлемо для крайних эмпиристов, но не для реальных наук, ориентирующихся именно на познание общего в вещах.

Сложившаяся практика преподавания традиционной логики вместо современной для студентов-гуманитариев порождает проблемы у преподавателей логики. Как изложить студентам то, что в своей основе неясно, путано

и даже порой противоречиво? Ссылками на специально подобранные искусственные примеры и на интуитивную очевидность здесь не обойтись. Но можно ли спасти, например, традиционное логическое учение о признаках, избавив его от призраков путем применения методов современной логики в предельно упрощенном изложении? Нам представляется, что ответ утвердительный. Начнем со следующей простейшей модели.

Возьмем в качестве исходного понятие «Древнегреческий философ классической эпохи». Хронологически классическая эпоха Античности охватывает время с VI в. до н. э. до середины IV в. до н. э. В это время древнегреческая философия достигает высшей степени развития, сменившись сравнительным упадком в следующую эпоху — эпоху эллинизма. В принципе, объем исходного понятия можно попытаться задать списком, перечислив всех известных науке философов рассматриваемого периода. Но любой список будет, во-первых, заведомо неполным, ибо имена некоторых философов неизбежно были утрачены, и, во-вторых, могут возникнуть вопросы, кого из мыслителей считать философом, а кого не считать. Тем не менее указанная неопределенность не мешает принять объем рассматриваемого понятия за исходный универсум, обозначив множество его элементов символом U . Множество U (Древнегреческий философ классической эпохи) будет *родом* для последующих *видовых* понятий.

В качестве видового понятия для рассматриваемого рода возьмем «Великий метафизик». Понятие «Великий метафизик» и будет тем *признаком*, который выделяет соответствующее подмножество множества U . В теории множеств такая конструкция имеет стандартное представление: $\{x \in U \mid \text{Великий метафизик}(x)\}$, что может быть прочитано как «Множество тех объектов из U , которые обладают признаком быть *Великим метафизиком*». В данном конкретном случае объем признака *Великий метафизик*(x) задается списком {Пифагор, Парменид, Зенон (Элейский), Платон, Аристотель}. Это **семантический** аспект данного признака. А сам признак **синтаксически** распишется как пятичленная дизъюнкция ($(x = \text{Пифагор}) \vee (x = \text{Парменид}) \vee (x = \text{Зенон}) \vee (x = \text{Платон}) \vee (x = \text{Аристотель})$). В целом итоговая конструкция примет следующий вид: $\{x \in U \mid ((x = \text{Пифагор}) \vee (x = \text{Парменид}) \vee (x = \text{Зенон}) \vee (x = \text{Платон}) \vee (x = \text{Аристотель}))\}$.

Эта запись и будет адекватным представлением логической формы понятия *Великий метафизик*(x).

Нам могут возразить, что список великих метафизиков Древней Греции периода классической Античности неполон, поскольку, например, пропущены имена Фалеса и Сократа. Однако эти два философа не были метафизиками в подлинном смысле этого слова. Но вот в список великих мудрецов древности (еще одно понятие) они попадут: *Великий мудрец*(x) — это семичленное (ведь, по поверью, подлинных мудрецов должно быть семь!) множество {Фалес, Пифагор, Парменид, Зенон (Элейский), Сократ, Платон, Аристотель}. В итоге будем иметь конструкцию $\{x \in U \mid ((x = \text{Фалес}) \vee (x = \text{Пифагор}) \vee (x = \text{Парменид}) \vee (x = \text{Зенон}) \vee (x = \text{Сократ}) \vee (x = \text{Платон}) \vee (x = \text{Аристотель}))\}$, представляющую логическую форму понятия *Великий мудрец*(x).

На самом деле здесь была применена еще одна операция над множествами — операция *выделения*. Ее конструкция в общем виде может быть представлена формулой:

$$\{x \in P \mid A(x)\},$$

означающей, что из имеющегося множества P было выделено множество тех и только тех элементов x , принадлежащих P , которые обладают свойством $A(x)$.

В действительности это свойство $A(x)$ и является тем *признаком*, наличие или отсутствие которого определяет, попадет или нет предмет в объем выделяемого понятия. Например, если взять в качестве P множество животных, а в качестве отличительного признака — разумность в виде свойства *Разумен*(x), то получим множество разумных животных $\{x \in \text{Животное} \mid \text{Разумен}(x)\}$, которое принято отождествлять с понятием *Человек*: *Человек* = $\{x \in \text{Животное} \mid \text{Разумен}(x)\}$. Таким способом мы получили множество людей, являющееся объемом понятия *Человек*(x). Множество *Человек* находится в определенном выше отношении включения во множество *Животное*.

Возникает естественный вопрос, как связано только что изложенное с хрестоматийным определением понятия «человек» через род животных и видовое отличие разумности: *Человек* — это разумное животное? На языке логики это определение запишется в виде выражения *Человек*(x) $\leftrightarrow$ *Животное*(x) $\wedge$ *Разумен*(x). Данное выражение принадлежит синтаксису языка, тогда как конструкция $\{x \in \text{Животное} \mid$

Разумен(x) $\}$ относится к семантике. А это далеко не одно и то же. Так, из конъюнкции *Животное*(x) $\wedge$ *Разумен*(x) никак не следует, что объем понятия *Разумен*(x) включается в объем понятия *Животное*(x).

Не следует также думать, что семантическая конструкция выделения из множества P множества Q всегда приводит к отношению включения Q в P , как в случае множеств *Человек* и *Животное*. В некоторых случаях при $Q = \{x \in P \mid A(x)\}$ Q и P могут совпадать, т.е. может быть $Q = P$. Например, в юридических документах используется понятие *Деяние*, которое определяется как *Действие* или *Бездействие*. В логической синтаксической форме определение переписывается как *Деяние*(x) $\leftrightarrow$ *Действие*(x) $\vee$ *Бездействие*(x). Если трактовать бездействие как отрицание действия, получим *Деяние*(x) $\leftrightarrow$ *Действие*(x) $\vee$ $\neg$ *Действие*(x). Семантические построения дадут $\{x \in \text{Деяние} \mid \text{Действие}(x) \vee \neg \text{Действие}(x)\}$. Поскольку любой объект из множества *Деяние* подпадает под являющийся логическим законом признак *Действие*(x) $\vee$ $\neg$ *Действие*(x), в итоге получим *Деяние* = $\{x \in \text{Деяние} \mid \text{Действие}(x) \vee \neg \text{Действие}(x)\}$.

Таким образом, в результате этой операции получается либо исходное множество P (например, в случаях $\{x \in P \mid x = x\}$ и $\{x \in P \mid B(x) \rightarrow B(x)\}$), либо, что, конечно, интереснее, некоторое собственное подмножество P , сужающее исходное множество вплоть до получения пустого (в случае, например, $\{x \in P \mid B(x) \wedge \neg B(x)\}$). Отметим, что в теории множеств существование данной операции либо постулируется в виде отдельной аксиомы (которая и называется аксиомой *выделения*), либо принимается более общая аксиома *подстановки*, из которой аксиома выделения выводится в качестве следствия. На самом деле уместнее говорить не об аксиомах выделения и подстановки, а о схемах соответствующих аксиом. Поскольку формул вида $A(x)$, которые можно использовать в этих схемах, бесконечно много, перед нами не две аксиомы, а бесконечное количество конкретных вариантов аксиом выделения и подстановки.

Результатом применения схемы выделения будет некоторое множество Q : $\{x \in P \mid A(x)\} = Q$. Поскольку в любом случае имеем $Q \subset P$, объем P будет *родовым* по отношению к Q . Соответственно, объем Q будет *видовым* по отношению к P . Так как допускается случай $Q = P$, род и вид могут совпасть. Тем самым снимается схоластический вопрос, которым были озабоче-

ны традиционные логики: как возможно определение через род и видовое отличие категорий, т.е. понятий с предельно общим объемом.

Например, некоторые философы убеждены, что в мире нет идеальных сущностей, но что все объекты материальны. Обозначим через **М** множество материальных объектов, а через $M(x)$ — свойство «Быть материальным». Тогда нужно принять аксиому $\forall x M(x)$. Применение схемы выделения даст множество $\{x \in \mathbf{M} \mid M(x)\}$. Что это за множество? Это просто множество **М**, т.е. $\{x \in \mathbf{M} \mid M(x)\} = \mathbf{M}$! Можно пойти другим путем, используя какое-либо другое универсальное свойство. Если свойства типа $x = x$ и $B(x) \rightarrow B(x)$ заранее отбрасываются как тавтологичные, надо найти любое сколь угодно сложно устроенное свойство $V(x)$, такое, что для него верно утверждение $\forall x V(x)$, и использовать это свойство в схеме подстановки. Если $\forall x V(x)$ оказалось законом логики, и это вновь не устраивает нашего философа, он мог бы принять некоторое дескриптивное высказывание универсального характера для применения в схеме выделения. Так, В. И. Ульянов (Ленин) принял, что все материальные объекты (т.е. вообще все объекты) познаваемы через ощущения. Записав свойство «Быть познаваемым через ощущения» как $O(x)$, постулируем истинность универсального утверждения $\forall x O(x)$. И вновь тривиально получаем $\{x \in \mathbf{M} \mid O(x)\} = \mathbf{M}$. С логической точки зрения тут ничего примечательного нет, разве что можно усомниться в тезисе о материальности всех объектов или в том, что все они познаются через ощущения.

Рассмотрим множество **Q**, образованное по схеме выделения: $\{x \in \mathbf{P} \mid A(x)\} = \mathbf{Q}$. Это множество **Q** является *объемом* понятия-свойства, которое обозначим как $Q(x)$. Итак, что за объем у понятия $Q(x)$ — понятно. Но каковы *признаки* этого понятия? Предлагаем считать, что пока в нашем распоряжении один-единственный *признак* — это *условие в схеме выделения* $A(x)$. Именно по условию $A(x)$ ведется выбор элементов из исходного родового объема в результирующий видовой объем. Итак, конкретным **признаком** понятия $Q(x)$ является условие $A(x)$ из схемы выделения $\{x \in \mathbf{P} \mid A(x)\} = \mathbf{Q}$.

Но что считать *содержанием* понятия $Q(x)$? Признак $A(x)$ и только? Логичнее отнести к признакам понятия $Q(x)$ любую формулу $B(x)$, для которой выполняется эквивалентность $\forall x(A(x) \leftrightarrow B(x))$. В самом деле, если взять формулу $B(x)$, эквивалентную формуле $A(x)$, в каче-

стве условия в схеме выделения вместо $A(x)$, получим равенства $\{x \in \mathbf{P} \mid A(x)\} = \mathbf{Q}$ и $\mathbf{Q} = \{x \in \mathbf{P} \mid B(x)\}$, откуда $\{x \in \mathbf{P} \mid A(x)\} = \{x \in \mathbf{P} \mid B(x)\}$. Доказать полученные равенства несложно.

Приведем конкретный пример. В качестве исходного возьмем множество натуральных чисел $\Omega = \{0, 1, 2, \dots, n\}$, а в качестве признака — свойство *Четный*(x). Тогда множество $\mathbf{Ч} = \{x \in \Omega \mid \text{Четный}(x)\}$ есть множество всех четных натуральных чисел. Как известно, четными называют числа, делящиеся на 2 без остатка. Это означает, что $\forall x(\text{Четный}(x) \leftrightarrow \text{Делится на } 2(x))$. Поэтому $\mathbf{Ч} = \{x \in \Omega \mid \text{Делится на } 2(x)\}$. Свойство делиться на 2 может быть задано через умножение определением: *Делится на 2*(x) $\leftrightarrow \exists y(x = 2 \times y)$, откуда $\forall x(\text{Делится на } 2(x) \leftrightarrow \exists y(x = 2 \times y))$. Следовательно, $\mathbf{Ч} = \{x \in \Omega \mid \exists y(x = 2 \times y)\}$. Поскольку все три использованных в примере признака эквивалентны между собой, все они входят в содержание понятия «Быть четным натуральным числом». Исчерпывается ли содержание данного понятия этими тремя признаками? Разумеется, нет. Так, им будут эквивалентны любые признаки, имеющие вид конъюнкции $\text{Четный}(x) \wedge Z$, где Z — любой закон логики. Поскольку число логических законов бесконечно, количество признаков указанного вида также будет бесконечным. После этих предварительных замечаний введем общее определение содержания любого понятия-свойства.

В современной логике успешно решается задача точного определения множества формул используемого языка-объекта. В нашем случае тоже несложно зафиксировать некоторый формальный язык понятий-свойств и точно определить множество его формул. Обозначим это множество буквой **F**. Теперь всё готово для того, чтобы дать определение содержанию понятия $Q(x)$ с соблюдением уже введенных обозначений применением схемы выделения к формулам.

Пусть объем понятия $Q(x)$ есть множество $\{x \in \mathbf{P} \mid A(x)\} = \mathbf{Q}$. Это множество **Q** задано признаком $A(x)$.

Содержанием понятия $Q(x)$ является множество формул:

$$\{B(x) \in \mathbf{F} \mid A(x) \leftrightarrow B(x)\}.$$

Говоря неформально, **содержание понятия** — это *множество его эквивалентных признаков*. Ведь эквивалентные признаки однозначно определяют одно и то же множество объектов, тогда как неэквивалентные признаки могут задавать разные множества объектов, и

тем самым разные понятия. Например, согласно данным выше определениям, 0 является четным числом: *Четно*(0). Как известно, целые числа делятся на положительные ($x > 0$), отрицательные ($x < 0$) и 0 ($x = 0$). Зададим на множестве натуральных чисел Ω понятие *Положительное четное число*(x): $\text{ПЧ} = \{x \in \Omega \mid \exists y(x = 2 \times y) \wedge (x > 0)\}$. Ясно, что $0 \in \text{Ч}$ и $0 \notin \text{ПЧ}$, поэтому $\text{ПЧ} \neq \text{Ч}$. Неравенство возникло потому, что признаки, задающие множества Ч и ПЧ , не эквивалентны: $\neg(\exists y(x = 2 \times y) \leftrightarrow \exists y(x = 2 \times y) \wedge (x > 0))$.

Обозначим содержание понятия $Q(x)$ буквой S . Множество S , как и полагается, является множеством *всех признаков* понятия $Q(x)$. В самом деле, для любой формулы $F(x)$ из S имеем $\{x \in P \mid F(x)\} = Q$, т.е. формула $F(x)$ является *признаком* понятия $Q(x)$.

Сколько признаков содержится в множестве S ? Мы уже видели на примере понятия «Четный», что количество элементов в множестве S бесконечно. Но это утверждение верно относительно любого понятия-свойства $Q(x)$. Доказывается данный факт тривиально. Мы его доказали, сославшись на наличие бесконечного количества логических законов. Поэтому, взяв единственный признак $A(x)$, мы получим бесконечное число признаков вида $A(x) \wedge Z$ (где Z — тот или иной логический закон), для которых будет выполняться эквивалентность $A(x) \leftrightarrow (A(x) \wedge Z)$.

Тем самым получает смертный приговор так называемый закон об обратном соотношении объемов и содержаний понятий. Согласно только что доказанному, содержание любого понятия — это всегда *бесконечное* множество формул. Тогда как объемы понятий, как уже говорилось, могут содержать любое количество элементов. Так что никакой количественной связи между объемом и содержанием понятий не существует. Если вдуматься, это неудивительно, так как понятие объема относится к области семантики, в то время как понятие содержания — к области синтаксиса.

Предложенное теоретическое понимание термина «содержание понятия» может быть применено, с неизбежной потерей точности, и к естественному языку. Так, мы не можем задать с исчерпывающей точностью бесконечное множество признаков человека. Но для практики рассуждений это и не обязательно. Достаточно усвоить, что этих признаков много. Вместо признака разумности можно использовать признак символичности: «Человек — это символическое (создающее символы) животное». Или признак

труда: «Человек — это трудящееся животное». Или даже признак обладания мягкой мочкой уха: «Человек — это животное с мягкой мочкой уха». Последний признак в традиционной логике относят к несущественным, но это другой вопрос. С формально-логической точки зрения важна лишь эквивалентность признаков. Если мы признаем эквивалентность признаков «разумность», «символичность», «способность к труду», «обладание мягкой мочкой уха», то все эти признаки неизбежно попадают в содержание понятия «человек». Ну, а если какой-либо признак не эквивалентен перечисленным, его нельзя использовать в определении множества людей. Так, признак социальности в определении «Человек — это социальное животное» вряд ли годится, поскольку в этологии (науке о поведении животных) установлен факт социальности некоторых млекопитающих и даже насекомых.

Проблема не в том, чтобы найти единственный признак, ухватывающий таинственную сущность понятия, как ошибочно полагают традиционные логики. Существенное в одном отношении может быть несущественным в другом. Экономист, изучающий трудовые отношения, не обязан интересоваться вопросом о свойствах разума; философ, для которого разум в центре внимания, имеет право оставить за бортом биологические характеристики человека; семиотик, исследующий знаковые системы, может игнорировать трудовые отношения и т.п. Логические трудности возникают не в связи с наличием многообразия эквивалентных признаков, а в случае использования неэквивалентных признаков для определения одного и того же термина. Известный философский анекдот, когда Платон определил человека как двуногое бесперое, а ученик бросил к его ногам ошипанного цыпленка со словами «Вот твой человек», учит осторожности с выбором признаков. Ведь попытка Платона исправить определение человека на «двуногое бесперое по природе» тоже должна быть признана неудачной, поскольку существовали двуногие бесперые динозавры, хотя Платон об этом, конечно, не знал.

При выборе эквивалентных признаков важно понимать, что эквивалентность может быть *логической, теоретической или фактической*. В случае *логической эквивалентности* выражение $\forall x(A(x) \leftrightarrow B(x))$, утверждающее эквивалентность признаков $A(x)$ и $B(x)$, является законом логики. Например, если $A(x)$ есть дизъюнкция $P(x) \vee Q(x)$, а $B(x)$ есть отрицание конъюнкции $\neg(\neg P(x) \wedge \neg Q(x))$, то эквивалент-

ность $\forall x(P(x) \vee Q(x) \leftrightarrow \neg(\neg P(x) \wedge \neg Q(x)))$ будет законом логики.

А вот эквивалентность $\forall x(\text{Делится на } 2(x) \leftrightarrow \exists y(x = 2 \times y))$ в логике недоказуема. Зато это теорема (закон) арифметики и любой теории, содержащей арифметику в качестве своей части. Это пример *теоретической эквивалентности*. Наконец, эквивалентность признаков *Человек*(x) и *Обладатель мягкой мочки уха*(x) носит фактический характер: имеет место *фактическая эквивалентность* $\forall x(\text{Человек}(x) \leftrightarrow \text{Обладатель мягкой мочки уха}(x))$. С научной точки зрения эта эквивалентность — просто биологический факт, имеющий, скорее всего, случайный характер.

Какова бы ни была природа эквивалентности признаков, формальная логика санкционирует включение эквивалентных признаков в содержание соответствующего понятия. С позиции формальной логики **все** эквивалентные признаки входят в содержание понятия независимо от того, существенны они или нет. Другое дело, что на практике мы можем ограничиться рассмотрением лишь существенных в том или ином отношении признаков, игнорируя несущественные.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось устранить некоторые архаизмы путаного и рыхлого учения о понятии традиционной логики. В частности, было установлено, что любое понятие не является мыслью об объекте, а представляет собой свойство или отношение, т.е. n -местный предикат. Следовательно, деление понятий на конкретные и абстрактные лишено смысла. Далее было показано, что традиционная логика в принципе не способна к адекватному анализу понятий-отношений, что резко сужает ее возможности. Логический анализ понятий-свойств, проводимый в рамках современной логики, предполагает четкое

различение семантических и синтаксических структур.

Любое понятие-свойство синтаксически может быть представлено формой вида $P(v)$. Объемом понятия $P(v)$ в современной логике называется множество V , семантически сопоставленное с понятием $P(v)$. Для объема V допускаются все возможные количественные характеристики. Понятиями с нулевым объемом в логике оказываются только термины с доказанным противоречивым содержанием. Представление о содержании понятия является самым слабым местом традиционной логики. Каков состав содержания, признаки содержания — это понятия или нет, сколько признаков должно входить в содержание и т.д.?

Не следует забывать, что содержание понятия является существенным элементом хорошо известного закона об обратном отношении между объемом и содержанием понятия, который не раз подвергался критике: ведь получалось, что чем более обширный класс взят в качестве объема понятия, тем уже (меньше) его содержание. Отсюда, кстати, следовал абсурдный вывод, что наибольшее содержание заключено в понятии о единичных вещах, тогда как знание общего содержательно ущербно. В статье было доказано, что содержание любого понятия — это всегда бесконечное множество формул (признаков). И поскольку объемы понятий могут содержать любое количество элементов, то никакой количественной связи между объемом и содержанием понятий не существует, что представляет собой не критику закона об обратном отношении, а его отрицание.

Проведенный средствами современной логики анализ учения о понятии существенно расширяет возможности как обыденной, так и научной практики. Именно благодаря данному исследованию в научную практику может быть введена операция типизации, более слабый и всерьез востребованный вариант классификации как операции деления понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисов А. М. Современная логика и онтология : в 2 кн. М. : Ленанд, 2022.
- Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. Логико-философский анализ. М. : Либроком, 2019. 238 с.
- Голоскоков Л. В. Отзыв на диссертацию Ильина Николая Николаевича «Транспортные экспертизы в уголовном судопроизводстве России: теория и практика», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» // URL: <https://academy-skrf.ru/dissov/infoszash2023.php>.
- Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 665 с.

Капелла М. Бракосочетание Филологии и Меркурия. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. 400 с.
Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. 720 с.
Лившиц В. Защита Лившица : адвокатские истории. М. : АСТ, 2009. 318 с.
Логика / под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1956. 280 с.
Лукаевич Я. О детерминизме // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 185.
Малиюкова О. В., Матроница Л. Ф. Технология научного познания. М. : Проспект, 2021. 448 с.
Пономарев Д. Е. Право и рациональность: у истоков юридического мышления // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 9–14.

REFERENCES

Anisov AM. Modern Logic and ontology. Moscow: Lenand Publ.; 2022. Book 1; Book 2. (In Russ.).
Boyshvillo EK. The concept as a form of thinking. Logical and philosophical analysis. Moscow: Librocom Publ.; 2019. (In Russ.).
Goloskokov LV. Review of the dissertation of Ilyin Nikolay Nikolaevich «Transport expertise in criminal proceedings in Russia: Theory and practice». Available from: <https://academy-skrf.ru/dissov/infozash2023.php>. (In Russ.).
Gorsky DP, Tavants PV, editors. Logics. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1956. (In Russ.).
Kant I. Criticism of pure reason. Moscow: Nauka Publ.; 1999. (In Russ.).
Kapella M. The marriage of Philology and Mercury. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, Petroglyph Publ.; 2019. (In Russ.).
Kondakov NI. Logical Dictionary—Reference Book. Moscow: Nauka Publ.; 1975. (In Russ.).
Livshits V. Livshits' Defense: Lawyer's Stories. Moscow: AST Publ.; 2009. (In Russ.).
Lukasevich Ya. On determinism. In: Philosophy and Logic of the Lviv-Warsaw School. Moscow; 1999. p. 185. (In Russ.).
Malyukova OV, Matronina LF. The technology of scientific knowledge. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
Ponomarev DE. Law and Rationality: At the origins of legal thinking. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2020;3:9-14. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисов Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
д. 12, стр. 1, Гончарная ул., г. Москва 109240, Российская Федерация
a.m.anisov@yandex.ru

Малиюкова Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ovmalukova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr M. Anisov, Dr. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
a.m.anisov@yandex.ru

Olga V. Malyukova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ovmalukova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 августа 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 25.08.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.01.2025.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации

Резюме. Наука и научно-технологическое развитие являются сегодня ключевым фактором обеспечения суверенитета, безопасности и благополучия государства, создания условий для достойной жизни граждан. С учетом стоящих перед страной исторических вызовов, преодолеть которые возможно только путем мобилизации интеллектуального и ресурсного потенциала страны, необходимо сфокусироваться на поиске подходов и решений, которые позволили бы максимально задействовать ресурсы права для стимулирования научного прогресса, устранить накопившиеся регулятивные факторы его торможения. Это предполагает не просто актуализацию, а переход к новому уровню качества законодательства о науке, его интеграцию и социальную ориентацию через придание закону о науке качеств системообразующего непосредственного регулятора соответствующих отношений в целях достижения общественно значимого эффекта. В статье, призванной оживить и структурировать дискуссию относительно перспектив развития законодательства о науке, ставятся на обсуждение некоторые основные, на взгляд автора — концептуальные, вопросы, в том числе о смысле и пределах нормативно-правового воздействия в сфере науки, в частности в соотношении с иными социальными регуляторами, о предметной, методологической, структурной специфике регулирования соответствующих отношений, организационно-управленческих, финансовых и иных составляющих государственной политики в области науки и научно-технологического развития.

Ключевые слова: право науки; научно-технологическое развитие; социальная ориентация науки; научная этика; этика; наука; право; совершенствование закона

Для цитирования: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140

Conceptual Issues of Improving Legislation on Science and Scientific and Technological Development in the Russian Federation

Sergei V. Kabyshev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. Science and scientific and technological development are a key factor in ensuring the sovereignty, security and well-being of a State, creating conditions for a decent life for citizens. Given the historical challenges

© Кабышев С. В., 2025

facing the country, that can only be overcome by mobilizing the country's intellectual and resource potential, it is necessary to focus on finding approaches and solutions that would maximize the use of legal resources to stimulate scientific progress and eliminate the accumulated regulatory factors of its inhibition. This involves not just updating, but a transition to a new level of quality of legislation on science, its integration and social orientation by giving the law on science the qualities of a system-forming direct regulator of relevant relations in order to achieve a socially significant effect. The paper, designed to revive and structure the discussion regarding the prospects for the development of legislation on science, dwells on some basic, in the opinion of the author, conceptual issues, including the meaning and limits of regulatory impact in the field of science, in particular in relation to other social regulators, on the subject, methodological, structural specifics of regulating relevant relations, organizational and managerial, financial and other elements of state policy in the field of science and scientific and technological development.

Keywords: law of science; scientific and technological development; social orientation of science; scientific ethics; ethics; science; right; improvement of the law

Cite as: Kabyshev SV. Conceptual Issues of Improving Legislation on Science and Scientific and Technological Development in the Russian Federation. *Lex russica*. 2025;78(2):130-140. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140

Сегодня становится очевидным, что в значительной, если не в решающей, мере качество науки определяет качество государства, его реальные возможности эффективно решать весь комплекс задач как в промышленно-технологической, так и в общественно-культурной сферах. От результативности исследований по всему научному спектру, включая научные направления социогуманитарного профиля, зависят суверенитет, безопасность, благополучие, стратегическая устойчивость государства, возможность сохранения и укрепления национальной идентичности, преемственность в историческом развитии на базе российских духовно-нравственных ценностей, политико-правовых и культурных традиций. Наука (а в конечном, конкретно-прикладном выражении и итоге — научно обоснованная политика государства) способна приблизить становление миропорядка, основанного на обоюдном признании национального достоинства, равноправии, солидарности и взаимной ответственности.

В России, в отличие от ряда зарубежных стран, наука исторически формировалась не как отделенная от государства сфера частной автономии, а прежде всего как институт интеллектуального творческого служения благу народа и своего Отечества, его идеалам и историческим задачам. Идея служения интересам Отечества последовательно отражена в уставах Российской академии наук. Так, § 3 Устава 1836 г. гласил: «Академии предлежит обращать труды свои непосредственно в пользу России...». Нынешний Устав Российской академии наук на первое место среди целей деятельности ака-

демии ставит «проведение и развитие фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований, направленных на получение новых знаний... способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России» (пп. «а» п. 12).

Наука призвана сегодня служить не только основной производительной силой, но и важнейшим смыслообразующим, ценностно-мировоззренческим фактором развития России, способствовать пониманию нашей страны как самобытной державы-цивилизации, давать обществу необходимые технологические решения и вместе с тем позволять обретать свои цели, смыслы. Рассматривая мораль как дисциплину, которую человечество должно принять, чтобы противостоять действующим против него слепым силам природы, и считая при этом растратой попытки создать мораль рассуждением, А. Пуанкаре отмечал важность дисциплинирующего начала самой науки, которая объединяет современников с предшествующими и будущими поколениями, их опытом и способна породить новые чувства, создать «новую душу», играет полезную и важную роль в моральном воспитании¹.

Поставленные в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. включают в себя технологическое лидерство в качестве самостоятельного направления, которое требует существенного укрепления институциональной, финансовой, кадровой и иных основ научной деятельности, и предполагают не про-

¹ Пуанкаре А. О науке. М. : Наука, 1983. С. 508, 511.

сто ценностное признание, а придание науке в реальном нормативно-правовом и организационно-управленческом плане системообразующей роли для достижения всей совокупности национальных приоритетов.

Идейно-смысловым ядром обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145, является гарантированный в научном и технологическом плане суверенитет. Российская наука прямо определена в качестве «основы суверенного развития государства», ее роль — создавать «необходимые предпосылки и условия для обоснованного, сбалансированного и эффективного решения всего комплекса стоящих перед Российской Федерацией социальных, экономических, культурных и иных задач, обеспечения безопасности страны и ее значимого вклада в интеллектуальное достояние человечества». При этом Стратегия определяет текущий период как этап мобилизационного развития научно-технологической сферы, ставит задачи по преодолению целого ряда негативных тенденций, связанных, в частности, с несогласованностью приоритетов научно-технологического развития и инструментов его поддержки, разомкнутостью единого инновационного цикла. Особый акцент сделан на ценностно-мировоззренческом базисе научно-технологического развития, необходимости патриотического воспитания российских ученых и повышении их ответственности за достижение значимых результатов.

Для решения проблем и задач, связанных с выведением российской науки на уровень, обеспечивающий необходимые темпы и качество социально-экономического развития, требуется максимально использовать ресурсы права для стимулирования научного прогресса, т.е., по существу, формировать правовой режим, обеспечивающий наиболее благоприятные условия для достижения значимых, востребованных научных результатов, включая инструменты профилактики и преодоления рисков, вызванных регулятивными факторами торможения научно-технологического развития.

Ставя вопрос таким образом, следует отдельно оговорить, что мистификация законодательства, подразумевающая абсолютизиро-

ванное представление о реально действующей силе закона, сам факт принятия которого отождествляется с изменением объективной социальной реальности, несостоятельна и, более того, вредна. Право должно сознавать свои границы, действовать путем разумного самоограничения, не вторгаясь в отношения и детали и не порождая иллюзорных ожиданий применительно к объектам, которые по своему характеру находятся вне рамок государственно-нормативного принудительно-волевого воздействия.

В этом плане нужно учитывать, что сфера науки весьма деликатная, неразрывно связана с интеллектуально-творческим началом, вдохновением и озарениями, спонтанными открытиями, которые как таковые не могут быть детерминированы принудительной силой права и подчинены ей. Но это и не означает, что в данной сфере исконно господствующим должен признаваться принцип саморегулирования и что выбор в пользу этого принципа на уровне государственной правовой политики является предпочтительным.

Право, строго говоря, не может осуществить научно-технологический прогресс, но, безусловно, должно — в тесном сочетании с иными социальными регуляторами, прежде всего этического характера, — подвинуть к нему, сообразовав с общественно-государственными потребностями по направлениям, темпам, формам проявления, должно способствовать появлению, закреплению и развитию тех институтов (в том числе основанных на личной инициативе), которые позволяют получить не отчетно-бюрократический, а социально полезный эффект. Между тем, как было замечено некоторое время назад и остается во многом подходящим к последующему периоду, реальная ситуация «свидетельствует о противоречивых тенденциях государственного регулирования научной и образовательной деятельности, то о жестком, то о явно слабом влиянии государства на процессы и явления, происходящие в этих областях»².

Если говорить о накопившихся системных проблемах, которые требуют серьезного совершенствования подходов к законодательному регулированию науки и государственной научно-технической политики, то они диктуют необходимость, прежде всего:

² Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ / Н. Г. Дорони-на, Н. М. Казанцев, Н. Г. Семилютина [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Российская академия наук; ИЗСП при Правительства РФ ; СПб. : Нестор-История, 2014. С. 19.

— обеспечить в контексте реалий и вызовов современности последовательное раскрытие в законодательстве вновь установленных в Конституции РФ целей, ценностей, принципов, категорий, институтов, имеющих существенное значение для определения содержательных характеристик научной деятельности и научно-технологического развития в общей системе политики российского государства, детерминации этой деятельности и развития безусловным приоритетом национальных интересов;

— преодолеть нарастающую энтропию, утрату системности в нормативно-правовом регулировании в сфере науки, обеспечить его согласованность с законодательным регулированием промышленной и технологической политики;

— выработать действенный правовой механизм оценки эффективности (результативности) научной деятельности на основе качественной экспертной оценки, дополняемой в разумно обоснованных пределах применением наукометрических инструментов, которые при этом должны быть построены на отечественной методологической и инфраструктурной базе;

— отразить на законодательном уровне сложившиеся реалии и перспективные потребности, связанные с формированием и совершенствованием единого механизма управления научно-технологическим развитием, с обеспечением разграничения полномочий и взаимодействия в целях такого развития различных уровней публичной власти, включая институты местного самоуправления, на началах компетенционной и ресурсной достаточности, с повышением эффективности, координации существующих и созданием новых организационных и территориальных форм налаживания и поддержки научной деятельности, с развитием инструментов взаимовыгодного сотрудничества между наукой и бизнесом.

Реализация этих и иных связанных с ними правотворческих задач предполагает глубокое переосмысление и уточнение концептуальных основ законодательного регулирования науки и государственной научно-технической политики, результатом которого должна служить разработка нового, взамен Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и госу-

дарственной научно-технической политике», базового федерального закона, обеспечивающего системное и комплексное регулирование соответствующей сферы отношений. Речь идет не просто об обновлении, но о необходимости перехода к новому уровню качества законодательства о науке, его интеграции и социальной ориентации через придание закону о науке качеств системообразующего непосредственного регулятора соответствующих отношений в целях достижения общественно значимого эффекта. Путь обновления ради самого обновления недопустим, равно как чрезмерная стремительность с опорой на, увы, имеющий фактическое применение принцип «лучше принять закон и потом изменять, чем не принять». Используемые правовые конструкции должны быть сами по себе научно обоснованными, выверенными, действенными.

В данной статье, призванной оживить и сфокусировать научно-экспертную дискуссию в условиях, когда, как верно замечено, большинство появляющихся работ «нацелено на решение отдельных, относительно узких, хотя, бесспорно, важных проблем, в том числе в правотворческой и правоприменительной практике»³, ставятся некоторые основные концептуально-методологические по характеру проблемы, требующие своего решения при обновлении законодательства о науке.

1. Определение предмета правового регулирования, в частности наименования закона. Дискуссия по этому вопросу, в том числе в конкретно-практической, законопроектной плоскости, не нова, но далека от завершения, тем более что само предназначение государственной научно-технической политики состоит в определении целей, к которым должно стремиться государство в соответствующей сфере, а они являются подвижными⁴.

При формировании концепции нового закона о науке, вероятно, оправданно исходить из того, что он должен на базе Конституции РФ, наших традиций и накопленного опыта обеспечить необходимые правовые формы реализации обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Но означает ли это, что соответствующий сло-

³ Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма; Инфра-М; Российская академия наук, 2025. С. 10.

⁴ См., например: Гордеева Н. А., Филь М. М. Право и реформирование науки. Проблемы и решения. М. : Новая правовая культура, 2005. С. 10–16 ; Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 2. С. 58–69.

жившийся комплексный нормативно-правовой массив должен быть систематизирован и интегрирован именно и только вокруг научно-технологического развития?

И соответственно, возникает более важный вопрос: насколько целесообразно и обоснованно включать в предмет саму науку (как сейчас, судя по наименованию Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»), если иметь в виду, что наука в смысле интеллектуального творчества не подвержена властно-управленческому воздействию и вместе с тем неизбежно приобретает социальный характер? Примечательно, что Конституция РФ, гарантируя каждому свободу научного, технического творчества (ч. 1 ст. 44), при определении соответствующего функционала публичной власти пользуется различными формулировками: федеральная политика в области научно-технологического развития (п. «е» ст. 71); общие вопросы науки (п. «е» ст. 72); единая социально ориентированная государственная политика в области науки (п. «в» ч. 1 ст. 114); государственная поддержка научно-технологического развития (п. «в.1» ч. 1 ст. 114).

В существующем дуалистическом наименовании соответствующего закона просматривается, с одной стороны, стремление подчеркнуть самоценность науки, ее известную автономию и непроизводность от государственной политики, которая, в свою очередь, концентрируется на научно-технической составляющей. С другой — признание важности не только собственно регулятивно-правовых, но и иных реализуемых через государственную научно-техническую политику способов воздействия на соответствующие отношения.

В этом плане, не подвергая сомнению выдающийся принцип академической свободы, важно учитывать, что законодательное регулирование науки не может быть отделено от целей государственной политики или противопоставлено им (тем более с учетом того влияния, которое наука и технологии фактически оказывают на институты государства и права, включая преобразование правового статуса личности⁵), при этом оно должно носить ком-

плексный, всеохватный характер, включать в себя в том числе общественно-научные (социогуманитарные) аспекты, в которых технико-технологическая сторона выражена не столь явно. Следует подчеркнуть и то, что наука, рассматриваемая сквозь призму категории объекта законодательного регулирования, не может превращаться только в объект государственного воздействия, она должна активно включаться через свои субъекты в формирование, развитие государственной политики. Признание, раскрытие основных принципов научного подхода к управлению государством и обществом должны получить адекватное отражение в базовом законе.

Широко востребованная в политико-правовой практике терминология, связанная с научно-технологическим развитием, в принципе оправданная приоритетом решения прагматических, конкретно-прикладных задач, при определении предмета законодательного регулирования, если предполагать его сведение именно к данной категории, может оказаться небезобидной для фундаментальной науки и гуманитаристики. Более того, нельзя игнорировать то обстоятельство, что сама категории техники (и ее технологические проявления), рассматриваемая с философских и социально-мировоззренческих позиций, ориентирует (если не замыкается) на концепцию преобразования мира (включая социальный конструктивизм), известным образом нивелирует значение понимания и, соответственно, принятия мира (и по мотиву этических самоограничений, и вследствие страха перед истиной, и по иным причинам)⁶.

В предметном плане необходимо также определить место обсуждаемого закона в соотношении с регулированием промышленной политики, которое в настоящее время в значительной степени интегрирует нормы о промышленных инновациях, тесно связанных с научной составляющей, и технологической политики, также получившей отдельное правовое оформление в Федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ См. подробнее: Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического развития: формирование, реализация, защита / отв. ред. М. Е. Черемисинова. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2024.

⁶ См. подробнее: *Попкова Н. В.* Философский анализ техники и философия диалога // *Философия науки и техники.* 2023. № 1. С. 79–90.

Представляется, что с учетом отмеченных обстоятельств предметное пространство законодательного регулирования могло бы определяться через конструкцию «государственная политика в области науки и научно-технологического развития». Для упрощения далее по тексту статьи соответствующий базовый закон именуется законом о науке, но необходимо иметь в виду сделанную предметную оговорку.

2. Поиск новых методологических подходов, в частности, к форме правового регулирования в сфере науки. Надо признать, что действующий закон о науке фактически не приобрел базовый консолидирующий характер, его нормы не оказывают приоритетного воздействия на соответствующие отношения. Научное законодательство развивается несистемно, казуистично, а отраслевое (общегражданское, общеэкономическое) законодательство далеко не всегда надлежащим образом учитывает специфику научной деятельности. Так, обширная дискуссия по поводу корректировки порядка закупок товаров, работ, услуг научными и образовательными организациями для выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, с тем чтобы формальное обеспечение конкурентных условий закупок не создавало необоснованных затруднений для реализации научных задач, не привела к значимым результатам. Сохраняется уже давно отмеченная проблема, состоящая в том, что отраслевое законодательство, в том числе налоговое, бюджетное, использует собственную логику в понимании границ научной деятельности и научной сферы и изменить эту логику усилиями специалистов в области законодательного регулирования научно-технической сферы практически невозможно⁷. Это предполагает в качестве одной из основных методологических задач придание закону о науке системообразующего значения, коллизионного приоритета в соответствующей сфере как непосредственного регулятора отношений, чтобы он выступал в функционально-регулятивном плане актом нового метакодификационного типа, не будучи облечен в формально-юридическую оболочку кодекса напрямую и в полном смысле (хотя бы в силу весьма серьезного уровня дифференциации и специализации охватываемых соответ-

ствующим нормативно-правовым регулированием общественных отношений).

Принимая во внимание комплексный характер соответствующей сферы отношений, во многих частях которой сложились обособленные массивы правового регулирования и организационно-управленческие структуры, необходимо — при сохранении на данном этапе сложившейся структурной логики — обеспечить способы интеграции, подключения норм закона о науке к регулированию различных смежных, примыкающих отношений (например, инновации в промышленности, организация и функционирование особых экономических зон технико-внедренческого типа, исследовательская деятельность в области медицины и фармакологии). Особое внимание нужно уделить договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, которые включены в предмет гражданско-правового регулирования (гл. 38 ГК РФ), но имеют явную специфику, определяемую характером научной деятельности, присущими ей рисками, значимостью в том числе не до конца сформированных или даже отрицательных результатов.

Еще один методологический аспект — обеспечение сбалансированного сочетания юридических и этических начал в правовом режиме организации научной деятельности, а также использование регулятивных и программно-целевых, ценностных правовых конструкций, специальных правовых механизмов, призванных стимулировать и одновременно сделать безопасным опережающее (прорывное) научно-технологическое развитие. Идеи научной этики, добросовестности, патриотизма должны быть сквозными в данной сфере правового регулирования.

В плане же собственно содержательной стороны методологии правового режима в сфере науки нужно искать баланс между диспозитивным и императивным методами через оптимальное сочетание присущего им разнообразия правовых средств, имея в виду, что каждый из этих методов сам по себе не только имеет преимущества, но и несет определенные риски. Так, следует согласиться, что «диспозитивный метод сопровождается коммерциализацией науки, которая, наряду с положительным эффек-

⁷ Кузнецова Т. Е. Актуальные проблемы совершенствования законодательства о науке // Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития / отв. ред. д-р юрид. наук В. В. Лапаева. М. : Норма, 2004. С. 96.

том внедрения научных результатов в реальный сектор экономики, может вести к применению заведомо неадекватных рыночных критериев для оценки деятельности ученых и научных организаций... С другой стороны, императивный метод может сдерживать и ограничивать научную деятельность, ее финансирование и иные меры поддержки»⁸. В настоящее время в силу объективных причин императивные начала в регулировании науки должны быть базовыми, преобладающими, но ориентироваться не на понимаемый в дисциплинарно-бюрократическом ключе порядок (с оптикой, сфокусированной на «бумажную» науку, включая обширную публикационную активность), а на реализацию государственно значимых задач (что не может не подразумевать достаточно широкое пространство научной свободы для ученого).

Стоит подумать над установлением специальных фильтров, обеспечивающих устойчивость и эффективность регулирования в сфере науки, как то: внесение в закон о науке поправок отдельным законом, обязательное наличие по соответствующим законопроектам экспертизы, проводимой Российской академией наук.

3. Актуализация, уточнение категориального аппарата, включая прежде всего раскрытие (в виде отдельных дефиниций или через более общие дефинитивные подходы) новых конституционных терминов «единая социально ориентированная государственная политика в области науки», «основы федеральной политики в области научно-технологического развития», «научный потенциал Российской Федерации», «сохранение и развитие научного потенциала Российской Федерации». Требуется оценить необходимость, целесообразность включения в тезаурус понятия, характеризующего реализацию и направленность суверенитета Российской Федерации в научной, научно-технологической сфере (например, подобно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации или, что более плодотворно, через понятие научно-технологического лидерства), понятий, введенных в Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, а также используемых в ней терминов, не имеющих специальных дефиниций (например, территории с высоким научно-технологическим потенциалом), иных новых понятий, например научный задел.

Конституционная категория социальной ориентации государственной политики в области науки имеет особое значение, характеризует, по существу, новый принцип, не только относящийся к параметрам государственного воздействия на научную сферу, но и отражающий изменение общественных представлений о роли и назначении самой науки. Данный принцип предполагает по крайней мере следующее:

а) развитие науки, в том числе фундаментальной, не только ради самой науки, но и для общества;

б) поскольку наука должна служить общественному благу, государство и общество в целом должны, в свою очередь, создавать максимально благоприятные условия для науки, в том числе предоставлять на основе экономической солидарности необходимые ресурсы, а также формировать организационные механизмы для диалога и сотрудничества между наукой, властью и бизнесом, чтобы наука могла наиболее полно и результативно раскрыть свой потенциал;

в) обеспечение социального престижа научной деятельности, высокого статуса ученого и одновременно восприимчивости общества к инновациям, укоренение научного мировоззрения.

4. Определение на законодательном уровне общей системы мер по поддержке и продвижению русского языка как языка научного общения в целях сохранения и развития отечественного научного наследия и научных школ, обеспечения имеющего естественные предпосылки соответствия выразительных средств научного познания сложившимся в национальном социокультурном контексте формам мировоззрения и его транслирования в глобальном масштабе (что в особенности важно в сфере ориентированных на понимание, а не объяснение, социогуманитарных наук), и тем самым осуществление, помимо прочего, защиты от манипулирования научной истиной, которое может производиться через внедрение не просто иноязычных, а чужеродных ценностно насыщенных категорий. Нельзя не учитывать, что «существует совсем немного языков, которые достигли такого уровня развития, что позволяют представлять все многообразие научной деятельности»⁹, и политика государства, направленная на укрепление соответствующей роли

⁸ Научное право / под ред. А. А. Васильева. М. : Инфра-М, 2024. С. 17.

⁹ Донских О. А. Рефлексия над языком и начало науки // Философия науки и техники. 2024. № 2. С. 121.

русского языка, имеет принципиальное значение для достижения научно-технологического лидерства России.

Это предполагает прежде всего (но не только):

- создание условий по развитию, повышению уровня и качества научных мероприятий и научных изданий (периодических, монографических и иных) на русском языке (в том числе в рамках международного научного сотрудничества в рамках СНГ), включая решение таких вопросов, как: совершенствование правового регулирования в сфере рецензирования научных журналов в целях повышения качества, объективности и прозрачности рецензирования, повышения уровня мотивации рецензента в отношении выполняемых функций и его ответственности за свою работу, обеспечение квалифицированного профессионального состава рецензентов; учет научных монографий, опубликованных в ведущих издательствах, в качестве публикаций результатов научных исследований для целей научной аттестации; введение системы оценки уровня качества научных конференций и готовящихся по их итогам сборников материалов (докладов) в целях учета при оценке результативности научной деятельности, преодоление сложившейся практики издания такого рода сборников под видом монографий;

- формирование отечественной системы наукометрии, обеспечивающей достоверность и востребованность используемых собственных индексов;

- развитие научных библиотек и научных музеев, предоставление открытого доступа к диссертациям российских исследователей, в том числе подготовленных в предшествующие исторические эпохи.

5. Урегулирование в соответствии со сложившимися реалиями и национальными приоритетами единого механизма управления в сфере научной деятельности и научно-технологического развития. Важно закрепить в законе единую вертикаль управления научно-технологическим развитием с охватом не только субъектов РФ, но и имеющих высокую степень концентрации государственных задач муниципальных образований. Единство управленческой вертикали не должно приводить к бюрократизации управления наукой. На каждом территориальном уровне должны создаваться организационные структуры, обеспечивающие участие научной общественности в формиро-

вании и реализации научной политики. Вместе с тем нуждается в совершенствовании механизм парламентского контроля за ходом и итогами реализации научной политики, в сфере результативности научной деятельности, связанной так или иначе с государственным финансированием.

Следует подчеркнуть, публично-территориальный принцип не должен быть самодовлеющим фактором научной политики, не должен сдерживать научно-технологическое развитие. В целях реализации приоритетов научно-технологического развития должна быть обеспечена возможность централизованного и консолидированного использования потенциала научных и иных организаций независимо от территориальной, ведомственной принадлежности и форм собственности.

Требуется совершенствование территориальных правовых форм (институтов, режимов), способствующих созданию условий для повышения эффективности (результативности) научной деятельности и сбалансированного научно-технологического и социально-экономического развития территорий. Действующее регулирование идет по пути расширения разнообразия форм реализации (стимулирования, поддержки) научно-технологического развития, сочетает исторически сложившиеся и новые, типовые и единичные (индивидуальные) формы, которые определяются нормативными правовыми актами разной отраслевой принадлежности (в том числе складываются на основе бюджетного и налогового регулирования) и разной юридической силы, включая подзаконные акты. Участие субъектов РФ и муниципальных образований в решении задач научно-технологического развития неравномерно, как и доля вклада наукоемких производств в развитие различных территорий. Необходимо в новых реалиях оценить и переосмыслить подходы к организации и пространственному размещению научного потенциала для форсированного (ускоренного, опережающего) развития научно-технологической сферы с учетом общенациональных приоритетов и стратегических задач, обеспечения технологического суверенитета.

Закон о науке должен обеспечить системный подход к формированию и применению специальных правовых режимов поддержки научной деятельности, предусматривающих особенности ведения научной, экономической и иной деятельности, организации и осуществления публичной власти, на отдельных территориях,

включая территории размещения уникальных научных установок и иных объектов, имеющих особое (стратегическое) значение для сохранения и развития научного потенциала Российской Федерации. Необходимо содержательно раскрыть критерии определения территорий с высоким научно-технологическим потенциалом.

Отдельного внимания требует вопрос определения места государственных академий наук в системе государственного управления научной (научно-технической) и инновационной деятельностью.

6. Сохранение и укрепление кадровой составляющей научно-технологического развития Российской Федерации, а также совершенствование механизмов финансового обеспечения научной деятельности в целях гарантирования ресурсной и инфраструктурной достаточности для реализации технологического лидерства, притом что гарантии бюджетного финансирования должны быть закреплены на уровне федерального закона.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 поставлена задача выделить аспирантуру в отдельный уровень профессионального образования в целях подготовки кадров для научной и преподавательской деятельности. Это не подразумевает сужения, ослабления нормативного регулирования подготовки научных кадров в законе о науке, который должен обеспечивать решение этих вопросов в едином регулятивно-управленческом комплексе, определяющем формирование и реализацию государственной политики в области науки и научно-технологического развития. Необходимо продолжить совершенствование государственной системы научной аттестации на основе сочетания разумной степени гибкости и вариативности аттестационных процедур и безусловного обеспечения надлежащей проверки научной новизны и иных установленных требований в отношении научных результатов при присуждении ученой степени¹⁰, учесть, насколько это возможно, потенциал востребованности наукой, обществом и государством соответствующих научных результатов.

Вопросы прогнозирования потребности в научных кадрах, совершенствования системы оплаты труда научных работников с учетом их

особой роли в обществе, обеспечения систематизации и результативности мер поддержки ученых также требуют своего решения, в том числе на законодательном уровне.

Что касается финансирования, то в качестве одного из приоритетов можно обозначить следующий: государство должно исходить из необходимости широкого поощрения участия субъектов предпринимательской деятельности в развитии и эффективном использовании научного потенциала Российской Федерации, в том числе путем качественного увеличения внебюджетного финансирования научной деятельности, привлечения научных организаций к разработке инноваций, скорейшего внедрения изобретений и иных патентоспособных результатов творческой деятельности в жизнь. Бизнес должен не только видеть для себя понятные стимулы в виде налоговых вычетов, различных субсидий, но и осознавать уровень социальной ответственности.

Следует проработать организационно-правовой механизм взимания с определенной категории хозяйствующих субъектов (например, недропользователей и крупнейших иных высокомаржинальных компаний, связанных с аккумулярованием и использованием общественно значимых финансовых ресурсов и технологическим развитием) обязательных регулярных платежей в целях финансового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе включающий в себя порядок аккумулярования соответствующих денежных средств (в централизованном или децентрализованном варианте, в частности с использованием существующих фондов), их распределения.

7. Отдельный блок вопросов, который нуждается в обсуждении, связан с международным сотрудничеством. Главное здесь состоит в следующем: поощрение взаимодействия в национальных интересах и разумный контроль в целях предотвращения утечки значимых научных результатов и технологий. Требуют внимания также вопросы научно-популярного туризма между Российской Федерацией и дружественными для Российской Федерации государствами, направленного на развитие межгосударственного сотрудничества в научно-технической и инновационной сферах, а так-

¹⁰ Петров М. П., Логинова Е. А., Пахомов С. И. Развитие системы государственной научной аттестации в России в контуре права самостоятельного присуждения ученых степеней: инструменты, результаты и дальнейшие шаги // Управление наукой и наукометрия. 2024. № 1. С. 10–65.

же повышения эффективности использования потенциала атташе по науке и технике в реализации задач научно-технологического развития (включая определение их новых полномочий по информированию органов публичной власти, научных, образовательных и иных российских организаций о проводимой ими работе, формирование институциональных каналов их коммуникации с научным сообществом в Российской Федерации и в странах пребывания, обеспечение координации работы по вопросам национальных приоритетов научно-технологического развития).

Реализация всех направлений и задач, связанных с совершенствованием законодательства о науке, должна быть подчинена идее всемерного развития российской государственности как формы организации и жизни объединенных в народ сограждан в их неразрывной и ответственной связи с прежними и будущими поколениями.

«Любовь к отечеству, или патриотизм, — как заметил в свое время Д. И. Менделеев, — не-

которые из современных учений... уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству». По этому поводу он сформулировал емкую, определенную и ничуть не утратившую актуальности позицию: «Лживость такого учения становится... ясною... со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния»¹¹.

Патриотическая мобилизация российской науки, подкрепляемая солидарной поддержкой государства и общества, является основой нашего научно-технологического, цивилизационного, нравственного прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гордеева Н. А., Филь М. М. Право и реформирование науки. Проблемы и решения. М. : Новая правовая культура, 2005. 272 с.

Донских О. А. Рефлексия над языком и начало науки // *Философия науки и техники*. 2024. № 2. С. 112–124.

Кузнецова Т. Е. Актуальные проблемы совершенствования законодательства о науке // *Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития* / отв. ред. д-р юрид. наук В. В. Лапаева. М. : Норма, 2004. С. 78–102.

Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1904. 428 с.

Научное право / под ред. А. А. Васильева. М. : Инфра-М, 2024.

Петров М. П., Логинова Е. А., Пахомов С. И. Развитие системы государственной научной аттестации в России в контуре права самостоятельного присуждения ученых степеней: инструменты, результаты и дальнейшие шаги // *Управление наукой и наукометрия*. 2024. № 1. С. 10–65.

Попкова Н. В. Философский анализ техники и философия диалога // *Философия науки и техники*. 2023. № 1. С. 79–90.

Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического развития: формирование, реализация, защита / отв. ред. М. Е. Черемисинова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2024.

Пуанкаре А. О науке. М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1983. 560 с.

Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ / Н. Г. Доронина, Н. М. Казанцев, Н. Г. Семилютина [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; СПб. : Нестор-История, 2014. 476 с.

Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. № 2. С. 58–69.

Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма; Инфра-М; Российская академия наук, 2025. 144 с.

¹¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1904. С. 206–207.

REFERENCES

Cheremisinov ME (ed.). Legal status of a person at the present stage of scientific and technological development: formation, implementation, protection. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Donskikh OA. Linguistic studies as a condition for the development of science. *Philosophy of Science and Technology*. 2024;2:112-124. (In Russ.).

Doronin NG, Kazantsev NM, Semilyutin NG, *et al.* Reform of science and education: comparative legal and economic-legal analysis. Khabrieva TYa (ed.). Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; St. Petersburg: Nestor-History; 2014. (In Russ.).

Fil MM. Bills for Science: History and Modernity. Science Management: Theory and Practice. 2019;2:58-69. (In Russ.).

Gordeeva NA, Fil MM. Law and reform of science. Problems and solutions. Moscow: Novaya pravovaya kultura Publ.; 2005. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Legal essays on the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M; Russian Academy of Sciences Publ.; 2025. (In Russ.).

Kuznetsova TE Actual problems of improving legislation on science. In: Lapaev VV (ed.). Legislation on science: Current state and development prospects. Moscow: Norma Publ.; 2004. (In Russ.).

Mendelev DI. Cherished thoughts. St. Petersburg: Printing house of M.P. Frolov; 1904. (In Russ.).

Petrov MP, Loginova EA, Pakhomov SI. Development of the state scientific certification system in Russia within the independent academic degree award principles: tools, outcomes, and future steps. *Science Governance and Scientometrics*. 2024;1:10-65. (In Russ.).

Poincaré A. On science. Moscow: Nauka Publ. Main publishing house of physical and mathematical literature; 1983. (In Russ.).

Popkova NV. Philosophical analysis of technology and philosophy of dialogue. *Philosophy of Science and Technology*. 2023;1:79-90. (In Russ.).

Vasiliev AA (ed.). Scientific law. Moscow: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация
svkabyshev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 10 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 10.10.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.141-152

Н. Г. Жаворонкова

Счетная палата Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Ю. Г. Шпаковский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о реформе системы высшего образования

Резюме. В настоящее время государство ориентируется на инновационный путь развития. Существующая система высшего образования, построенная по принципам Болонского процесса, вошла в противоречие с современными требованиями к обеспечению национальной безопасности России, целями и задачами развития страны, изложенными в документах стратегического планирования. Дополнительные риски и угрозы снижения эффективности действующей системы высшего образования, в том числе и юридического, связаны с экономическими санкциями со стороны США и Европейского Союза. Авторы показывают, что в обществе есть консенсус относительно принципиальных недостатков существующей системы высшего образования и острая потребность в нахождении наиболее адекватной и эффективной системы, соответствующей нашему культурному коду и многовековым национальным традициям. В статье рассматриваются возможные направления реформирования системы высшего образования в рамках реализации Указа Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» с учетом Стратегии научно-технологического прогресса, других документов стратегического планирования. Авторы делают акцент на необходимости создания собственной уникальной системы образования, основанной на национальных интересах России.

Ключевые слова: высшее образование; Болонский процесс; юридическое образование; документы стратегического планирования; цифровизация; стратегия научно-технологического развития; глобализация; искусственный интеллект; экология; дополнительное образование

Для цитирования: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. К вопросу о реформе системы высшего образования. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 141–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.141-152

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

On Reform of the Higher Education System

Natalya G. Zhavoronkova,
Accounts Chamber of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Yury G. Shpakovsky
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Currently, the government is focusing on an innovative development path. The existing system of higher education, based on the principles of the Bologna process, has come into conflict with modern requirements for

© Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., 2025

ensuring Russia's national security and the goals and objectives of the country's development set out in strategic planning documents. Additional risks and threats to reduce the efficiency of the current higher education system, including legal education, are associated with economic sanctions from the United States and the European Union. The authors have shown that there is a consensus in society regarding the fundamental shortcomings of the existing higher education system and the urgent need to find the most adequate and effective system that corresponds to our cultural code and centuries-old national traditions. The paper discusses possible directions for reforming the higher education system in the framework of the implementation of Decree of the President of the Russian Federation dated 05/12/2023 No. 343 «On some issues of improving the higher education system», taking into account the Strategy of Scientific and technological Progress and other strategic planning documents. The authors emphasize the need to create their own unique education system based on Russia's national interests.

Keywords: higher education; Bologna process; legal education; strategic planning documents; digitalization; strategy of scientific and technological development; globalization; artificial intelligence; ecology; additional education

Cite as: Zhavoronkova NG, Shpakovsky YuG. On Reform of the Higher Education System. *Lex russica*. 2025;78(2):141-152. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.141-152

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Успешное будущее человека зависит
от качественного образования
и разностороннего развития.

В. В. Путин, Президент РФ

Формирование эффективной системы высшего образования — это не что иное, как инвестиции в будущее России. Почему?

Современное общество вплотную подошло к формированию основ новой постиндустриальной цивилизации, опирающейся не столько на материально-вещественные, сколько на интеллектуальные ресурсы. Именно человеческий потенциал является качественным аспектом и главным ресурсом экономики любого государства. Люди с их образованием, квалификацией, профессиональным опытом и навыками, целями и ценностями, жизненными установками и ориентациями выступают в качестве главного и неисчерпаемого, в отличие от всех других, фактора экономического роста. Они же определяют возможности и границы необходимых перемен.

Всё это свидетельствует о том, что в XXI в. для перспективного развития человеческого капитала как важнейшего ресурса экономики нужна серьезная государственная поддержка.

В 2023 г. Указом Президента РФ¹ была запущена очередная реформа высшего образования. Основная цель реформы — совершенствование системы высшего образования, подготовки квалифицированных кадров для

обеспечения долгосрочных потребностей отраслей экономики и социальной сферы.

Президент РФ поручил реализовать до 2026 г. пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования. Данный пилотный проект, который реализуется в ряде вузов страны, предусматривает установление двух уровней высшего образования: базовое и специализированное.

Глава Минобрнауки России В. В. Фальков после принятия Указа Президента РФ № 343 заявил: «К Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу. Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»².

Возникает вопрос: что это — разворот на 180 градусов в отечественном высшем образовании?

Ведь среди ученых, практиков, профессорско-преподавательского состава отечественных вузов и 20 лет назад шла жаркая дискуссия по поводу Болонской системы, Дискутирующие стороны касались проблем, связанных с риска-

¹ Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3535.

² URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3586/1/prof_uieup_1_nesterova.pdf (дата обращения: 24.10.2024).

ми потери ценного образовательного российского опыта (скорее, советского опыта высшего образования), а также рисками снижения уровня высшего образования из-за ориентации на узких специалистов в ущерб фундаментальной подготовке.

Российский специалитет готовил студентов пять лет, и высказывались мысли о том, что дать необходимую квалификацию обучающимся за четыре года невозможно без потери качества. Именно эти убеждения породили до сих пор имеющийся у работодателей скептицизм по отношению к соискателям-бакалаврам³.

Но плюсы принятия новой системы были весьма привлекательны: западные партнеры заверяли, что «болонизация» российского образования автоматически приведет к признанию отечественных дипломов за рубежом. Этот аргумент мог бы дать огромное конкурентное преимущество отечественным вузам. Однако за два десятилетия работы цели, которые ставил Болонский процесс, в России достигнуты не были (в части автоматического безусловного признания российских дипломов и повышения конкурентоспособности вузов России). В то же время присущая ранее фундаментальность высшего образования в России в немалой степени была утрачена⁴.

Таким образом, в обществе есть консенсус относительно принципиальных недостатков существующей системы высшего образования и острая потребность в нахождении наиболее адекватной и эффективной системы, соответствующей нашему культурному коду и многовековым национальным традициям. Поэтому центр научной дискуссии — это фундаментальные вопросы целей, стратегии, содержания, «векторности» и ценности высшего образования.

Но странным образом вопросы реформы высшего образования в профессиональном дискурсе только формально и поверхностно сопряжены с документами стратегического планирования. Если внимательно изучить основные документы, и прежде всего действующую Стра-

тегию национальной безопасности РФ⁵, Стратегию научно-технологического развития РФ⁶, то будут видны роль и значение высшего образования, перспективы его развития, цели и задачи на краткосрочный и долгосрочный периоды.

В Стратегии научно-технологического развития предельно четко, с различными деталями и со своей спецификой описаны состояние и перспективы развития практически по всем отраслям экономики и сферам жизнедеятельности государства.

Казалось бы, задача разработки целей для высшего образования предельно упрощена — в каждом документе стратегического планирования предполагаемое место высшего образования уже обозначено и предопределено. Однако так не получилось. Причин здесь много, и они связаны с тремя факторами.

Первое. Сфера высшего образования стала слишком «отдельной», консервативной, зарегулированной, неповоротливой, как следствие, неконкурентоспособной, отчасти производящей «продукт» больше «для себя», чем для внешнего рынка. Связь высшего образования (а следовательно, и ответственность) с результатами и эффективностью всего государственного механизма постепенно утрачивается.

Второе. Высшее образование как институт не сформулировало ни для себя, ни для общества высоких гуманитарных и общечеловеческих ценностей, идей, смыслов, которые бы принимало, разделяло и поддерживало население страны как органичную часть образа жизни, культуры и традиций. Нельзя забывать, что образование — это воспроизводство культуры, лучших традиций и практик, интеллектуальных достижений и человеческого капитала.

Третье. Очевидное «запаздывание» (возможно, и «вторичность») влияния образовательных стратегий и программ обучения на современные технологии и ответов на вызовы времени. Вместо разработки собственной национальной доктрины высшего образования происходит заимствование зарубежного опыта.

³ На российском рынке труда образование бакалавров воспринимают как неоконченное высшее, а за магистерской степенью в вузы приходит не так много студентов в силу того, что они стремятся быстрее (часто не по специальности) начать работать и получать деньги.

⁴ Уход от Болонской системы: какой будет новая высшая школа // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20230614/308997727.html (дата обращения: 03.10.2024).

⁵ Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351).

⁶ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

Как результат — зарегулированность высшего образования, потеря «связанности», целостности, внутренней осмысленности.

Цель авторов статьи — анализ не всего огромного комплекса проблем отечественного высшего образования, а лишь его малой части — юридического образования. Специфика и особенность высшего юридического образования состоит как в создании и поддержании правового каркаса государства, легитимности и легальности всего государственного механизма, так и в самом прямом и непосредственном участии в процессе принятия решений, формировании кадровой основы государственного управления. В широком смысле слова юридическое образование в новых условиях должно стать базой для возможной реформы государственного управления, в силу складывающихся геополитических реалий и внутренних обстоятельств.

На наш взгляд, можно условно выделить несколько ключевых проблем, которые самым кардинальным образом влияют или могут влиять на цели и задачи реформы высшего юридического образования:

1. Частичное изменение архитектуры юридического процесса, постепенный переход многих юридических процедур на «полуавтоматический» режим. Разработка и массовое внедрение в юридическую ткань цифровых алгоритмов, искусственного интеллекта, способных самостоятельно решать задачи «селекции» нормативных документов, типизировать дела и выявлять логические и правовые противоречия, а также предлагать решения на основе анализа многочисленных хранящихся в информационной базе судебных дел и решений.

2. Изменение состава, номенклатуры, содержания и квалификационных требований для существующих юридических и процессуальных компетенций. Речь идет о постепенном приспособлении традиционных участников правоотношений (адвокаты, эксперты, консультанты в различных областях) к быстро меняющимся требованиям информационного плана.

3. Изменение перечня и внутреннего наполнения действующих должностных инструкций, паспортов специальностей, а также появление новых специальностей. Это касается вузов, учебных центров, иными словами, всей системы подготовки кадров.

4. Изменение самого понимания ценности, практической пользы, карьерных перспектив юридического образования — смена парадигмы образования: от высокой ценности знания и опыта до умения формулировать вопросы и темы, создавать инновации, планировать преобразования.

5. Изменение подхода к обучению — от приобретения знаний, законодательных практик до умения работать с информацией, использовать возможности искусственного интеллекта, больших баз данных и т.д.

6. Одновременно осуществляемые универсализация и специализация юридического образования. Юрист широкого профиля на рынке труда всё менее востребован, чем специалист в области прикладных отраслей правового регулирования. Но для этого нужна дополнительная специальная подготовка, формирование дополнительных компетенций в смежных областях.

Приведем сравнение. Первая промышленная революция, или, как ее еще называют, Великая индустриальная революция XVIII–XIX вв., повлекшая массовый переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, фактически изменила всю архитектуру и инфраструктуру техносферы людей. Сегодня мы рассматриваем проблему реформы высшего образования через призму искусственного интеллекта и бурно развивающихся нейросетей.

За последние годы «цифровой» тренд уже оказал значительное влияние на мировое развитие. Уникальность Четвертой промышленной революции (Industry 4.0), помимо темпов развития и широкого охвата, заключается в растущей гармонизации и интеграции большого количества различных научных дисциплин и открытий, нового уклада жизни и новой основы для развития всего общества⁷. В современном правовом поле появились условия для внедрения в управленческий процесс аддитивных технологий, блокчейн-технологий, технологий больших данных (big data), технологий «всеобщего интернета» («интернета всего» / The Internet of Everything), «интернета вещей» (Internet of Things), технологий виртуальной реальности (virtual reality, VR, искусственная реальность), технологий искусственного интеллекта и др.⁸ И с этим нельзя не считаться.

⁷ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

⁸ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты // Юрист. 2019. № 4. С. 14–19.

В настоящее время существует несколько проектов реформы высшего образования, находящихся в Государственной Думе, Совете Федерации и Министерстве науки и высшего образования РФ, не считая многочисленных проектов и предложений со стороны профессионального сообщества. Несмотря на очевидные различия в деталях проектов, обсуждается в основном форма высшего образования, то есть нужны ли и в каких случаях бакалавриат и магистратура, в каких — специалитет, нужно ли учиться два / четыре года / пять лет, нужно ли сохранять систему поступления в вузы через сдачу ЕГЭ или вернуться к старой схеме со сдачей трех-четырех вступительных экзаменов, в том числе нужно ли развивать наборы в вузы по целевому принципу или по результатам «портфолио» абитуриента, олимпиад и т.д.

Но это обедняет саму суть и необходимость реформ высшего образования. На наш взгляд, проблема не в том, что будут существовать различные формы, типы и условия подготовки юристов. Мы считаем странным отсутствие в научном дискурсе о реформе высшего образования подробного анализа (со стороны специально уполномоченных органов исполнительной власти) опыта и практики перехода страны на Болонскую систему в различных образовательных сферах (юриспруденция, медицина, менеджмент, политология, технические науки и т.д.): какие стороны и практики дали хороший результат, что можно и нужно сохранить и развивать, а от чего следует отказаться.

Давайте вспомним, что Болонский процесс — это не пошаговая дорожная карта реформирования системы отечественного высшего образования, а набор принципов, по которым она должна строиться. Реформа, через которую страна входила в Европейское пространство высшего образования, целиком находилась в руках Правительства РФ⁹. Была ли Болонская система образования в полном объеме реализована в России? Наверное, нет!

Кроме того, как в России, так и в других странах современное образование всё больше отказывается от теоретического подхода к обучению и ориентируется на практику. Современные студенты в процессе обучения нацелены не столько на прослушивание лекций и подготовку к практическим занятиям (семинарам), сколько на выполнение различных проектов, направленных на получение практических на-

выков. В юридических вузах при подготовке выпускных квалификационных работ (ВКР) упор делается на практико-ориентированные исследования. Так, в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с 2021 г. реализуется проект «Стартап как ВКР», где студенты магистратуры вместо традиционного написания выпускной работы могут оформить свою предпринимательскую инициативу в форме магистерской диссертации.

Важным моментом является то, что одновременно с переходом к Болонской системе в России осуществился переход от традиционной системы выпускных и вступительных экзаменов к ЕГЭ. Но в терминах Болонского процесса это два независимых друг от друга явления. Поэтому отказ от системы ЕГЭ, которую критиковали и критикуют не меньше, чем Болонский процесс, не следует из анонсированного отказа от Болонской системы.

Сейчас нельзя только на основании Указа Президента РФ № 343 судить о том, какой будет новая отечественная система образования. Из имеющихся документов не до конца понятна идея, концепция нового высшего образования. Будет ли найден разумный баланс между академичностью и фундаментальностью отечественной советской системы образования и стандартизованностью и мобильностью Болонской системы?

Главное, чтобы основным лейтмотивом этой реформы не стал просто уход от Болонской системы в никуда, чтобы были выработаны ценностные национальные ориентиры развития высшего образования в России.

Здесь уместно привести диалог между Алисой и Чеширским Котом из сказки Л. Кэролла «Алиса в стране чудес». Алиса: «Будьте добры, вы не подскажете мне дорогу отсюда?». «Это во многом зависит от того, куда вы хотите попасть», — сказал Кот.

А куда мы действительно хотим прийти по пути реформирования высшего образования? В какой форме мы можем вернуться к традиционной для нашей страны базовой системе подготовки специалистов с высшим образованием?

Двадцать лет — большой срок. Тем более что в мире семимильными шагами внедряются во все сферы жизни новые информационные технологии: цифровизация и искусственный интеллект. Эти информационные процессы достаточно глубоко вошли в научную и обра-

⁹ В Болонской декларации закреплён принцип уважения национальных систем и традиций образования.

зовательную сферы. И с этим необходимо считаться при реформировании системы высшего образования. Однако принципиальный вопрос реформы образования состоит в том, что сама «глобализация» и «многополярность» — во многом антитеза «национальному суверенитету», а «цифровизация», искусственный интеллект, высокие технологии — одна из опор как глобализации, так и многополярности. Поэтому, когда рассматриваются варианты реформ высшего образования, необходимо во главу угла ставить не цели и возможности цифровизации, а ее применимость к возможностям и преимуществам национальной культуры, особенностям и своеобразности исторического опыта, региональной и природной специфике.

Представляется, что успех реформы высшего образования (как ни парадоксально это звучит) будет зависеть не от полного и быстрого освоения новейших технологий информатизации, искусственного интеллекта, не от возможностей его массового применения в юриспруденции, а от правильного, лишенного популизма и двусмысленности понимания нравственных, этических основ национальной государственности и правопорядка. Искусственный интеллект, цифровизация по своей сути лишены нравственных кодов, поэтому именно здесь лежит водораздел в понимании смысла и предназначения целей реформы высшего образования.

Право построено на моральных постулатах и человеческих ценностях, оно имеет смысл только как человеческий, не цифровой, не роботизированный, не технологический, а прежде всего нравственный императив. Может так случиться, что право и правоприменение, перестроенное по канонам цифровой логики и алгоритмам искусственного интеллекта, окончательно потеряет свое предназначение — быть регулятором ценностного стержня нашей жизни: справедливости, порядка, нравственности, национальных традиций и т.п. Поэтому высшее образование (в том числе и юридическое), стремясь дать максимальные навыки владения информационными технологиями, должно прежде всего иметь в виду критерии справедливости, морали, нравственности, традиционных ценностей, современной культуры. Право, безусловно, должно соответствовать

нравственным нормам, выражать глубинную идею о том, что государство призвано служить интересам общества и в конечном итоге — личности.

На наш взгляд, ответ на этот вопрос — самый важный и принципиальный, определяющий будущее страны. По сути, в центр дискуссии о реформе высшего юридического образования должен быть помещен тезис о качествах человека-специалиста как субъекта государственного управления. Сегодня перечень угроз, вызовов, кризисов, особенностей развития страны в условиях санкционного давления США и «коллективного Запада» настолько велик, что ограничиться лишь дискуссией о цифровизации, расширении списка специальностей, сроках обучения было бы легкомыслием.

В самом общем виде мы хотим попасть в число стран с самым высоким качеством образования, с самым высоким качеством человеческого капитала, с самым высоким качеством жизни не путем заимствования и встраивания в чужие культурные и образовательные коды, а только как самостоятельный и суверенный, современный, технологический и открытый для мира образовательный проект.

Обсуждение содержания и смысла высшего образования должно рассматриваться как ответ на вызовы глобализации, цифровизации, повсеместного использования возможностей искусственного интеллекта, нейросетей, интернет-технологий, а также возможность страны быть или не быть в числе технологически и экономически суверенных государств. Острота, актуальность и срочность реформы высшего образования связаны именно с оценкой роли и места современных образовательных, в том числе цифровых, технологий как инструментов в образовательном процессе, но не как задач для высшей школы.

В обсуждении реформы высшего образования (в том числе и юридического), полагаем, нужно исходить из смысла и положений действующих документов стратегического планирования, таких как Стратегия научно-технологического развития РФ, Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экологической безопасности РФ¹⁰, Доктрина энергетической безопасности РФ¹¹, Федеральный проект «Развитие

¹⁰ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

¹¹ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров»¹². Именно в них содержится государственное видение (понимание) целей, задач, ценностей, перспектив развития высшего образования. Часть исследовательской работы состоит как раз в том, чтобы «перевести», интерпретировать, применить цели и задачи, изложенные в основных документах стратегического планирования, в цели и задачи реформы высшего образования. Такой компендиум целей может и должен стать основой (базой) для обсуждения в профессиональной среде¹³.

Например, что постулируется в Стратегии научно-технологического развития РФ как большие вызовы? Это миропорядок, угрозы нестабильности; исчерпание сырьевой модели роста экономики; демография; экологические проблемы; продовольственная безопасность; энергетика; внешние угрозы, прежде всего военные, террористические, информационные, биологические; освоение пространства.

Более того, в упомянутой выше Стратегии особое значение уделено науке, «возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин». Другими словами, весь текст Стратегии буквально требует первоочередных мер по реформированию высшей школы. Определенное место уделено и экологическим вызовам, таким как «возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанный с их неэффективным использованием рост рисков для жизни и здоровья граждан, изменение климата и влияние последствий его изменения на различные отрасли экономики, население и окружающую среду; качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики, наращивание объема выработки энергии, повышение эффективности ее передачи, хранения и использования, противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укрепление оборо-

носпособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз» (п. 15 Стратегии).

Как конкретно должны эти и другие цели, обозначенные в современном документе стратегического планирования, быть переформатированы в цели, задачи, концепции высшего юридического образования?

Возьмем для примера основной глобальный тренд на многополярность. С точки зрения юридического образования это означает подготовку (разработку) и принятие огромного числа новых документов, нормативных актов, законов и механизмов исполнения для построения и функционирования новой системы международно-правовых отношений, торговых, экономических, регуляторных механизмов вместо традиционных, например в рамках ВТО.

Новые вызовы порождают потребность в новом мышлении, новых подходах, новых знаниях. По сути, санкционный режим требует создания новой парадигмы образования — такой системы правовых отношений, которая сможет преодолеть перечисленные вызовы и угрозы, превратив их в возможности и условия, что предполагает достройку процесса подготовки юристов в высшей школе, нацеливая их на новые тренды, создание механизма «селекции» лучших видов, форм, способов, вариантов юридического образования.

Кроме того, когда мы говорим о ценностях образования, поиске конструктивной идеи развития, объединяющей весь народ и создающей национальный код, то идея правового, цифрового, технологичного, безопасного, экологичного, демократичного государства и есть прямая и непосредственная задача для юридического сообщества, которая реализуется через юридические вузы.

Возьмем, к примеру, эколого-правовое образование. Так, в Стратегии научно-технологического прогресса РФ намечен путь к переходу к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышению эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формированию новых источников энергии, способов ее передачи и хранения. Но данные и многие другие постулаты и обозначенные цели документов стратегического планирования —

¹² Федеральный проект «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» реализуется в рамках национального проекта «Наука и университеты» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Компендиум передовой практики в области поощрения развития, основанного на знаниях / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2008.

это лишь контуры, указатели направления, а для образования, имеющего высокую степень инерционности и мощнейшую корневую систему культуры, национальных особенностей, традиций, привычек и укладов, необходим смысловой, а не технологический аспект.

В Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии экологической безопасности РФ, Стратегии экономической безопасности РФ и других документах стратегического планирования еще более конкретно и детально описаны как сами экологические угрозы, так и программы, пути и механизмы преодоления этих угроз. Но необходим дополнительный анализ для трансформации описанных угроз и вызовов в плоскость чисто юридических проблем и затем в плоскость образования. В этом случае требуется учет как длительности цикла высшего образования, так и более точного и более конкретного прогноза для высшей школы.

Для реформы высшего юридического образования в части подготовки юристов-экологов эти цели и задачи, а также прогнозы и тенденции, выраженные в документах стратегического планирования, должны быть преобразованы в перспективные учебные программы, целевые проекты, ориентированные на тенденции развития рынка труда. Но это прикладная задача, которая решается после определения целей, задач и перспектив высшего юридического образования.

В современной высшей школе студенты — это будущие управленцы, прикладные юристы, поэтому они должны стать частью кадрового резерва государственного управления, а значит, и основной целевой аудиторией при подготовке и обсуждении проектов документов стратегического планирования, различных целевых программ, прогнозов социально-экономического развития, концепций как на федеральном, так и на региональном уровне. Это, с одной стороны, тот обязательный тренажер государственного и регионального управления, который приобщает студентов к государственно-правовой проблематике, с другой стороны, та часть процесса планирования, которая позволяет максимально раскрыть потенциал, обеспечить инновационное видение актуальных проблем.

На наш взгляд, одной из реальных концепций высшего юридического образования в технологическом плане мог бы стать вариант

«юридической ординатуры» и «управленческого инкубатора». То есть после теоретической подготовки обязательен (как в медицине) годовой практический стаж, работа в сфере государственного (или муниципального) управления или конкретной юридической сфере.

В более частной — экологической — специализации остается открытым вопрос: является ли сама специализация в эколого-правовой области настолько актуальной, что эту проблему необходимо выносить в отдельный блок?

Казалось, что на фоне острейших геополитических и внутренних проблем, связанных в том числе с санкционной политикой «недружественных стран», сегодня экологические проблемы явно не в приоритете. Тем более что международное экологическое и правовое сотрудничество с партнерами в Европе, США и многих других странах (в том числе на уровне международных организаций) находится в состоянии определенного кризиса. Это на первый взгляд. Но в самой ближайшей перспективе именно экологические проблемы будут драйвером развития и успешности любой страны. Это связано с тем, что экологическая безопасность становится не только и даже не столько проблемой охраны окружающей среды и рационального природопользования, сколько проблемой выживания и развития всей цивилизации.

Это значит, что вузы, которые имеют программы подготовки юристов-экологов, должны осваивать глобальную международную и межрегиональную проблематику экологической безопасности с возможностью прохождения практики в соответствующих органах государственной власти и управления РФ. Поэтому документы стратегического планирования, касающиеся экологической безопасности, хотя и очень слабо корреспондируются с программами обучения юристов-экологов, но должны служить ориентиром для целей высшего образования. По нашему мнению, эти вопросы должны найти отражение в новой стратегии экологической безопасности¹⁴.

И здесь стоит разделить проблему содержания системы высшего образования и проблему организации образования, т.е. адекватность существующих институтов и процедур. Если содержание юридического образования (на данном этапе) требует инноваций, самостоятельности, умения работать с искусствен-

¹⁴ Действующая Стратегия экологической безопасности РФ принята в 2017 г. и анонсирована на период до 2025 г.

ным интеллектом и информацией в целом, то реформа институтов (то есть учреждений образования, включая кадры и программы подготовки, финансирование) требует очень осторожного и последовательного анализа самих возможностей и границ трансформации.

С момента принятия действующего Закона об образовании¹⁵ прошло 12 лет. Без его пересмотра говорить о реформе высшего образования невозможно. В обновленном или новом законе об образовании должны быть сформулированы те положения и условия, которые предоставляют максимальные возможности для инноваций, для самостоятельности, экспериментов, быстрого внедрения лучшего опыта и лучших образовательных практик. Закон об образовании отражает вчерашнее видение проблемы подготовки кадров — через стремление бюрократизировать систему образования, что несовместимо с вызовами современности. Возможности для инноваций возникают там и тогда, где и когда существует соответствующая — комфортная и насыщенная стимулами — среда обитания.

Не секрет, что классическое образование (университеты, академии, институты, колледжи) сильно обременены массой регуляторных документов: лицензий, сертификатов, аккредитаций, образовательных стандартов, методик, рекомендаций и т.д. Современные российские вузы полностью зависят от государственных органов образования, которые создают вертикаль высшего образования в этой сфере. Одновременно есть понимание, что существуют сверхсложные (срочные и острые) проблемы высшего образования, буквально определяющие будущее страны, а есть бюрократическая новация по замене сущностных вопросов образования на варианты изменения формы. Большинство проектов реформы высшего образования (с которыми удалось познакомиться авторам статьи) как бы «из прошлого». Эти проекты представляют собой смесь «классического» варианта системы высшего образования с набором элементов из условно западного и условно национального варианта «перемен», с обязательным условием усиления регуляторных механизмов и роли государственных органов образования.

Важным является вопрос: кого в самое ближайшее время может затронуть реформа высшего образования? Обратимся к статистическим данным.

По данным ФСН¹⁶, на 1 октября 2023 г. в системе высшего образования насчитывалось более 4,33 млн студентов, из которых 66,7 % (или 2,9 млн человек) обучаются по программам бакалавриата, 20 % (или 864,7 тыс. человек) — по программам специалитета.

Возникает актуальный вопрос, ответ на который напрямую зависит от концепции высшего образования на ближайшие 20 лет: нужно ли ежегодно утверждать планы приема для вузов?

За счет бюджетных средств обучение проходят 2,05 млн студентов, или 47,4 %, а 2,27 млн студентов, или 52,6 %, — с полным возмещением стоимости обучения. Численность обучающихся за счет средств бюджетов различных уровней за период с 2019 г. выросла на 161,6 тыс. человек. Общая численность выпускников в 2023 г. составила 805,9 тыс. человек, в том числе по программам бакалавриата — 532,7 тыс. человек, специалитета — 115,0 тыс. человек, магистратуры — 158,2 тыс. человек. Из них обучались за счет бюджетных ассигнований — 233,7 тыс. человек¹⁷. Простой анализ сведений о трудоустройстве выпускников вузов показывает, что почти для половины из них нет работы по специальности.

По данным Ассоциации юристов России, в настоящее время ежегодно получают высшее юридическое образование около 700 тыс. студентов, из них 75 % заочно, а всего юридическая подготовка производится в почти тысяче вузов, из которых только 23 % — специализированные и 14 % — «классические» университеты. За 20 лет дипломы юриста получили более 2 млн человек, из них почти 75 % не работает по специальности.

Нет полных данных о выпуске специалистов по специальностям «охрана окружающей среды», «экологическое право», «земельные отношения». Очевидно, что по сравнению с гражданско-правовой, административной, уголовной специализациями это предельно скромная доля выпускников юридических вузов. Положение усугубляется тем, что даже те

¹⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

¹⁶ См.: Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования / Минобнауки России. М., 2024.

¹⁷ Доклад о реализации государственной политики... С. 156.

выпускники, которые специализировались на экологическом праве, не могут с гарантией работать по специальности.

Данная статистика говорит, на наш взгляд, о следующем:

1. Количество дипломированных юристов больше, чем потребности рынка труда, при одновременном дефиците «качественных», «синтетических» специалистов.

2. Специальность «юрист (правоведение)» многоаспектна, востребованность ее падает, и в ближайшем будущем мы столкнемся с резким сокращением спроса на рынке труда и необходимостью переформатирования в соответствии с запросами общества и рынка.

3. Очевидна назревшая необходимость пересмотра не только форм и организации обучения юристов, но и содержания, стратегии, целевой установки, практик, что прежде всего затронет профессорско-преподавательский состав.

4. Главный вызов и стратегические угрозы для системы подготовки юристов в системе высшего образования лежат не в плоскости пересмотра программ обучения, а в применении концепции опережения (как минимум соответствия) согласно бурно развивающимся тенденциям повсеместного использования искусственного интеллекта.

Таким образом, основным элементом реформы высшего образования являются цифровые технологии. Обратимся к Стратегии научно-технологического развития РФ, где специально выделены разделы, посвященные цифровизации, и акцентировано внимание на необходимости «создания цифровой инфраструктуры организации деятельности и управления в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечивающей мониторинг и контроль реализации управленческих решений, а также формирование и ведение информационных систем в области научно-технологического развития»¹⁸.

Другими словами, цифровизация образования является безусловным приоритетом для всей системы высшего образования, в том числе и для юридического образования. Уже сегодня цифровизация и новые образовательные технологии, рыночный характер образования

(образование как услуга) привели в действие ранее так масштабно не использовавшийся фактор дистанционного, дополнительного, специального, непрерывного образования.

В стране имеется масса структур, занимающихся подготовкой специалистов (в том числе юристов), прежде всего — система дополнительного образования (ДПО) и переподготовки кадров (ДПП). По статистическим данным, в 2023 г. 8,38 млн человек обучались по ДПП, из них 7,51 млн (89,6 %) — по программам повышения квалификации и 0,87 млн (10,4 %) — по программам профессиональной переподготовки. Новая квалификация была присвоена 57,2 % слушателей программ переподготовки¹⁹. Но здесь возникает вопрос о качестве и эффективности дополнительного образования и переподготовки кадров. Известно, что в большинстве случаев эти курсы носят формальный характер, и нет данных о сопоставимых (сравнимых) оценках эффективности этой формы обучения.

Анализ источников финансирования ДПО в 2023 г. показал, что 36,5 % слушателей получают новые знания по ДПП при финансовой поддержке работодателей. За счет бюджетных ассигнований в 2023 г. обучено 36,8 % слушателей, по договорам об оказании платных образовательных услуг за счет физических лиц — 17,6 %, за счет собственных средств организаций — 9,1 %²⁰.

Не секрет, что на фоне инфляции, сокращения финансирования высшей школы, перегруженности программ уже наблюдается отток преподавательских кадров из высшей школы, что чревато резким падением качества подготовки и неочевидным успехом любой реформы. Плата за ДПО и ДПП — это тот финансовый источник, который может помочь стабилизировать на время ситуацию с невысокими зарплатами вузовских преподавателей.

Из общего числа организаций, реализующих ДПП, 35,2 % (2 479 ед.) являются организациями ДПО, 31,5 % (2 223 ед.) — профессиональными образовательными организациями, 15,8 % (1 115 ед.) — образовательными организациями высшего образования²¹. Возникает резонный вопрос: при наличии быстро расширяющейся сети онлайн-образования (отметим

¹⁸ П. 21 Стратегии научно-технологического развития РФ.

¹⁹ Доклад о реализации государственной политики... С. 7.

²⁰ Доклад о реализации государственной политики... С. 8.

²¹ Доклад о реализации государственной политики... С. 5.

высокую долю прибыли при низких стартовых затратах) какое место должны занимать системы дополнительного образования?

Прежде всего — о трех ярко выраженных тенденциях.

Во-первых, высшее юридическое образование становится процессом непрерывным и перманентным, профессия, полученная вначале, уже не является пожизненной, для карьерного роста обязательны вторая, третья специализации. Представляется целесообразным проанализировать, какие возможности есть у системы второго высшего образования для специалистов естественно-научного и инженерного профиля. Но требуется согласованная с рынком труда классификационная модель, система поддержки и правового регулирования.

Во-вторых, поскольку высшее образование стало услугой и рыночным, конъюнктурным продуктом, то появилось много успешных проектов-конкурентов со стороны частного сектора. Попытка «зарегулировать» этот сегмент может привести только к снижению качества образовательных услуг.

В-третьих, цифровизация не только открыла новые возможности для онлайн-образования, но и создала новый рынок образовательных услуг, более гибкий, более динамичный, более «рыночный», в конечном итоге более конкурентоспособный. Но необходимо помнить:

юридическое образование — это не столько цифровые технологии, искусственный интеллект, сколько морально-этические нормы, профессиональные знания, основанные на культурно-исторических и национальных ценностях.

Другими словами, предполагаемая реформа затронет прямо или косвенно не только государственный и негосударственный (как бы подконтрольный, иначе говоря, институализированный) сектор высшего образования, но и десятки миллионов человек, получающих как традиционное высшее образование, так и дополнительное, что окажет и уже оказывает самое сильное и непосредственное влияние на формирование облика страны и темпы ее развития.

В заключение нужно отметить, что важнейшим условием успешной реформы высшего юридического образования следует считать реализацию принципа достаточного разнообразия, инновационного толчка, практичности форм методик и концепций обучения, снятия излишних бюрократических барьеров для ведущих юридических вузов, понимание приоритетов, выработанных на основе анализа вызовов и угроз, обозначенных в документах стратегического планирования, а также времени их реализации. Время изменения — чуть ли не главный вызов и фактор успешности реформы высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты // Юрист. 2019. № 4. С. 14–19.

Компендиум передовой практики в области поощрения развития, основанного на знаниях / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2008. 150 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

REFERENCES

Compendium of best practices in promoting knowledge-based development. United Nations Economic Commission for Europe. New York and Geneva; 2008. (In Russ.).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).

Zhavoronkova NG, Shpakovsky YuG. Digitalization in the field of environmental safety: Administrative and legal aspects. *Yurist [Jurist]*. 2019;4. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член экспертного совета при Счетной палате Российской Федерации
д. 2, Зубовская ул., г. Москва 119121, Российская Федерация
gavoron49@mail.ru

Шпаковский Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
jgshpakovskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Expert Council, Accounts Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
gavoron49@mail.ru

Yury G. Shpakovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
jgshpakovskij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 9 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 января 2025 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 09.08.2024.

Revised 14.01.2025.

Accepted 15.01.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

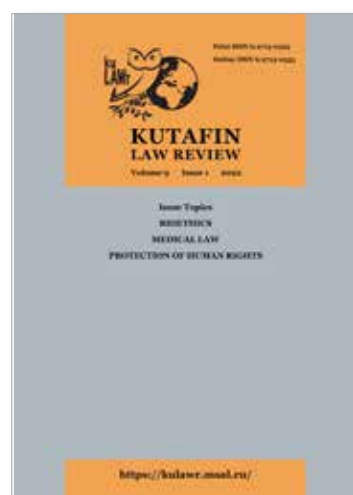
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008